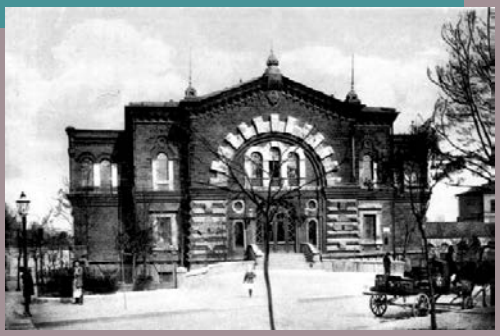
Одесский альманах

№73

II / 2018

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ



PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 2 (73), 2018
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Председатель редакционного совета: Иван Липтуга
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Плутон»
65023 Украина Одесса, ул. Нежинская, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42
Тираж 500 экз.
Заказ № _____

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 2 (73), 2018
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Голова редакційної ради: Іван Ліптуга
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «Плутон»
65023 Україна Одеса, вул. Ніженська, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42
Наклад 500 прим.
Замовлення № _____

© АО «ПЛАСКЕ», 2018
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2018

От редакции

3 июля 1823 года молодой вольнолюбивый поэт Александр Пушкин приехал в Одессу, в которой уже неоднократно бывал и ранее. Месяц назад, 6 июня, он отпраздновал свой 24-й день рождения. В этом году мы отмечаем его 219-летие.

Город у моря был всего на пять лет старше поэта, но уже имел и свое лицо, и свою душу, и свой нрав. Всего за 13 месяцев этот союз молодых дарований явил эффект синергии (сложения сил), да такой, что и сегодня поражает нас. За эти месяцы Пушкин создал десятки лирических стихотворений, поэмы, а главное – продолжил работу над романом в стихах «Евгений Онегин», где есть и одесская глава, которую, образно говоря, называют грамотой на бессмертие городу, в котором он так блистательно творил и так вдохновенно любил.

В то время город строился по регулярному плану великого инженера де Волана. С тех прошло более 200 лет, за которые Одесса росла, расширялась, и в связи с этим менялись и планы города, и его карты. На одних доминировала городская застройка, на других – промышленные предприятия, транспортные развязки, рекреационные зоны…

И вот 1 апреля нынешнего года горожанам и нашим гостям была представлена «Юмористическая карта Одессы», увидевшая свет в 45-ю годовщину Юморины. Сегодня даже странно, что подобное пособие появилось лишь в десятые годы XXI века: со времен Власа Дорошевича, Саши Черного, Ильфа и Петрова и до Михаила Жванецкого материала было достаточно на целый атлас, а то и глобус.

Казалось бы, авторы этого издания все знали о нашем городе, но все же в их только что родившемся детище уже во втором издании придется делать дополнения. Всего за месяц до выхода Юморной карты, 6 марта, в день рождения Михаила Жванецкого, был проложен интернет-мост,

связавший нашего президента с друзьями, собравшимися во Всемирном клубе одесситов. Ему был представлен скульптурный портрет кота Мориса, уснувшего на знаменитом портфеле хозяина, а через несколько дней любимец Жванецкого умостился на подоконнике клубного окна, выходящего на Маразлиевскую, где его может погладить на удачу любой прохожий, но сюда уже водят экскурсии…

Автор этого и других «кошачьих» портретов – скульптор Татьяна Шмыгало. Проект «Городская скульптура» финансируется Общественным бюджетом Одессы.

А вот еще одна композиция – на улице Ильфа и Петрова создана энтузиастом, поклонником их творчества Андреем Лобовым, и изображает «Ключ от квартиры, где деньги лежат», который так ценил Остап Бендер.

Есть среди новых арт-объектов и фигура Мечтателя, прилегшего на скамейку одного из пляжей лицом к морю (автор – Серафим Чаркин)..

Известно, что в Одессе поэта тянуло к нашему южному морю, к порту, где кипела жизнь и встречались моряки и негоцианты из разных стран.

Тридцатого июля 1824 года Александр Пушкин покидал Одессу, ее обитателей – друзей, врагов, возлюбленных, приятелей по пирушкам. Покидал море, к которому обратился, как к живому существу:

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой…

И в завершение этих заметок вспомним всего лишь одну строку из одесского наследия поэта, в котором есть и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь, и озорство, и провидение:

Здесь долго ясны небеса!

Встретимся в солнечном сентябре – в день рождения Одессы.

P. S. И еще – о благодарной памяти. Когда верстался этот номер, состоялось открытие мемориальной доски в честь легендарного градоначальника молодой Одессы герцога де Ришелье – нашего Дюка. Она сооружена на здании (ул. Ланжероновская, 13), где находилась его канцелярия.

Михаил Жванецкий

Я не хочу быть стариком

В моей записной книжке 66 года ноября: «Я не хочу быть стариком!!! Я не хочу быть стариком!!! Я не хочу быть стариком!!!»

Три крика…

Сегодня июль 2003.

И что с того, что не хотел?

Услышал бы меня Господь…

Он точно слышал.

Он просто понял – от какого идиота… Представляю!

Если б меня услышали…

Я бы не сел в автомобиль.

Я б сына не увидел.

Не посадил за стол сто человек.

Я бы моря не увидел из своего окна.

Я бы прохладу летом не включил.

Не знал компьютера.

И не узнал свободы.

И не увидел проводы трех пареньков в Москве.

То главное, что видел в жизни.

Я не прочел бы Оруэлла, Ницше, Пруста.

Себя бы не прочел…

Что делать?.. За продолжение жизни мы платим старостью. За старость платим смертью…

Кто виноват, что всё так дорого?

За право повидать, как взрослым станет сын, услышать, что он скажет, я должен был болеть, лечиться, кашлять.

Но я обязан был увидеть другую жизнь: отели, яхты, переполненные магазины.

Автомобили, лезущие друг на друга.

Японский рыбный рынок.

Греческие острова.

Карнеги-холл.

Как бы увидел, если бы не постарел?

Я много дал.

Я дорого купил.

Я заплатил годами, силой, остроумьем, успехом, женщинами, красотою ранней смерти, столь любимой у нас в стране.

Остаться в памяти красивым, сильным и молодым.

Я выбрал путь труднее.

Я старел, седел, ушел из ежедневного употребления, из популярности.

Я отдал все, чтоб только посмотреть: газеты, спонсоры, помады, памперсы, суды присяжных…

Дошел, увидел…

А этот вопль – «я не хочу быть стариком!»?

Ну что же, стой в очередях советской власти!

Ищи еду, лекарство.

Отсиди за анекдот…

Ты был на минном поле. Проскочил.

Всё позади!

О, Господи!

Прости. На самом деле, извини.

Я серьезно!

Я забираю крик обратно.

Я прошу там наверху не обижаться. Дай мне обратно! Дай сюда…

Есть разница. Тогда я был специалистом. С той жизнью мы на равных. И кто кого когда имел…

Сейчас смотрю, пишу, перемещаюсь, но не лезу в жизнь.

Поглаживаю по головке тех идиотов, кричащих моим голосом:

– Я не хочу быть стариком!

– Т-с-с… Успокойся. И не надо.

Юрий Михайлик

Из новых стихов

* * *

Не первые мы, не вторые,
кто звал эту землю своей.
В курганных степях Киммерии –
могилы бессмертных царей.

Знакомая черная стая
снижается над головой,
тяжелые крылья пластая
над крашеной красным травой.

И топот табунный, чугунный,
и в поле от пыли темно...
А готы идут или гунны –
убитым не все ли равно?

2018

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

История, краеведение

10 **Олег Губарь**
Путеводитель по пушкинской Одессе

40 **Сергей Котелко**
История здания на Княжеской улице, 1

63 **Анатолий Горбатюк**
Лаокоон и его приключения в Одессе

78 **Борис Бурда**
Романтический чемоданщик

93 **Татьяна Гоголина**
Отдел имени Л.Д. Тимоновой

103 **Галина Педаховская**
На берегу прошлого

119 Памяти Валентины Голубовской
Феликс Кохрихт
Летит, летит по небу клин усталый…

120 **Валентина Голубовская**
Журавлиный День Победы

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Дом Лопухина

Петр Васильевич Лопухин

Широкий обзор архивной информации свидетельствует о том, что в 1823-1824 гг. собственно на бульваре (мы не берем в расчет старые постройки Куликовского, Россета и те, что появились по будущим переулкам – Театральному, Воронцовскому – и по Екатерининской площади) не было ни одного оконченного строения, за единственным исключением. Правда, летом 1824-го серьезно обозначилось продвижение строительства дома графа Болеслава Потоцкого, № 1, о чем будет сказано в другом контексте. Исключение составляет лишь дом известного государственного деятеля *князя Петра Васильевича Лопухина* (1753-1827) – это место нынешней гостиницы «Лондонская». Участок князю отвели 3 августа 1820-го.[621] По уже изложенным причинам строительство

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-72.

не могло развернуться, но после ликвидации казарм дело сдвинулось с мертвой точки, и 13 марта 1822-го Строительный комитет утвердил «план и фасад дому его светлости».[622] Постройка была осуществлена максимум за два сезона. Откуда это известно? Из оценочной ведомости недвижимости, составленной ранее 30 апреля 1824 года: дом Лопухина оценен в 35.000 рублей.[623] В дальнейшем этой недвижимостью владел сын Лопухина, Павел Петрович (1788-1873), герой многих военных кампаний, генерал-лейтенант, масон.

Павел Петрович Лопухин

Любопытно, что в перечне действующих одесских кофеен, у которых есть проблемы с оформлением документов, от 5 мая 1824 года в доме князя Лопухина значится и кофейня иностранца *Франциска* (*Франческо*) *Синьорини*.[624] Об этом старейшем одесском кондитере речь идет в разделе о доме Поджио (Кирико).

Таким образом, в бытность свою в Одессе Пушкин видел на новостроящемся бульваре лишь один готовый двухэтажный фасадный дом, тогда как отдельные смежные участки вмещали лишь заготавливаемые для последующей постройки материалы. Граф М.Д. Бутурлин, находившийся в Одессе в 1824-1825 годах, свидетельствует: «Бульвар на морской набережной только что разводился, и дома вдоль его только начинались строиться, в том числе дом графа Воронцова. Ни Ришельевского монумента, ни лестницы, спускающейся к морю, еще не было, и при самом начале бульвара стояли какие-то низкие мазанки, где жили неприхотливые, по-видимому, артисты итальянской оперной труппы».[625]

Строительный бум тут начался немного позже, и, как отчетливо видно из генплана, к 1827-1828 гг. освоили 11 мест из 15-ти.

Застройщиками были: Б. Потоцкий (два места), Сарато и Верани, Вассаль, генерал Орлов, Зонтаг, город (здание присутственных мест), Шидловский, Родоканаки, упоминавшийся Лопухин, Тростянский. Незастроенными некоторое время оставались: место левого полуциркульного здания (позднее освоенное Завацким и перешедшее к Верелю), участок Ризо, перешедший к Золотареву, место Башмакова, переданное Маюрову, и место Делавоса, отданное Фуки. Впрочем, в поле зрения Поэта, несомненно, оказывались две более ранние постройки – флигеля Черновой (бывший Осипа Россет), которые Бутурлин называет «низкими мазанками», и двухэтажный дом Воронцова (бывший Николая Куликовского) с магазинами (амбарами) и службами.

По будущей *Екатерининской площади* находились дома Степана Телесницкого, Федора Андре, за оным, по *Театральному переулку* – дома графа Сен-При, Владимира Телесницкого и первичная маленькая постройка молодого архитектора Боффо, оцененная лишь в 1.000 рублей. Еще не было здесь в ту пору недвижимости, относящейся к семействам Стурдза и Эдлинг: очевидно, они арендовали частные дома, в которых Пушкин и встречался с Александром Скарлатовичем и Роксандрой Скарлатовной. Несколько готовых и строящихся новых домов располагались по правую руку, в районе нынешнего Воронцовского переулка, улицы к будущему Сабанееву мосту и Военной балки.

Окрестности военного госпиталя и Екатерининской площади

Госпитальные казармы протягивались над Военной балкой, ниже нынешнего Воронцовского дворца, проходя через дворы теперешних домов по одноименному переулку, № 4, 6/1 и прямо по месту застройки домом по Сабанееву мосту, № 2, вплоть до самой улицы. Госпиталь интенсивно функционировал в период войны 1806-1812 гг., а 3 июля 1817-го последовал именной указ о переводе этого корпусного госпиталя 6-го Пехотного корпуса из Одессы в Тирасполь.[626] Передислокация затянулась, казармы долгое время оставались на своих местах. И хотя раздача участ-

ков активизировалась в 1818-м, они за редким исключением дурно осваивались и переходили из рук в руки. Еще одна сложность – перемена нумерации и нарезки мест после составления плана устройства Приморского бульвара, как это было и в симметричной части бывшего Военного городка – мы об этом говорили выше. Несмотря на некоторые информационные пробелы, мы все же довольно ясно можем представить ход застройки в этом районе, понять статус-кво в 1823-1824 гг.

В 1818-1823 годах места здесь отводились: Софье Волконской, Зинаиде Волконской[627], Софье Вассаль[628], Софии Бороздиной[629]. Из контекста ряда архивных документов понятно, что даже весной 1822-го госпитальные казармы оставались на месте. В заседании ОСК от 31 мая 1823-го утверждена передача места, отведенного в августе 1820-го действительному камергеру Ивану Матвеевичу Муравьеву-Апостолу, оператору Городского госпиталя Камоэну[630], который обязывался застроиться в двухлетний срок. Местоположение: места домов по Екатерининской площади, № 4, 4А и частично 6. Далее недвижимость Камоэна (№ 823 в LXXIII квартале) перешла в собственность действительного тайного советника графа Льва Севериновича Потоцкого. План солидной двухэтажной застройки по фасаду составлен архитектором Ф.О. Моранди в марте 1849 года.[631]

Иосиф (*Жозеф*) *Камоэн*, доктор медицины, практикующий врач Одессы, хирург, состоял в государственной службе, благотворитель, библиофил. Награжден золотой медалью «За прекращение чумы в Одессе 1837 г.» (1838). Скончался 9 июля 1865 года на 82-м году жизни, отпевали в римско-католическом храме и похоронили на Старом кладбище 12 июля. Жена: Елисавета. Его сыновья – Людвиг, Огюст, Юлий – занимались книготорговлей: магазин братьев Камоэн помещался в доме Жюльена (№ 19) на Дерибасовской. Август (Огюст) Камоэн – член Одесского общества изящных искусств (1865-1869).[632]

9 апреля 1824-го утвержден план и фасад на постройку дома помещика Таврической губернии Вассала[633], 14 апреля – фасад дома одесского купца Иосифа Верани[634], 12 июня – план и фасад дома помещицы Подольской губернии *Маргариты Вильгельмовны Меер*[635], 11 декабря – план и фасад на построение флигеля при

доме купца Верани[636]. Постройки Вассала и Верани относились к бульвару, за исключением флигеля. Из этого следует, что летом 1824-го Пушкин мог наблюдать лишь ход строительства этих зданий. А вот дом Камоэна мог быть близок к завершению, но полностью не отстроен, поскольку не числится в оценочной ведомости 1824 года.

Информация о помещице Меер может представлять некоторый интерес. В засвидетельствованном в 1832 году Одесским коммерческим судом завещании значится, что она вдова, докторша, урожденная *Дебальбье* (Де Бальби?). Судя по всему, это супруга статс-хирурга, штаб-лекаря в ведомстве Конторы строений, домов и садов Ивана (Иоганна) Мейера (1731-1803). «Домашнее духовное завещание» написано ею «в селении Ермолинцах» (ныне Ярмолинцы Гайсинского района Винницкой области), и отменяет все предыдущие, от 22 октября 1814-го, 19 мая 1816-го, 5 января 1820-го и 5 января 1832-го, составленные в Брацлаве и Умани. Оценка интересующего нас одесского дома составляет 30.000 рублей в несгораемых материалах. Кроме того, ей принадлежит хутор на городской земле близ Ботанического сада под № 6, а также причитающаяся ей сумма по имению Людвинке в Массальской Массе графини Софии Потоцкой и генеральши Ольги Браницкой. Оценочное свидетельство на дом выдано ей 23 февраля 1833 года.[637]

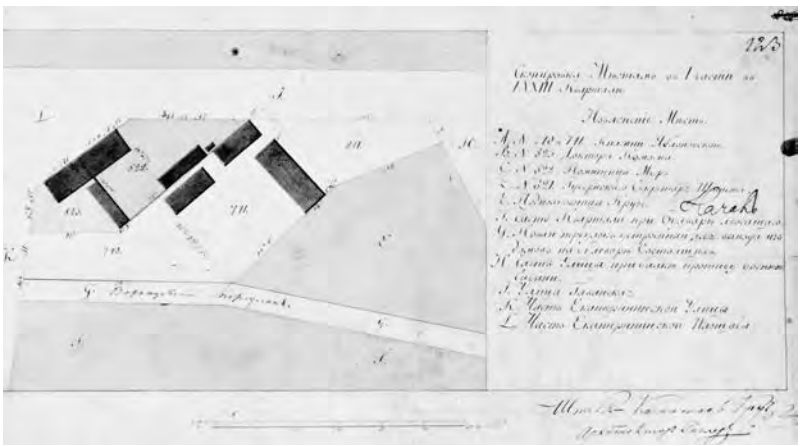
Этот сюжет, между прочим, иллюстрирует тесные связи крупных землевладельцев Подолья с Одессой, куда они транспортировали сельхозпродукцию. Кстати, небезызвестная Польская Компания хлебных поставщиков (Изидор, Михаил, Иероним Собанские и др.) была сформирована в 1819-м неподалеку от Ярмолинцев, в местечке Куна Гайсинского повета.[638]

Другие существовавшие в Воронцовском переулке не позднее весны 1824-го дома: *капитан-лейтенанта Коронелли* (оценочная стоимость 8.000 рублей, годовой доход – 900 рублей), *статского советника Кирико* (соответственно – 15.000 и 1.500), *полковника Круга* (10.000, дохода не приносит), *губернского секретаря Шмидта* (5.000 и 115).[639] Здания явно одноэтажные: старый двухэтажный дом графа Воронцова (бывший Куликовского) оценен в 40.000, а новый дом князя Лопухина – в 35.000 руб.

Дом Коронелли

Местоположение. Прежде всего, обнаружился план четной стороны почти всего Воронцовского переулка, составленный архитектором *Иваном* (*Иоганном*) *Карловичем Риглером* во второй половине 1820-х.[640] На нем отмечены все владельцы недвижимости и значительная часть существующих строений: Камоэн, Меер, Шмидт, Круг, княгиня Яблоновская. Правда, мы не видим здесь ни Коронелли, ни Кирико, поскольку план не вмещает территории по нынешним адресам Воронцовский переулок, № 4 и № 2. То, что Коронелли построился именно тут, рельефно подтверждается многочисленными документами и свидетельствами.

Еще до назначения Воронцова генерал-губернатором у графа наметились проблемы в связи с устройством бульвара (1822). В 1820-м он приобрел за 63 тысячи рублей расположенную на левом фланге будущего бульвара недвижимость помещика Куликовского: дом, магазин, служебные постройки. Прокладка бульвара, такого, каким он первоначально задумывался, приводила к тому, что будущий Воронцовский переулок с тыла прорезал



План участков, примыкающих к Воронцовскому переулку
со стороны Екатерининской площади. 1820-е гг. Архитектор И.К. Риглер

его владения до кромки Военной балки, а по фронту отсекал от приморского склона, на котором граф планировал разбить сад. Впрочем, Строительный комитет вошел в его положение и несколько переменил свой план: этот сюжет я подробно изложил в одной из предшествующих публикаций.[641]

Наряженный Комитетом молодой архитектор Боффо видоизменил первичный проект: «вместо назначенной по плану дороги чрез двор графа Воронцова, он (Боффо. – **О. Г.**) по словесному приказанию господина одесского градоначальника (Трегубова. – **О. Г.**) назначил дорогу так, чтоб сломать магазин его сиятельства на восемь саженей и *провести оную мимо дома г. Коронелли*».[642] Этот магазин, примыкающий к дому, имеющему форму угольника, и флигелю Куликовского со стороны «Малой крепости», отчетливо виден на плане города, составленном Франческо Фраполли в 1807 году.[643] То есть будущий Воронцовский переулок теперь поворачивал от дома Коронелли к морю, соединяясь с Приморским бульваром, который начинался от границы владений Воронцова. Это означает, что демонтированный магазин располагался примерно по линии нынешних бульварных строений, а недвижимость Коронелли граничила с недвижимостью Воронцова.

На этой границе мы сегодня и видим сохранившийся в перестроенном виде флигель бывшего дома Коронелли (один из построенных им четырех): левое 2-этажное строение дома № 2 по Воронцовскому переулку, стоящее торцом к оному. По сложившейся традиции, это сооружение считают одним из относящихся к службам Воронцовского дворца, однако подобное представление однозначно ошибочное. Об этом свидетельствуют как текстовые, так и картографические документы. Теперь уверенно можно сказать: этот объект – старейший образец сохранившейся застройки по Воронцовскому переулку, Приморскому бульвару и их окрестностям. Продолжим обоснование в хронологической последовательности, опираясь на источники.

13 сентября 1817-го капитану над одесским портом флота капитан-лейтенанту Коронелли отвели под застройку место № 814 в LXXIII квартале Военного форштата. 22 июля 1818-го он окончил строение согласно плану, утвержденному Строительным ко-

митетом, что и засвидетельствовал архитектор Фраполли. Размеры участка – 39 на 20½ саженей, габариты постройки – девять на шесть, при высоте две и одна пятая сажени.[644] Как бы получается, то был весьма приличный 1-этажный дом на цоколе длиной 19,17, шириной 12,78 и высотой 4,686 метров. Однако реально речь тут явно идет не об одной постройке, а об их комплексе, и даже высота, очевидно, указана средняя, поскольку от нынешнего Воронцовского переулка к балке идет весьма заметный уклон. Могу предположить, что приведена ширина двух построек по фасаду со стороны переулка.

Вскоре, 18 ноября того же года, Коронелли продал этот дом одесскому 3-й гильдии купцу *Егору Дмитриевичу Ралли*. Последний 14 марта 1822-го, в свою очередь, перепродал означенную недвижимость статской советнице *Елене Антоновне де Кирико*. Характерны следующие детали этих сделок, зафиксированные в «Крепостной книге Одесского коммерческого суда для записки купчих крепостей, закладных, дарственных и раздельных, духовных завещаний»: форштат тот же, квартал тот же, но номер места не 814, а 815; «место треугольником»: от литеры В до литеры С – 22,5 сажени, от С до Д – по прямой линии 36 саженей, от Д до А – 15,5 саженей, от А до В – 20 саженей. Ралли получил от Кирико 15.600 рублей ассигнациями.[645] Странное дело: написано *треугольником*, а речь идет о четырехугольнике.

2 августа 1823-го Елена де Кирико уточняет в Комитете номер приобретенного у Ралли участка. Боффо дает справку: в новопрожектированном по высочайше утвержденному плану (бульвара) – это № 817, а по городскому плану – № 814 в LXXIII квартале Военного форштата, отведенный «капитану над портом Коронелию, а по выстройке на нем дома по плану выдан ему открытый лист 1818 года июля 22 дня». Исков и претензий на эту недвижимость нет.[646] 6 сентября 1823 года в Строительный комитет поступает отношение Одесского коммерческого суда: «статская советница Елена Декирико продала *генерал-майорше Ерничевой* (Егеричевой? – неразборчиво. – **О. Г.**) дом свой, состоящий в Одессе на Военном форштате в LXXXIII квартале под № 815-м, доставшийся ей от одесского купца Георгия Ралли по купчей крепости, совершенной в оном суде 14 апреля 1822 года, и просит

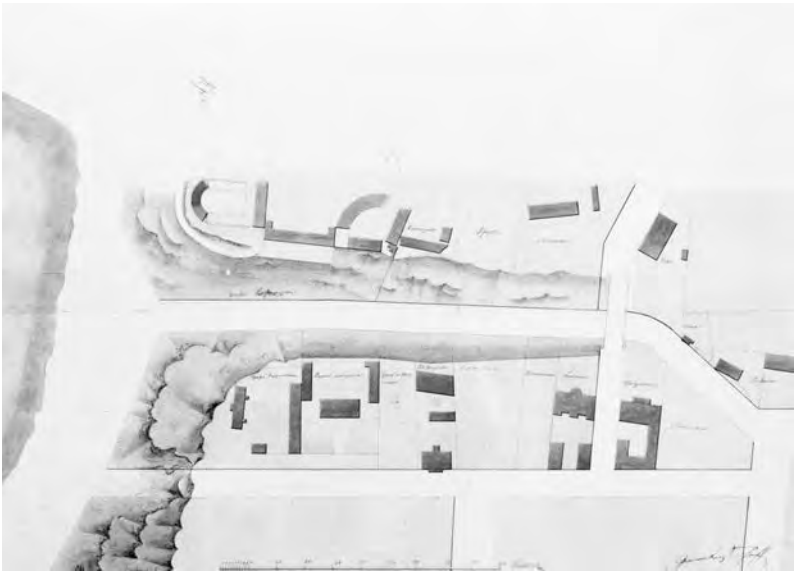
от ее на имя Ерничевой совершить купчую». Но так как из свидетельства магистрата номер не 815, а 814, то нужно уточнить. По справке Комитета, 13 сентября 1817-го бывшему капитану над портом флота капитан-лейтенанту Коронелли отведено место под № 814, а по выстройке дан ему открытый лист 22 июля 1818. Почему в купчих значится № 815-й, в Комитете не знают.[647]

Три перепродажи за короткое время, причем на этом дело не закончилось. Можно было бы предположить, что именно по этой причине в 1822-м эту недвижимость по-прежнему именуют «домом Коронелли». Однако в ведомости «О взыскании с оценки домов на квартирную повинность денег» с 30 апреля 1824-го одним массивом фигурируют смежные дома: Воронцова (старый, бывший Куликовского), Коронелли, Кирико, Круга, Шмидта, о которых мы еще будем говорить. При этом дом Коронелли оценен в 8.000 рублей и приносит дохода – 900 рублей, дом Кирико – соответственно – 15.000 и 1.500.[648] На первый взгляд, это какой-то нонсенс: одна и та же недвижимость имеет разных владельцев, разную оценку и разный доход. Впрочем, доходность в процентном отношении примерно одинаковая. Как этакая несуразица может быть истолкована? Предположением о том, что Коронелли продал Ралли, а тот – Кирико, не всю недвижимость? Не получается: несмотря на путаницу с нумерацией, место было продано целиком. Тогда, возможно, речь идет о погашении Коронелли долга по налогу с недвижимости за 1818 год? Правда, он владел этой собственной новостройкой лишь с 22 июля по 18 ноября 1818 года. В общем, однозначного ответа пока нет.

Зато сохранившиеся картографические материалы, которые здесь приведены (в сочетании с планом Риглера и городским планом Торичелли), дают очень хорошее представление о переходившем из рук в руки участке Коронелли и строениях на нем. Все это позволяет четко и однозначно автрибутировать интересующий нас флигель по Воронцовскому переулку, № 2, как одно из первичных строений, возведенных в 1817-1818 гг. капитан-лейтенантом Коронелли. В 1832-м это место с постройками по-прежнему принадлежало генеральше Ерничевой (Егеричевой?)[649], но не позже 1834-го значится уже за художником И.И. Ковшаровым, о котором мы еще будем говорить.

Раскрашенный план Военной балки, К-448. 1834 г.

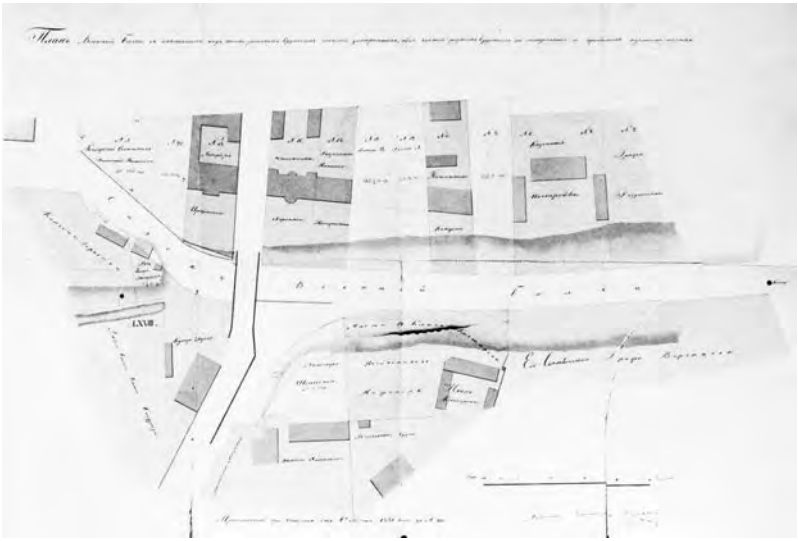
Общее представление о застройке четной стороны Воронцовского переулка, окрестностей Сабанеева моста, улицы Надежной (Гоголя) и части улицы Гаванной дает цветной план Военной балки 1834 года.[650] Здесь интересующий нас флигель отчетливо фиксируется на изломе Воронцовского переулка, виден и современный, относительно узкий проход во двор дома № 2, где справа – сохранившееся округлое здание, относящееся к усадьбе Воронцова. Другое дело, что крепкий и довольно высокий этот флигель на мощном цоколе позднее надстроен вторым этажом, да и увеличен в длину – так, что в заднем створе уравнивается с овальной «воронцовской постройкой». Всего на участке Ковшарова три более или менее значительных строения: два торцами к переулку (второе намного короче), третье, горизонтальное, – в глубине двора, четвертое – небольшое фасадное, обозначенное и на предшествующем плане Торичелли. Та же ситуация фиксируется двумя планами, 1834-го и 1835-го, составленными архитектором Гаэтано Даллаква.[651]



План Военной балки, К-450. Исполнен Франциском Боффо в 1834-м

Если сравнить планы 1833-1835 и 1827-1828 гг, то становятся видны достройки: «наш флигель» остался неизменным, как и небольшое строение по красной линии Воронцовского переулка, в пределах застройки нынешним домом № 4 (вероятно, жилое); увеличилась площадь второго «торцового флигеля», из небольшого строения в глубине двора вырос «горизонтальный флигель». И надо ж такому случиться, что до нашего времени сохранилась, пусть даже в измененном виде, самая большая первичная постройка допушкинского времени. Полагаю, изначально это был вместительный магазин (амбар), приносивший изрядный доход. Сделаю все, чтобы данный объект был принят под охрану как мемориальный.

Немного о личности строителя. *Георгий* (*Егор*) *Ермолаевич Коронелли* (*Коронели*) (1773 или 1774 – 18 января 1849), представитель старинного испанского дворянского рода (в ходу и версия о греческом происхождении), коллежский советник, одесский старожил, в середине 1810-х – капитан над одесским портом, домо-



План Военной балки, К-452. Исполнен Гаэтано Даллаква в 1835-м

владелец, один из первых застройщиков (1817-1818) в районе будущего Приморского бульвара. Окончил Морской кадетский корпус, мичман (1 мая 1799), капитан-лейтенант (ранее 1817-го), кавалер орденов Святого Георгия 4 класса (26 ноября 1816), Св. Владимира 4-го класса. Жена: Розалия. Дети: Анна (4 января 1818), Спиридон (10 октября 1819) – впоследствии авторитетный одесский думец, домовладелец, Фемистокл (1812) – пакгаузный надзиратель одесской сухопутной таможни, Аристид (1808-1871) – капитан-лейтенант, Антон (в 1837-м – коллежский регистратор). 29 июня 1847 года в Одессе скончался капитан-лейтенант Либерато Коронелли сорока лет – очевидно, старший сын. Спиридон вступил в брак (18 июля 1851) с Виргинией Лаврентьевной Певероти, дворянкой католического вероисповедания, а Фемистокл (29 октября 1850) – с представительницей известной одесской фамилии Марией Викентьевной Лорович. Своего первенца (5 мая 1852) Спиридон назвал в память об отце Георгием. «Дворянин Коронелли» значится корректором и переводчиком (с русского на французский

и с французского на русский) муниципальной газеты «Journal d'Odessa» до отъезда в Яссы летом 1828 года, с годовым окладом 1.000 рублей, однако имя в архивных документах отсутствует. Возможно, это сам Георгий Ермолаевич. Брат: Антонио (1752 – 29 октября 1834), с 14 ноября 1818 – генеральный консул в Далмации, с 16 января 1825 – генеральный консул в Иллирийском королевстве, владел недвижимостью в Одессе. В конце XIX века Коронелли принадлежали место и домостроения, которыми до 1856-го владели Волконские, а затем семейство Страц, на углу Барятинского переулка и Канатной улицы, а также дача на Куяльницком лимане. Супруга Георгия Ермолаевича, судя по всему, умерла в 1858-м, ибо при крещении 12 октября этого года Спиридон Георгиевич нарекает свою дочь Розалией (родилась 28 сентября). В 1879-1880 годах Роза Коронелли училась в Рисовальной школе Одесского общества изящных искусств. На Старом кладбище, очевидно, похоронено много представителей этой фамилии.[652]

Согласно архивным данным, с 29 октября 1817-го для проживания капитана над одесским портом Коронелли за 1.500 рублей в год нанимался дом графа Мощенского на углу улиц Еврейской (№ 14) и Итальянской (№ 29).[653] Ранее же арендовалось другое помещение, за 1.150 рублей в год.[654]

* * *

О Кирико я уже подробно рассказывал выше. Поэтому перейдем к недвижимости и личности Шмидта. Владельческие документы он получил 31 мая 1822 года[655], то есть это определенно дом пушкинского времени. Местоположение – примерно застройка домом Ждановой по нынешней Екатерининской площади, № 8. *Христиан Мартинович Шмидт*, аптекарь, провизор, появился в Одессе не позднее 1807-го, изначально фиксируется как Johane Schmidt[656], то есть носил двойное имя Иоганн-Христиан. Дополнительную информацию о нем сообщу в разделе, посвященном Екатерининской улице. Здесь же отмечу, что служил он при карантинном доме, поднялся в чине до титулярного советника[657], параллельно содержал частную аптеку, а в период катастрофической чумной эпидемии 1812-1813 годов, «рискуя жизнью и не считаясь с издержками», снабжал врачей медикаментами.[658]

Дом фон Круга

О недвижимости и личности Круга. Инженер-подполковник *Иван Иванович* (*Иоганн Иоганнович*) *фон Круг*, кавалер ордена Св. Владимира 4-й степени, на протяжении многих лет член и деятельный сотрудник Одесского строительного комитета: планировал застройку, составлял различные проекты, сметы, инспектировал работы по сооружению казенных зданий (в том числе главную гауптвахту, тюремный замок), мостов, колодцев, коллекторов, шоссе и т. д. и прочее. Любопытно, что И.И. Круг был первым, кто обратил внимание ОСК на недопустимость ломки камня в приморских обрывах, меж Карантинной и Военной балками, каковая неминуемо приведет к обрушениям кромки плато. С его подачи добыча здесь стройматериалов была поставлена под контроль полиции.[659] Его старший сын *Давид Иванович*, военный инженер, штабс-капитан, с 18 октября 1824-го вышел в отставку из корпуса инженеров путей сообщения, чтобы занять должность городского землемера.[660]

Местоположение домов Круга несложно определить, сопоставляя упомянутые планы Риглера и Торичелли: один из них, более солидный, выходил фасадом на Воронцовский переулок (№ 8), другой, поменьше, на Военный спуск (№ 5/1). Окончание одного из этих домов фиксируется в заседании ОСК от 1 ноября 1820 года. При этом сказано, что место отведено 11 июня 1811-го. Архитектору Шаалю велено освидетельствовать постройки и определить границы участка.[661] Очевидно, это был флигель со стороны балки, фиксируемый планом 1828 года. В заседании от 30 июля 1822-го засвидетельствовано завершение строительства *другого, планового дома* в пределах того же участка, указаны соседи – доктор Макаров, о котором скоро будем говорить, негоциант Ралли (купивший дом Коронелли и перепродавший его Кирико), и двор военного госпиталя, на котором все еще есть казармы.[662] То есть *это нынешнее здание в Воронцовском переулке, № 8,* в 11 окон по фасаду. Левая его часть, до границы участка Макарова, немного позже перешедшего к Яблоновской, достроена на рубеже 1830-1840-х. Очень качественная кладка дома произведена из характерного «звонкого» плитчатого известняка

небольшого размера, так называемого дикаря, что рельефно отличает этот объект от синхронных. Это может означать лишь одно: тут использован материал от разборки сооружений «военного городка», каковой в 1821-м руководил как раз И.И. Круг[663]; речь об этом шла выше. Полагаю, основная часть этого материала или даже весь – *от разборки Екатерининского храма*.

После кончины Круга в 1826 году весь участок с постройками унаследовала его вдова Александра Карловна. Летом 1833-го она получила оценочное свидетельство от Одесского городского магистрата: семь тысяч рублей в сгораемых и полторы тысячи в несгораемых материалах.[664] По оценке строений и участка – много разночтений. В 1824-1825 годах эта недвижимость состояла в залоге по строительному подряду одесского купца Симона Томазини, причем в одном случае оценочная стоимость – 30.000 рублей в несгораемых материалах[665], в другом – 8.960[666]. Синхронно оценка при взыскании налога на квартирную повинность – 10.000 рублей.[667] Это может объясняться тем, что в одних случаях оценка указана в ассигнациях, в других – в серебре. Хотя нельзя отметать возможные ошибки и описки в синхронных документах.

Подобные же «оценочные неточности» замечаются и позднее, в газетных информациях, на которые мне любезно указали С.Г. Решетов и Л.В. Ижик. Так, в сентябре 1837 года, когда вся эта недвижимость вдовы Круг была выставлена на продажу в Одесском коммерческом суде за ее долги разным лицам на сумму 4.441 рубль 58 копеек, оценка, обозначенная в газете, составляет 4.000 рублей ассигнациями. При этом указана доходность – 1.000 рублей.[668] Такое категорически невозможно. Очень большой участок в самом престижном месте города со строениями, да еще приличный доходный дом: тут явная опечатка. Как мы видели, несколькими годами ранее сам дом оценили в 8.500 рублей.

Торги по продаже были назначены на 16 и 23 ноября 1837 года. Дом Круга, как известно, приобрел титулярный советник *Корнелий* (*Корней*) *Иванович Бодаревский*, несколько десятилетий, с 1821-го, служивший в канцелярии градоначальника, отец известного живописца; кстати, вполне мог быть знаком с Пушкиным.[669] Другие предоставленные мне газетные объявления

Дом фон Круга (Бодаревского)

уточняют любопытные детали. С сентября 1839-го Бодаревский сдавал бывший дом Круга в Воронцовском переулке «о 20 комнатах, весь и порознь, со службами» внаем.[670] В первые месяцы 1841 года Бодаревский выставлял этот дом на продажу в числе прочей солидной недвижимости, однако не продал, и он оставался во владении семьи до 1900-х годов[671], и только потом перешел к другому владельцу.

Обращаю внимание на следующий пассаж: «…в Воронцовском переулке, новой постройки, из дикаря, приносящий доходу до 1.800 руб. серебром».[672] Ни о какой новой постройке выгодно эксплуатируемого доходного дома и говорить не приходится: здание четко зафиксировано на плане Даллаква 1835-го[673] и др. Впрочем, как мы знаем, дом построен в 1822-м, и в общем может считаться новым. На самом же деле речь идет о достройке дома в направлении соседнего участка, к нынешнему дому № 8, до небольшого поворота переулка (смотри план Торичелли). Это было и целесообразно, и выгодно: можно было достраивать, продолжая эксплуатацию основной части здания. О том, что производилась лишь достройка, свидетельствует и характер изменения оценочной стоимости с учетом роста цен на недвижимость, тем более, в самом престижном месте – 12.650 рублей серебром.[674]

Данными об этой недвижимости, согласно оценочному реестру 1855 года, со мной поделился С.Г. Решетов: «Два дома, также над балкой три дома и два флигеля титулярного сов. Бодаревского», оценка 24.000 руб. Это хорошо согласуется с представленной выше архивной и картографической информацией: продолжается достройка со стороны балки к первичному флигелю, оценочная стоимость растет.

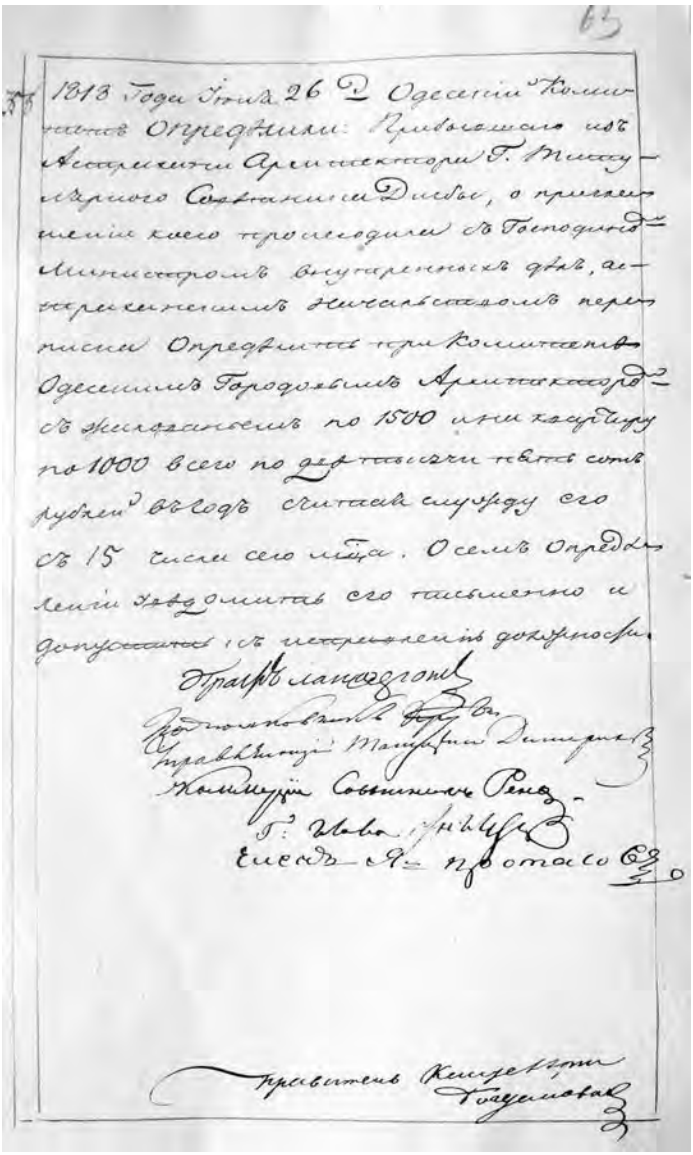
В целом сюжет архиважный. Сохранившийся по Воронцовскому переулку, № 8, дом Круга – поистине уникальное явление. Во-первых, это второе по старшинству после дома Коронелли сохранившееся здание на территории и в окрестностях Приморского бульвара: построено ранее 30 июля 1822 года. Во-вторых, при его сооружении использован материал, который правомерно определить как мемориальный, да и сама кладка – уникум. В-третьих, дом не просто памятник архитектуры, но в полном

смысле слова объект культурного наследия, ибо мы, кроме всего прочего, говорим о ведущем военном инженере-путейце Одесского строительного комитета на протяжении более двух десятилетий. Невозможно оспаривать присутствие в его стенах всех членов означенного Комитета, путейцев, гражданских инженеров, архитекторов, землемеров, инспекторов работ, подрядчиков, видных военных, чиновников, домовладельцев, землевладельцев и т. д. – Кобле, Ланжерона, Воронцова, Рено, Потье, Дитерихса, Гаюи, Морозова, Джованни Фраполли, Шааля, Дигби, Боффо, Бертини, Кривчикова, Достанича, Зонтага, Колонтаева, Волконского, Инглези, Андросова, Протасова, Амвросио, Крамарева, Лучича, Сикара, Томазини и многих других. Ниже мы увидим, что Круг был хорошо знаком и с Сергеем Григорьевичем Волконским.

Здание непременно должно быть взято под охрану: я подготовил и подал по инстанции соответствующую справку. Кладка из плотного водоустойчивого дикаря здесь чрезвычайно крепкая, из дома можно сделать, что называется, картинку. Тем более – он расположен в эпицентре экскурсионных маршрутов.

Очевидно, *Александра Карловна Круг* была не первой супругой Ивана Ивановича. Учитывая большую разницу в возрасте детей Круга, они явно были от разных браков. В метрических книгах Спасо-Преображенского собора фиксируется рождение и крещение, соответственно 3 и 4 декабря 1822 года младенца *Андрея* «от родителей подполковника Ивана Круга и жены его Александры», причем восприемником выступал сын Круга *Алексей*.[675] 23 июля 1824 года от этого брака родилась дочь *Надежда*; восприемницей указана другая дочь, *Екатерина*.[676] Кроме того, я упоминал служившего в Комитете старшего сына *Давида*, а был еще *Платон*, тоже довольно известный в Одессе инженер, гидротехник, самый младший из детей И.И. Круга.

Предположение о том, что Александра Карловна была не первой женой И.И. Круга, определенно подтверждается метрической записью о ее кончине и отпевании в Покровской церкви 4-6 ноября 1860-го, в которой указан возраст: 72 года.[677] Это означает, что она точно не могла быть матерью Давида Ивановича Круга и, не исключено, упомянутых восприемников Алексея



Определение Строительного комитета о назначении архитектора Александра Дигби

и Екатерины. Кроме всего прочего, метрические записи свидетельствуют о том, что по крайней мере один из супругов – Иван или Александра – приняли православие. Возможно, оба. Отчество Александры навевает мысль о том, что она могла быть дочерью человека из близкого окружения супруга: скажем, Карла Дитерихса, Карла Вейса. Но это лишь догадка. Сюжет не окончен.

Дом доктора Макарова

На закуску – о синхронной недвижимости Макарова. В журнале заседания ОСК от 30 мая 1822 года значится: коллежского советника и кавалера Макарова жена Надежда застроила место «во вновь прожектированном квартале», отведенное ей 29 июня 1821 года, возведя каменный флигель и службы по плану. Комитет выдал ей владельческие документы.[678] Из более ранних комитетских бумаг видно, что в марте 1815-го рассматривалось предложение о постройке пекарни и квасоварни при Одесском военном госпитале в ближайшем к нему квартале. По этому поводу назначались торги, архитектору Фраполли велели отвести место под сие предприятие. При этом все следовало согласовывать с дивизионным доктором Макаровым.[679]

Александр Дмитриевич Макаров (1769-1834) – штаб-лекарь, статский советник, учился в Москве, служил подлекарем и лекарем в войсках, затем инспектором Херсонской врачебной управы, далее снова в войсках, участник Отечественной войны 1812 года, главный доктор 6-го пехотного корпуса, награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и др, оставил записки о «моровой язве» 1812-го в Одессе.[680] То есть это человек, в подчинении которого находился расположенный здесь корпусный военный госпиталь.

Однако на плане Риглера места и строения Макаровых значатся уже за княгиней Яблоновской. 13 мая 1818-го «Киевской губернии помещица княгиня Иозефина Яблоновская просила отвести ей для постройки 2-этажного дома место в начале нечетной стороны Преображенской улицы, однако не получила, поскольку оное в 1812-м было отведено сенатору В.С. Новосильцову.[681] 24 сентября 1823-го она же, *княгиня Юзефина Яблоновская,*

урожденная Маршковская (дочь польского магната), просит место «во вновь прожектированном квартале» и вновь получает отказ. Во-первых, просимое место отведено 17 октября 1818-го княгине Софии Волконской, во-вторых, «оное частью занято ветхою оборонительною каменною шанцовою казармою с земляным валом и рвом, то для разрешения о сем заключено доложить особо. Определили: как княгиня София Волконская сделала некоторые распоряжения на устроение сего места, то княгине Яблоновской отказать».[682]

Следовательно, вновь получив афронт, княгиня позднее приобрела недвижимость Макаровых, заключавшуюся в каменном флигеле и служебных помещениях. На плане Риглера мы видим три строения, но ни одного фасадного. Местоположение – примерно в пятне застройки нынешним домом по Екатерининской площади, № 8. По прошествии некоторого времени, 10 июля 1832-го, градоначальник А.И. Лёвшин пишет Воронцову: «Частных же строений воздвигается много и скоро (…) Даже и наследники известной фирмы Яблоновской начали строить дом, который есть уменьшенная копия дома градоначальника».[683] Тут – о масштабном казенном здании, построенном незадолго до того по улице Ришельевской, № 2.

Бывшие места Макарова, № 740-741 в LXXIII квартале, доставшиеся Яблоновской, унаследовала ее сестра, княгиня Сесилия Радзивилл. Сохранился проект застройки уже фасадных мест, составленный архитектором И.Б. Скудиери 19 октября 1845-го.[684] Далее эта недвижимость перешла к небезызвестному Аристу Массу, застройка осуществлялась по проекту архитектора Ф.О. Моранди от 8 февраля 1849 года.[685]

Городской театр

Следуя пушкинским маршрутом, мы со всех сторон обошли Театральную площадь, осталось рассказать о собственно Городском театре. Целесообразно начать с его предыстории, ибо, во-первых, временный и стационарный театры неразрывно связаны множеством обстоятельств, во-вторых, это просто любопытно.

Временный театр. Дом Ржевусской. Старый клуб

О нем давал немало информации в нескольких предыдущих публикациях, однако всегда есть что прибавить, проиллюстрировать, уточнить. Прежде обращал пристальное внимание на: 1) местоположение; 2) устройство; 3) хронологию и обстоятельства функционирования. В нынешнем контексте наших интересов второй и третий пункты и в самом деле не первостепенны, тогда как первый по-прежнему остается первым, поскольку топонимы «Старый клуб», «Старый клубный двор» и в пушкинское время сохранили свою семантику, да и фактически оставались особым социальным местом. Поэтому сосредоточусь в основном на этом моменте, а любопытные детали устройства и быта временного и первого стационарного городских театров легко почерпнуть, например, в публикации, которую без труда отыщете на сайте Всемирного клуба одесситов.[686] Если же понадобятся архивные ссылки, обратитесь к моей монографии по истории градостроительства Одессы.[687]

Временный театр функционировал с лета 1805-го по лето 1809-го включительно. Априорная информация о его местоположении сообщалась мемуаристами, причем была противоречивой. А.А. Скальковский и Ф.М. де Рибас, а вслед за ними и обширное муниципальное издание к 100-летию города утверждают, что город арендовал для временных театральных представлений хлебный магазин графини Ржевусской на углу Ришельевской и Греческой улиц. К.Н. Смольянинов же свидетельствует о том, что представления давались «в одной из старых казарм». Обе версии, как ни парадоксально, вполне могут быть увязаны в одну, если подкрепить такое соображение некоторыми убедительными выкладками. Приступая к выкладкам, вынужден править и самого себя, поскольку нагрешил некоторыми неточностями в одной из предыдущих публикаций. Неточности эти появились, оттого что в архивные документы, которыми я пользовался, вкрались две ошибки, допущенные канцеляристами, конспектировавшими ход заседаний Одесского строительного комитета, – укажу на них чуть ниже.

Первым владельцем и застройщиком мест на углу Ришельевской и Греческой был купец *Иван* (*Жан*) *Дофине*, в доме которого еще в 1790-е годы проходили собрания городского магистрата.

Граф И.П. Салтыков

Северин Ржевусский

Дофине, как мы уже знаем, был первым винным откупщиком, и когда ушел из жизни на исходе XVIII столетия, оставался должен городу изрядную сумму. По этому поводу мне удалось отыскать любопытнейшие документы, достойные отдельного сюжета, но суть не в том. Важно то, что на имущество покойного, включая недвижимость, был наложен секвестр. В частности, дома (где размещалась откупная контора) и винные подвалы Дофине, находившиеся на пересечении Херсонской и Преображенской улиц, оставались в ведении города и сдавались в аренду новым откупщикам.

Интересующие же нас участки и строения по Греческой (№ 23, 21) и Ришельевской (№ 12) улицам продали частному лицу, *графу Ивану Петровичу Салтыкову*. Но в архивном документе его ошибочно назвали графом Петром Салтыковым, то есть перепутали с отцом, умершим в 1772 году. Мало того, датируя перепродажу И.П. Салтыковым двух мест в Одессе *графу Северину Ржевусскому* (*Ржевуцкому*), канцелярист снова допустил небрежность, указав 1814 год вместо 1804-го.[688] Это очевидно, по-

скольку Иван Петрович ушел из жизни 14 ноября 1805-го. Граф владел этой недвижимостью до своей кончины в 1811-м, а затем она перешла к его вдове *Констанции Станиславовне Ржевусской, урожденной Любомирской* (ее мать – урожденная Чарторыйская). Кроме того, 8 ноября 1809-го «графу Северину Ржевуцкому» отмежевали под хутор 25 десятин удобной городской земли,[689] однако он не успел их обзавести.

До конца 1816-го графиня не застраивала наново оба участка в самом центре города. Строительный комитет принялся настоятельно побуждать ее к застройке,[690] поскольку угловое место вовсе пустовало,[691] а соседнее по улице Греческой (№ 23) занимал ветхий хлебный магазин – тот самый, в котором и размещался (1805-1809) *временный театр*. По своему внешнему облику этот амбар действительно был очень похож на синхронные казармы.

План на построение большого нового двухэтажного дома с погребами был выдан Ржевусской 22 июня 1816-го,[692] и после некоторых проволочек она приступила к его реализации. Здание вызывает особый интерес как один из пушкинских адресов.[693] Определение Комитета о выдаче Ржевусской владельческих документов последовало 5 февраля 1820 года, после освидетельствования архитектором Джованни Фраполли.[694] Очевидно, дом сооружался в 1817-1819 годах, а затем отделывался изнутри. Особенно интенсивно работа шла летом 1819-го. В июле графиня через своего поверенного Яна Путятицкого просила Комитет уточнить границы мест. Это дело поручили Фраполли и Кругу, которые нашли, что размерность участков соответствует купчей крепости, а недостающие 12 вершков ушли на устройство водостока.[695]

В 1820-х прекрасный доходный дом очень хорошо послужил и самой владелице, и ее внучатым племянницам, *Каролине* (*Собаньской, урожденной Ржевусской*) и *Эвелине* (*Ганской, Бальзак*). То есть с 1820-го и на протяжении ряда лет они могли располагать обширными апартаментами во втором этаже одного из лучших одесских зданий. В 1823-1824 годах оно было оценено в 100.000 рублей и давало 6.000 дохода. Дороже оценен лишь один-единственный дом – графини Браницкой.[696] В пушкинское время в доме Ржевусской функционировала кофейня-кондитерская иностранца *Флорио и Компании*,[697] здесь же намеревался открыть кондитерскую

лавку и известный впоследствии ресторатор *Герман Кель*[698]. Просимое свидетельство на легализацию кофейни он получил 16 марта 1823 года, обязавшись принять подданство России, быть причисленным в городское гражданство и предоставить аттестат о беспорочном поведении и отсутствии судимостей, требуемый 20-м параграфом Положения о содержании трактирных заведений от 14 марта 1821-го.[699] 28 января 1824-го Кель написал прошение о желании содержать кофейню в доме католической церкви, то есть на следующем по Ришельевской улице квартале. Представив аттестат о добропорядочности и «мастерский лист» Одесской ремесленной управы на немецком и русском языках и оплатив акциз, он получил свидетельство на содержание этой кофейни 29 января.[700]

Возможность вольготного, без издержек, проживания в Одессе (хорошее жилье было не только дорогим, но и дефицитным), крепкая аристократическая польская община, родственные связи, все более возрастающее административное, коммерческое, культурное и курортное значение города, перспектива удачно устроить личную жизнь, несомненно, привлекали сюда Собаньскую. Здесь у Каролины бывали: графиня Воронцова, граф Пален, граф Северин Потоцкий, супруг ее младшей сестры И.С. Ризнич и многие другие известные фигуры. Нечего и говорить о графе Витте; после того как он сошелся с Собаньской, ее материальное положение, конечно, серьезно упрочилось.

Надо уточнить неформальную близость Каролины к домовладелице: Собаньская с малых лет воспитывалась и образовывалась в доме Констанции Ржевусской (Ф.Ф. Вигель ошибочно называет ее Розалией) в Вене. Получила превосходную светскую выучку в «первом в Европу по уму, любезности и просвещению его посетителей» тетушкином салоне, стремилась ей подражать, и таким образом поверяла и строила свою дальнейшую линию поведения.

«Каролина Адамовна Собаньская, урожденная графиня Ржевуская, – пишет Вигель, – разводная жена, составила с ним (Виттом. – **О. Г.**) узы, кои бы легко могли быть извиняемы, если бы хотя немного прикрыты тайной. Сколько раз видели мы любовников, пренебрегающих законами света, которые покидают его и живут единственно друг для друга. Тут ничего этого не было. Напротив, как бы гордясь своими слабостями, чета сия выставляла их напо-

каз целому миру. Сожитие двух особ равного состояния предполагает еще взаимность чувств: Витт был богат, расточителен и располагал огромными казенными суммами; Собаньская никакой почти собственности не имела, а наряжалась едва ли не лучше всех и жила чрезвычайно роскошно, следственно, не гнушалась названием наемной наложницы, которое иные ей давали. Давно уже известно, что у полек нет сердца, бывает только тщеславный или сребролюбивый расчет да чувственность. С помощию первого завлекая могучих и богатых, приобретают они средства к удовлетворению последней. Никаких нежных чувств они не питают, ничто их не останавливает; сами матери совесть, стыд истребляют в них с малолетства и научают их только искусству обольщать. Так сужу я ныне, и мне кажется это довольно гадко; но тогда, ослепленный привлекательностью Собаньской, я о том не помышлял. Ей было уже лет под сорок, и она имела черты лица грубые; но какая стройность, что за голос и что за манеры! Две или три порядочные женщины ездили к ней и принимали у себя, не включая в то число графиню Воронцову, которая приглашала ее на свои вечера и балы единственно для того, чтобы не допустить явной ссоры между мужем и Виттом; Ольга же Нарышкина-Потоцкая, хотя по матери и родная сестра Витту, не хотела иметь с ней знакомства; все прочие также чуждались ее. В этом унизительном положении какую твердость умела она показывать и как высоко подыматься даже над преследующими ее женщинами! Мне случалось видеть в гостиных, как, не обращая внимания на строгие взгляды и глухо шумящий женский ропот

Эвелина Ганская

Каролина Собаньская

негодования, с поднятой головой она бодро шла мимо всех прямо не к последнему месту, на которое садилась, ну, право, как бы королева на трон. Много в этом случае помогали ей необыкновенная смелость (ныне ее назвал бы я наглостию) и высокое светское образование. Она еще девочкой получила его в Вене, у родственницы своей, известной графини Розалии Ржевуской, дочери той самой княгини Любомирской, которая во время революции погибла на эшафоте за беспредельную любовь свою к Франции. Салон этой Розалии некогда слыл первым в Европе по уму, любезности и просвещению его посетителей. Нашей Каролине захотелось нечто подобное завести в Одессе, и ей несколько удалось. Пален и Потоцкий часто бывали то на утренних, то на вечерних ее беседах и веселостию ума оживляли на них разговор; Витта считать нечего, он имел собственный дом, а проводил тут дни и ночи; Ланжерона строгая жена не пускала к ней. Вообще из мужского общества собирала она у себя все отборное, прибавляя к тому много забавного, потешного, между прочим, одну г-жу Кирико и одного г. Спада, о которых говорено будет после».

Пребывание Каролины Собаньской в Одессе, что немаловажно, отмечено и сделкой в Одесском коммерческом суде: 16 июня 1822 года титулярный советник Владимир Николаевич Телесницкий (см. выше) продал «помещице Каролине Адамовой дочери Собанской, урожденной графине Ржевуцкой», свой хутор на Молдаванской слободке. Площадь оного составляла пять десятин и 1.100 квадратных сажен. Хутор благоустроен: обзаведен хорошим садом, обнесен каменною стеною, здесь построен дом со службами и проч. Покупательница уплатила за все про все от-

носительно скромную сумму – 3.000 рублей государственными ассигнациями.[701] Таким образом, Каролина по-настоящему укоренилась в Одессе еще за год до перемещения в город Пушкина, имела возможность проводить межсезонье в центре, а теплое время – на лоне природы, устраивая пикники и вовсе ни от кого не завися.

Что касается «*Старого клуба* (*клубного двора*)», то это двор с постройками, примыкавший к временному Городскому театру, устроенному в хлебном магазине при доме покойного питейного откупщика Жана Дофине, который после его кончины перешел в казну за долги, а затем был продан в частные руки. Во всяком случае, временный театр всегда связывали с дворовыми местами дома графини Ржевусской на углу Греческой и Ришельевской улиц. Этот сюжет подробно изложен ниже, в разделе о ранней истории Екатерининской улицы.

Примечания

[621] Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 59, оп. 1, д. 186, л. 458.

[622] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 11, л. 1 об.

[623] Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 215, л. 8-14. – № 111.

[624] Там же, д. 132, л. 141.

[625] Записки графа М.Д. Бутурлина, 1824-1827. – Русский архив. 1897, № 5, с. 25.

[626] Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIV. – 1817, с. 440.

[627] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 595-598, 602-603.

[628] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 278, л. 105; Там же, д. 281, л. 231; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 231, л. 150-153.

[629] Там же, л. 105 об. – 106.

[630] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 283, л. 741; Там же, д. 278, л. 143 об. – 144.

[631] Там же, ф. 895, оп. 1, д. 279; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 1332.

[632] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 385.

[633] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 16, л. 4.

[634] Там же.

[635] Там же, л. 4 об.

[636] Там же, л. 6 об.

[637] Одесский вестник. 1832, 3 февраля, № 10; Там же, 1833, 4 марта, № 18; ГАОО, ф. 4, оп. 8, д. 84, л. 273.

[638] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 165, л. 100-101.

[639] Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 215, № 113-117.

[640] Одесский государственный историко-краеведческий музей (ОГИКМ), инв. № К-437.

[641] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 119-127.

[642] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 282, л. 468.

[643] ОГИКМ, инв. № К-602.

[644] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 274, л. 128.

[645] Там же, ф. 18, оп. 3, д. 7, л. 46-47.

[646] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 284, л. 183.

[647] Там же, л. 413 об. – 415.

[648] Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 215, л. 8-14.

[649] Там же, ф. 4, оп. 8, д. 942, л. 26. – № 92.

[650] ОГИКМ, инв. № К-448.

[651] Там же, инв. № К-450 и 452.

[652] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 348-349.

[653] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 274, л. 2 об. – 3.

[654] Там же, д. 273, л. 385 об. – 386.

[655] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 284, л. 407 об. – 408 об.

[656] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 1.

[657] Новороссийский календарь на 1837 год, с. 111, 158 и др.

[658] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 268, л. 442-444.

[659] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 88, л. 142, 143, 145.

[660] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 146-147.

[661] Там же, д. 278, л. 395.

[662] Там же, д. 282, л. 151.

[663] Там же, д. 279, л. 544-546, 619 об. – 622, 629 об. – 631.

[664] Одесский вестник. – 1833, 12 августа, № 63.

[665] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 519-520.

[666] Там же, д. 288, л. 249.

[667] Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 215, л. 8-14, № 115.

[668] Одесский вестник. – 1837, 15 сентября, № 74.

[669] Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 395-396.

[670] Одесский вестник. – 1839, 16 августа, № 65.

[671] К. Висковский. Путеводитель по Одессе. – Одесса. 1875, с. 74; Вся Одесса на 1899 год, с. 24; Вся Одесса на 1902-1903 годы, с. 23; Вся Одесса на 1904-1905-й год, с. 21.

[672] Одесский вестник. – 1841, 15 февраля, № 14.

[673] ОГИКМ, инв. № К-452.

[674] Список домам и прочим строениям, состоящим в 1-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., Б. г., с. 9.

[675] ГАОО, ф. 37, оп. 6, д. 3, л. 25.

[676] Там же, л. 119.

[677] Там же, оп. 3а, д. 196, л. 181 об. – 182. Сообщено генеалогом С.Г. Решетовым.

[678] Там же, д. 281, л. 423.

[679] Там же, д. 268, л. 185-187.

[680] Александр Крылов-Толстикович. Русские врачи XIX – начала XX столетий. Краткий медицинский биографический словарь. – Рукопись.

[681] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 153.

[682] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 284, л. 543 об. – 544 об.

[683] Архив князя Воронцова. Кн. XXXIX. – М., 1893, с. 57.

[684] ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 407; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 835.

[685] Там же, ф. 895, оп. 1, д. 283; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 1298.

[686] Олег Губарь. Начало одесского театра. – В сб.: Дерибасовская – Ришельевская. Кн. 34. – Одесса: Печатный дом, 2008, с. 11-19.

[687] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 462-464.

[688] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 277, л. 69-70.

[689] Там же, ф. 4, оп. 3, д. 570а, л. 22.

[690] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 96, л. 517.

[691] Plan de la ville d'Odessa, 1814.

[692] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 277, л. 69-70.

[693] В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: «Друк», 2001, с. 38-39.

[694] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 164, л. 65.

[695] Там же, д. 145, ч. 2, л. 548, 549.

[696] Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 215, л. 8-14, I часть, № 80 и № 101.

[697] Там же, д. 9, л. 4-8, № 15.

[698] Там же, д. 9, л. 24-25, № 18.

[699] Там же, л. 63, 65, 92 об.

[700] Там же, д. 132, л. 72, 73, 73 об, 74, 75.

[701] Там же, ф. 18, оп. 3, д. 7, л. 85.

Сергей Котелко

История здания на Княжеской улице, 1

Здание, которое почему-то получило известность в Одессе как «Масонский дом», рухнуло на моих глазах. Поначалу я даже и не понял, что произошло, я ехал по Княжеской, когда вдалеке огромное грязно-желто-серое облако перегородило улицу. На Княжеской часто снимают кино, поэтому я решил, что это какие-то глупые спецэффекты. Я опаздывал, поэтому свернул и поехал по своим делам. Через минут десять мне позвонили и сказали, что «Масонский дом» рухнул.

Всем и каждому, кому это было интересно, я говорил, что никакого отношения к масонству этот дом не имел, а история его мне представляется интересней приписываемого ему происхождения.

В данной статье я не ставлю целью рассказать о деятельности этого общества, я это уже делал на страницах своего сайта «Путешествуя историей». Та статья, безусловно, не претендует на полноту освещения, намечая лишь основные моменты из истории одесского отделения. А в этой статье мне хотелось отдать дань уважения исчезнувшему зданию, документально рассказав об истории появления в Одессе этого строения и всем том, что этому предшествовало.

На самом деле дом этот имеет свое имя от рождения – здание Одесского отделения Императорского Русского технического общества (ООИРТО).

XIX век, как ни странно покажется нынешним жертвам гаджетов и контента, тоже был веком научно-технического прогресса, который развивался очень быстро, применительно, конечно, к темпу жизни и привычкам того времени. С развитием новых коммуникаций – железных дорог, телеграфа, телефона, с подчинением новых видов энергии – пара, электричества, двигателя внутрен-

Здание Одесского отделения Императорского Русского технического общества

него сгорания, с появлением новых материалов в строительстве и т. д. и т. п. остро встала необходимость создание некой структуры, которая могла бы выступить в роли своеобразного медиатора между достижениями прогресса и науки и теми, кто должен их применять на практике, – предпринимателями, властью и обществом. Такой структурой и стало Русское техническое общество.

1866. Создание Русского технического общества

Общество возникло по инициативе 11 частных лиц – видных промышленников, инженеров, преподавателей С.-Петербургского университета – и ставило себе следующие цели:

– распространение теоретических и практических сведений о достижениях техники и производства посредством периодических изданий, лекционной деятельности, организации выставок и конкурсов;

– содействие распространению технического образования;

– предложение к разрешению технических, технологических и научных вопросов в интересах отечественного производителя;

– назначение премий за достижения в прикладных вопросах;

– учреждение технических библиотек, технического музея, экспериментальных мастерских;

– посредничество между техниками и лицами, нуждающимися в их опыте;

– ходатайство перед правительством о принятии мер, могущих иметь полезное влияние на развитие технической промышленности и престиж отечества.

22 апреля 1866 был высочайше утвержден устав Русского технического общества.

Деятельность общества развивалась вполне успешно, и в признание этого через 8 лет, 22 апреля 1874 г., «…государь император всемилостивейше соизволил даровать Русскому техническому обществу наименование «Императорское» и принял над ним шефство».

1871. Открытие одесского отделения

Предвестником, базой для открытия отделения в Одессе было Одесское общество инженеров и архитекторов, существовавшее с 1865 года. Общество инженеров и архитекторов было основано Ф.В. Гонсиоровским, А.Л. Бертье-Делагардом, А.Ц. Отоном, М.П. Озмидовым и др. Цели общества были указаны следующие:

1) содействовать обмену мыслей по вопросам строительного искусства, механического и горного дела;

2) содействовать приобретению и обновлению знаний;

3) служить соединенными средствами и знаниями общественным и частным интересам населения Южного края России по вопросам строительным.

Первые заседания общества происходили в частных помещениях, принадлежавших кому-то из учредителей; затем общество нашло приют в помещении Императорского Общества сельского

хозяйства Южной России (находившееся в Горсаду); потом – в помещении управления военно-инженерного ведомства.*

В 1871 году Одесское общество инженеров и архитекторов вышло с предложением об открытии в Одессе отделения Императорского Российского технического общества, которое предполагалось сделать путем переименования своего общества в Одесское отделение ИРТО.

ОРДЕРЪ № 23.

Документы об арендной плате
за помещения в здании Благородного собрания
за 1876 год

19 ноября 1871 последовало разрешение на это переименование, а 29 декабря 1871 года члены Одесского общества инженеров и архитекторов в числе 14 человек, собравшись в зале Общества сельского хозяйства Южной России, от имени 47 учредителей объявили о преобразовании его в Одесское отделение Императорского Русского технического общества и об открытии отделения.**

Первоначально ООИРТО располагалось в нанятом помещении при одесском Благородном собрании, конкретно – в библиотеке Благородного собрания; это здание не сохранилось. Находилось оно на Садовой, на месте его позднее был построен Главпочтамт. Аренда помещений стоила 275 рублей в год, о чем сохранились соответствующие чеки (1876).*** Затем общество снимало помещения при управлении Одесского участка железных дорог, позднее Юго-Западных железных дорог; в последующее время – в помещении

* Записки ООИРТО, 1897, «Отчет о деятельности ООИРТО за первое 25-летие», стр. 87.

** Записки ООИРТО, 1897, выпуски 2 и 3, «Отчет о деятельности ООИРТО за первое 25-летие», стр. 39-40.

*** ГАОО, 333-1-27. Денежные документы по оплате счетов за наем помещения, выписку журналов, выдачу вознаграждений. 1877, лист 16.

Императорского Новороссийского университета (в механическом кабинете) и даже в стенах Городской думы.

1886. Возникновение идеи постройки собственного здания и первоначальные участки под строительство

Однако пребывание в съемных помещениях не позволяло ни обустроиться, как хотелось бы, ни расширяться. Отсюда все эти частые переезды или снятие одновременно нескольких помещений, как в случае с Городской думой, зал которой использовался для общих заседаний. Разрастающаяся успешная деятельность общества требовала решить эту проблему.

Из отчета о деятельности ООИРТО за 1886 год: «Ввиду все возрастающего числа членов общества и неудобства помещения, в течение текущего года среди членов общества возникла мысль о необходимости озаботиться устройством необходимого помещения для заседаний, библиотеки и музея отделения. После подробного обсуждения этого вопроса в частных комиссиях и в совете было решено открыть подписку между членами общества на беспроцентный и бессрочный заем для постройки собственного здания, с тем чтобы по окончании постройки на погашение отделялось из доходов общества некоторая сумма. Собранный таким путем капитал (в 7000 рублей) оказался достаточным для того, чтобы можно было приступить к постройке здания, а потому совет отделения обратился в Одесское городское общественное управление с просьбой о безвозмездном отводе отделению участка земли, необходимого под постройку здания».*

Здесь нужно сказать, что город имел в своем распоряжении некоторые участки земли, но поскольку речь шла о безвозмездной передаче земли, здесь нужно было поломать голову, потому что передача предполагалась обществу, находящемуся под покровительством императора, а значит, это не могут быть какие-нибудь

* ГАОО 333-1-41. «Отчет о деятельности отделения за 1886 год…», лист 145, оборот.

«задворки империи», а обязательно должен быть центр города. Найти же свободный земельный участок в центре города было очень сложно во все времена. Поэтому члены общества решили помочь властям города с этим, выдвинув ряд идей.

– 19 марта председатель одесского отделения Валериан Николаевич Лигин направляет в городскую управу письмо с просьбой о выделении участка.**

К письму прилагалась «Ведомость городским участкам, об отчуждении одного изкоторых под постройку здания… ООИРТО просит городскую управу». Там были приведены четыре возможных варианта:

1. На Полицейской площади, по середине самой площади, участок в 140 кв. саж.

2. В Городском саду, со стороны Преображенской улицы, рядом с домом Ралли, против университета, площадь в 111 кв. саженей.

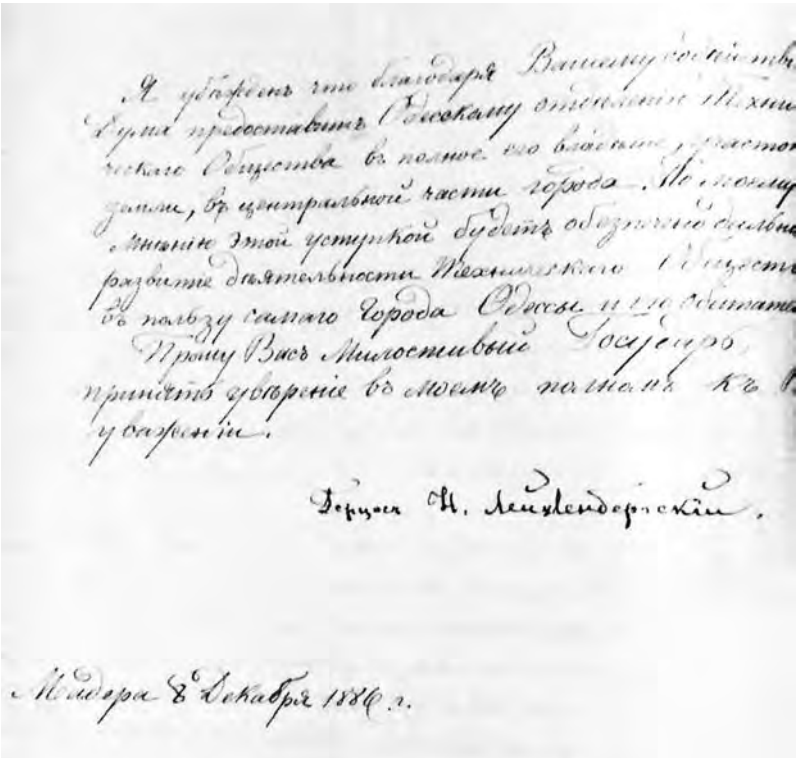
3. По Гулевой улице, в саду девичьего училища, площадь 10 саженей длиною и 11 шириной, 110 кв. саженей.

4. На Александровском проспекте около Полицейской улицы или же в одном из других кварталов Александровского проспекта, занятых под сквер, площадь в 14 саженей длиною и 19 шириною, в 140 квадратных саженей.

– 26 марта. Общество направляет в одесскую городскую управу письмо с просьбой о выделении ему городом безвозмездно участка земли для постройки собственного здания. Приводится обоснование необходимости и описание предполагаемого здания: «Число членов одесского отделения общества постоянно увеличивается достигло уже 130. Открылись новые специальные отделения… музей общества постоянно пополняется частными пожертвованиями. Все это требует удобного и постоянного помещения. Нужен зал достаточно больших размеров, при нем комнаты для делопроизводства и хранения книг и вещей, наконец нужна передняя и помещение для сторожа».

В этом же письме в городскую управу указывается, что в данный момент ООИРТО располагается в здании Новороссийского

** ГАОО 16-62-320. Об отводе ООИРТО участка земли возле Херсонского участка для постройки здания под помещение. Лист 3.



Фрагмент письма герцога Лейхтенбергского в поддержку отвода одесскому отделению земли

университета, который «сам нуждается в расширении своих помещений».

– 31 марта. Городская управа, согласившись с просьбой ООИРТО, постановила: «Войти в Думу с представлением о разрешении отвести Техническому обществу одно из указанных им мест, именно *участок на Полицейской площади* мерою в 140 квадратных саженей, который, по мнению управы, представляется хотя и не вполне, но более удобным, чем остальные указанные обществом места…». Подпись – Маразли.*

* Там же, лист 6.

Место это и ныне относительно пустое – там находится небольшой сквер, установлена скульптура «Петя и Гаврик» и расположилось какое-то кафе. Но по каким-то причинам Городская дума в выделении данного участка отказала, и дело застопорилось. Одесское отделение продолжало ютиться в съемных помещениях университета. Для придания просьбе хода понадобилось вмешательство высших сил, таких, например, как почетный председатель ИРТО герцог Николай Максимилианович Лейхтенбергский.

– 8 декабря. Письмо герцога Николая Лейхтенбергского городскому голове Григорию Маразли с просьбой не отказать одесскому отделению в выделении участка для постройки собственного здания.

Но, как ни странно, ответа от Маразли не последовало.

1887. Участок у Сабанеева моста

– 21 января. В.Н. Лигин пишет в городскую управу о том, что на его отношение от 19 марта 1886 года «по настоящее время общество не получило от городской управы никакого ответа», и он вынужден возобновить свое ходатайство.** Вновь была подключена «тяжелая артиллерия» – городской голова Григорий Маразли получил 22 января письмо от председателя ИРТО Петра Аркадьевича Кочубея с просьбой выделить Одесскому отделению ИРТО (ООИРТО) необходимый участок в центральной части города.

– 31 января. В письме председателя одесского отделения В.Н. Лигина в городскую управу впервые упомянуто совершенно необычное место для постройки здания – у Военного спуска: «Так как в числе мест, которые могли бы быть отведены отделению, находится участок земли мерою около 90 кв. саж., прилегающий к Сабанееву мосту и заключенный между Екатерининским и Военным спусками, то совет отделения в дополнение к сказанным отношениям от 19 марта (1886 года) и 21 января имеет честь

** ГАОО, 16-62-320. Об отводе ООИРТО участка земли возле Херсонского участка для постройки здания под помещение. Лист 8 – 8 оборот. Документ – ответ из управы в деле есть, лист 6.

препроводить при сем городской управе план означенного участка и эскиз двухэтажного здания, которое общество предполагало бы построить на том участке…».

Поясню дополнительно, чтобы было понятно, о чем идет речь: это небольшой участок земли внизу Сабанеева моста, с одной стороны ограниченный самим мостом, с другой – Военным спуском, с третьей – спуском с Екатерининской площади на Военный спуск. Участок треугольный и, согласитесь, очень специфичный. Специфичным был и проект здания общества, разработанный для этого места. Но о нем ниже.

– 3 февраля. Постановление городской управы с согласием на отвод ООИРТО участка земли у Сабанеева моста и Военного спуска площадью 90 кв. саж. для постройки двухэтажного здания общества; на следующий день это решение было утверждено Одесской городской думой, а в газете «Ведомости одесского городского общественного управления» вышла заметка «По вопросу об отводе под постройку дома для Одесского отделения Императорского Русского технического общества», где рассказывается об отводе места и проекте здания.* Газета писала, что место, просимое одесским отделением у городской управы, было «небольшое», но «с правом залога в кредитных учреждениях на случай, если бы расходы по постройке здания превысили бы собранную для этой цели сумму». Сообщалось, что совет отделения «препроводил в управу» в том числе «эскиз предполагаемого к постройке на нем двухэтажного здания», причем отмечалось, что «верхний этаж здания будет возвышаться над уровнем мостовой Сабанеева моста».

Упоминалось и о просьбе содействия со стороны герцога Лейтенбергского. Управа, писала газета, согласилась передать бесплатно «совершенно свободное и по положению своему ни для какого другого употребления не удобное» место, с тем чтобы «построенное здание… было употреблено исключительно на предмет своего назначения, а в случае прекращения деятельности отделения передано с лежащим на нем долгом кредитному учреждению в собственность города, который в таком случае принимает на себя уплату того

* Газета «Ведомости одесского городского общественного управления», № 9, 1887, стр. 2.

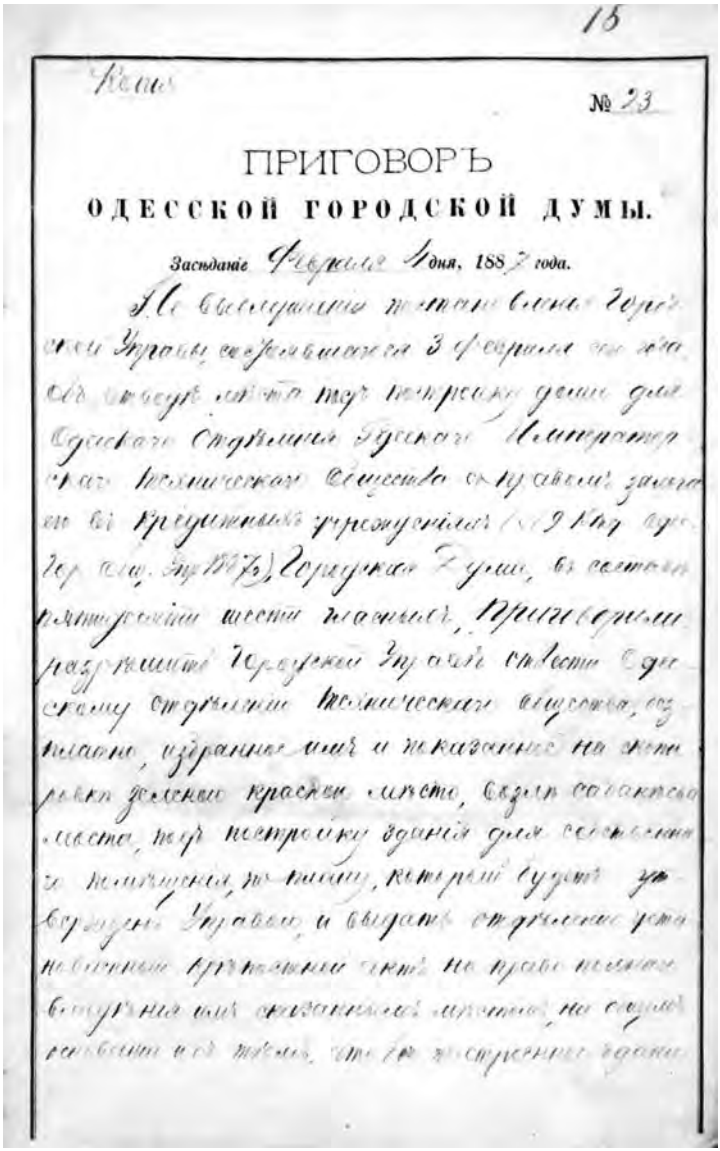
долга». Далее приводилась пояснительная записка к эскизу, которая описывает нам предполагавшееся к постройке здание. Сразу скажу, что самого эскиза, к сожалению, нет, тем ценнее эта записка.

«Трехугольная форма места обуславливает своеобразную обработку плана, сказавшуюся преимущественно в форме залы и в распределении помещений. Здание предполагается в 2 этажа с подвалом. Уровень пола верхнего этажа приходится на одну ступень выше тротуаров моста. Высоты над мостом видны на чертеже, как и другие подробности. Но для общей характеристики проекта следует сказать, что расположение моста на виду, в центре города, особенно же топография его всего более повлияли на основные приемы всей комбинации. Распределение масс как в плане, так и особенно в фасадах в связи с существующими потребностями размещения рассчитано главным образом на то, что здание преставлялось (так) со всех сторон не только в архитектурно правильных, но, по возможности, в живописных очертаниях. Нельзя уклониться от сознания, что этому соображению в настоящем эскизе принесены большие жертвы, не имеющие для здания значения в смысле прямых удобств или реальных выгод. Так, угловые башни с их высотою и шпилями, обработка кладки и деталей в окнах, карнизах по крышам и пр. допущены исключительно в видах удовлетворения условиям, вызываемым характером самого места.

По этой причине постройка по настоящему эскизу потребует сравнительно большей затраты, чем иное здание, быть может, даже более просторное, но не требующее по условиям местности особенных затрат собственно для внешнего вида. Вопрос о глубине фундамента покуда также остается открытым.

Объем здания по настоящему наброску со стенами, считая вышину от пола подвала до карнизов, составляет 813 куб. саж.

Примечание: При выборе стиля руководящею мыслью служило желание придать внешнему виду возможную живописность и разнообразие. Для этой цели всего ближе лежал выбор готического стиля, но этим не исключается возможность применить при окончательной разработке и другой, преимущественно русский стиль, который, за исключением вопроса о несколько большей стоимости отделки, в данном случае, несомненно, более подходит к назначению здания»…



15

Копія

№ 23

ПРИГОВОРЪ

ОДЕССКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ.

Засѣданіе Февраля 4 дня, 1887 года.

По выслушаніи постановленія Городской Управы, состоявшагося 3 февраля сего года, объ отводѣ мѣста подъ постройку дома для Одесскаго Отдѣленія Одесскаго Императорскаго Техническаго Общества съ правомъ залога его въ кредитныхъ учрежденіяхъ (ст. 9 Кн. Одес. Гор. Общ. Упр. 1887 г.), Городская Дума, въ составѣ пятидесяти шести гласныхъ, приговорила разрѣшить Городской Управѣ отвести Одесскому Отдѣленію Техническаго Общества, безплатно, избранное имъ и показанное на скоторовкѣ зеленою краскою мѣсто, возлѣ Сабанѣева моста, подъ постройку зданія для собственнаго помѣщенія, по плану, который будетъ утвержденъ Управою, и выдать отдѣленію установленный крѣпостной актъ на право полнаго владѣнія имъ сказаннымъ мѣстомъ, на общемъ основаніи и съ тѣмъ, что бы построенное зданіе

Постановление Городской думы о выделении ООИРТО участка земли у Сабанеева моста

– 15 и 28 февраля. Заседания совета общества, на которых обсуждался вопрос строительства собственного здания.*

– 7 марта. Городская канцелярия препровождает в городскую управу копию приговора городской управы от 4 февраля 1887 об отводе места для постройки здания ООИРТО и второй экземпляр копии – одесскому градоначальнику.

– 14 марта. Заседание совета общества, на котором обсуждался вопрос строительства собственного здания.

– 21 марта. Одесская городская управа просит городского землемера Михаила Дитерихса указать ООИРТО точные границы отведенного участка.

Михаил Михайлович Дитерихс, городской землемер, позднее – председатель Одесского отделения ИРТО

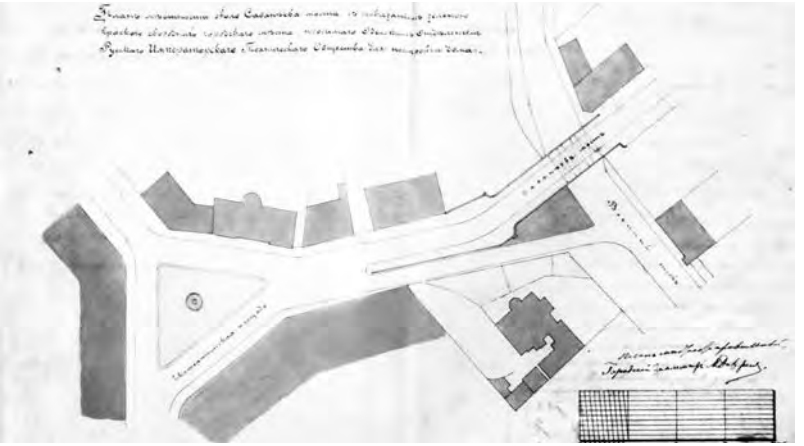
– 13 апреля. ООИРТО сообщило в Одесскую городскую управу, что хотело бы совершить крепостной акт у нотариуса Хойнацкого, уполномочив для этого В.Н. Лигина.

– 21 апреля. Проходило заседание совета общества, на котором обсуждался вопрос строительства собственного здания.

– 10 июня. Городской землемер Дитерихс уведомил городскую управу о том, что по новому составленному им плану местности площадь отведенного ООИРТО участка земли у Сабанеева моста равна не 90, а 99⅔ кв. сажени. Также Дитерихс предлагает обязать общество замостить часть тротуара и переставить один газовый фонарь.

Интересно отметить, что через некоторое время Михаил Михайлович Дитерихс сам возглавит Одесское отделение ИРТО.

* ГАОО, 333-1-41. Отчет о деятельности отделения за 1886 год… лист 23 (?) и 27.



Выкопировка плана местности у Сабанеева моста с показанием участка, одобренного для выделения ООИРТО (выделено зеленым)

– 7 июля. Городская управа письмом в правление ООИРТО сообщает об изменившихся границах отведенного участка и спрашивает, согласно ли общество принять на себя замощение тротуара и перенос газового фонаря.

– 8 июля. Общество «охотно соглашается принять на себя расходы по перемощению части спуска от Екатерининской площади, как равным образом и расходы по перестановке газового фонаря».

– 21 июля. Городская управа вышла с представлением в Городскую думу с предложением довыделить ООИРТО дополнительно 9⅔ кв. сажени земли, необходимые для постройки представленного ООИРТО проекта здания, с тем что ООИРТО согласно принять на себя замощение части тротуара и перенесение газового фонаря.

– 25 июля. Проходили заседания совета общества, на которых обсуждался вопрос строительства собственного здания.

– 28 сентября. Городская дума рассмотрела вопрос о довыделении ООИРТО участка земли согласно новому плану. Постановили: сделать разметку (и, возможно, также макеты (вехи) предполагаемых башен, затем пригласить гласных Думы, чтобы они могли на месте убедиться, насколько представляется возможным удовлетворить ходатайство общества.

– 10 октября. Городская канцелярия передала в городскую управу выписку из журнала Городской думы от 28.09.1887 о выделении ООИРТО участка земли.

– 25 октября. Заседание совета отделения в связи с планируемым на 26 октября заседанием Городской думы с рассмотрением вопроса об отводе земельного участка для постройки здания ООИРТО.

Однако гласные Думы, видимо, таки сходившие на это место с имевшимся эскизом диковинного готического дома с башнями в руках, проект заветировали.

– 5 ноября. На заседании Городская дума признала невозможным выделение земельного участка для построения здания ООИРТО у Сабанеева моста, ввиду того что здание не вписывается архитектурно в сложившуюся местность, «безобража» ее, и поручила городской управе войти в соглашение с ООИРТО и по рассмотрении плана города найти более удобные места.*

1887-1888. Выделение участка на площади у Херсонского полицейского участка

Недостатком всех до сих пор выделявшихся участков был их размер и бесперспективность – на них нельзя было ни построить достаточного по размерам дома, в котором нуждалось одесское отделение, ни достроить его в будущем, когда потребности еще возрастут. Но, как мы говорили, в центре города такой участок найти было очень сложно. Поэтому в качестве компромисса возник новый проект размещения здания. Это был компромисс, потому что на тот момент это был далеко не центр города. Были и другие сложности.

1887

– В даты между 5 ноября и 7 декабря 1887 года в документах, связанных с одесским отделением, впервые появляется адрес «на площади у Херсонского полицейского участка», что соответствует известному нам адресу на Княжеской, 1.

* ГАОО, 16-62-320. Об отводе Одесскому отделению Русского технического общества участка земли возле Херсонского участка для построения здания под помещение… Лист 26 оборот.

– 5 ноября 1887 года на заседании совета ООИРТО архитектор Толвинский выступил с предложением о том, что ввиду значительного увеличения числа членов отделения наступает время, когда для более успешной его деятельности становится необходимым самостоятельные собрания каждого из отделов. «…не имея собственного помещения, совет в настоящее время затрудняется установить такие собрания своим постановлением и предоставляет инициативу гг. председателям отделов, которые изъявили готовность со своей стороны заботиться о необходимом помещении для таких собраний».*

– 7 декабря городская управа, рассмотрев дело, постановила: войти с представлением в Гор. думу о разрешении отвести ООИРТО участок у Херсонского полицейского участка площадью 198 кв. саж.; об уполномочении гор. управы в случае согласия Гор. думы о выделении помянутого участка, ходатайствовать в установленном порядке об изменении высочайше утвержденного плана г. Одессы сообразно отводу означенного места.**

Все дело в том, что согласно этому самому высочайше утвержденному плану города Одессы, на этом месте не должно было быть ничего. Участок, ограниченный улицами Княжеской, Херсонской, Новосельского (Ямской) и Старопортофранковской, должно было занимать лишь одно здание Херсонского полицейского участка, находившееся ближе к Херсонской. На то, чтобы построить здесь что-нибудь иное, требовалось эти самые «высочайше утвержденные» планы менять, что без согласия Петербурга было невозможно.

1888

– 8 февраля Городская дума постановила: утвердить представление гор. управы от 7 декабря 1887 года и разрешить передать безвозмездно ООИРТО взамен ранее выделенного участка у Сабанеева моста участок подле Херсонского полицейского участка площадью 198 кв. саж. и уполномочить городскую управу

* ГАОО, 333-1-67. Протоколы заседаний Совета отделения… 1887, листы 3-4.

** ГАОО, 16-62-320. Об отводе Одесскому отделению Русского технического общества участка земли возле Херсонского участка для построения здания под помещение; листы 26-28.

30

Копія

№ 21

ПРИГОВОРЪ

ОДЕССКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ.

Засѣданіе Февраля 8 дня, 1888 года.

1888 года Февраля 8 дня Одесская Городская Дума, въ составѣ сорока гласныхъ, по выслушаніи постановленія городской Управы отъ 7 Декабря 1887 года объ отводѣ мѣста Одесскому отдѣленію Императорскаго Техническаго общества подъ постройку зданія для помѣщенія общества (№ 96 Вѣд. Общ. Упр. 1887 г.), и на основаніи ст. 5, 55 п. 13, 67, 113, 116 и 121 городоваго положенія, изд. 1886 г., единогласно Приговорили: 1) разрѣшить Городской Управѣ отвести Одесскому отдѣленію Императорскаго технического общества, безплатно, взамѣнъ мѣста подлѣ Сабанѣева моста, отведеннаго по приговору Городской Думы отъ 4 Февраля 1887 года, мѣсто на площади, подлѣ Херсонскаго полицейскаго участка, въ количествѣ ста девяносто восьми кв. саж., отмѣченное на скопировкѣ, составленной помощникомъ городскаго землемѣра Модинымъ, оранжевою краскою, подъ постройку зданія для собственнаго помѣщенія, по плану, который будетъ утвер-

Постановление Городской думы от 8 февраля 1888 года о выделении ООИРТО для строительства собственного здания участка земли на площади у Херсонского полицейского участка

ходатайствовать в установленном порядке об изменении высочайше утвержденного плана г. Одессы сообразно отводу означенного места.

– 16 марта. Городской голова пишет записку градоначальнику, где, объясняя решение об отводе земли для здания ООИРТО, просит ходатайствовать перед министром внутренних дел об изменении высочайше утвержденного плана города.

Далее все последовало в известном нашем стиле – например, оказалось, что у головного ведомства, занимавшегося строительством в Одессе, – Строительного комитета – главного плана города-то и нет.

– 4 мая. Градоначальник просит одесского городского голову прислать ему высочайше утвержденный план г. Одессы от 1849 года, «которого в делах Комитета не оказалось». Также указано, что Строительный комитет «встретил надобность для проверки присланной выкопировки, незасвидетельствованной в верности ея».*

– 5 мая. Городская управа постановила выслать подлинный план, оставив себе засвидетельствованную копию и прося после ознакомления с ним его возвратить.

Тут выяснилось, что городская управа не в силах расстаться с этим самым высочайше утвержденным планом.

– 7 мая городская управа ходатайствует перед Техническо-строительным комитетом министерства внутренних дел о том, чтобы прислать ему копию высочайше утвержденного плана г. Одессы, ввиду того, что подлинный постоянно нужен управе.

– 18 мая. градоначальник уведомляет городского голову о согласии председателя Техническо-строительного комитета министерства внутренних дел на то, чтобы ему прислали заверенную копию высочайше утвержденного плана города.

– 10 июня. Городской землемер Михаил Дитерихс сообщает в управу, что необходимая к отсылке в Петербург копия плана Одессы им приготовлена.

Я упоминаю об этой переписке ввиду того, что не так все просто, как кажется нам сегодня, – ведь все изготавливалось вручную.

* Имеется в виду Техническо-строительный комитет Министерства внутренних дел.

И изготавливал этот план уже известный нам Михаил Михайлович Дитерихс, и приготовил он нечто грандиозное – вернее, сам высочайше утвержденный план был грандиозен, соответственно и копия с него тоже. Об этом мы узнаем из копии квитанции санкт-петербургской компании «Надежда», которая 21 июня приняла к отправке от одесского градоначальника «один ящик. План города Одессы, вес брутто 1 п. 38 ф.» (!) для доставки его в Техническо-строительный комитет МВД.**

1 пуд и 38 фунтов – это почти 32 кг веса!

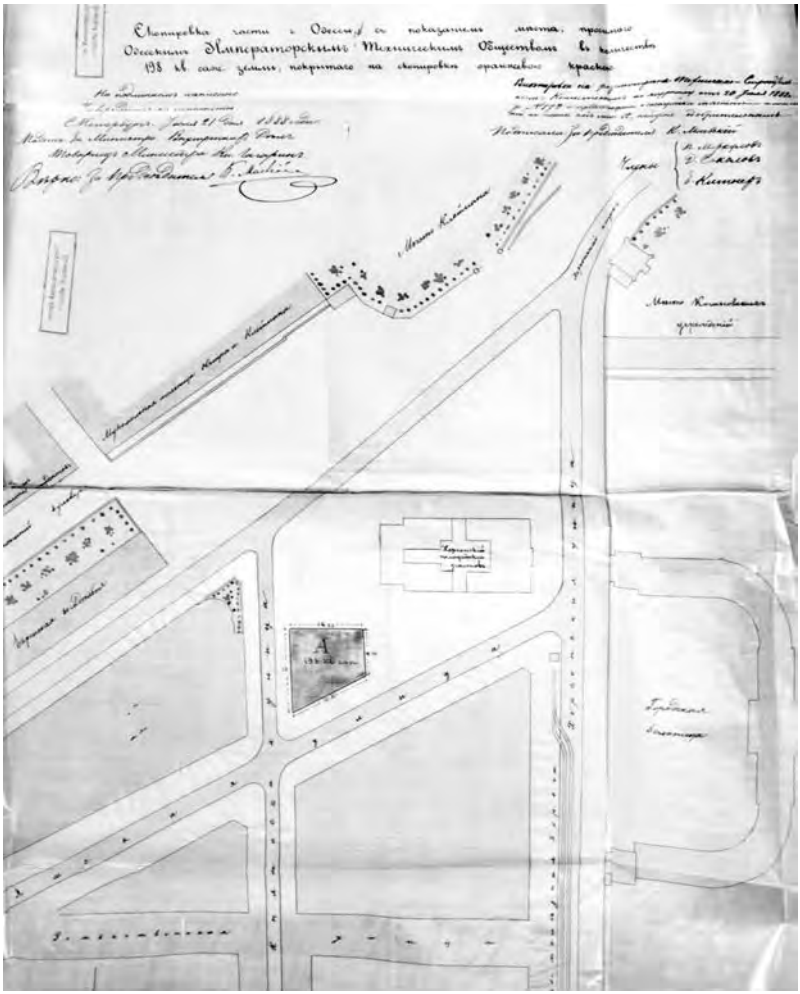
– 23 июня. Исполняющий должность одесского градоначальника сообщает письмом одесскому городскому голове, что он отправил в Техническо-строительный комитет МВД «ящик с копией плана» через петербургскую компанию «Надежда», заплатив за это 3 рубля 10 копеек, которые и. о. градоначальника «покорнейше просит» вернуть. Что и было исполнено, и на что есть своя бумажка. Порядок, однако!

– 20 июля. В Петербурге в Техническо-строительном комитете министерства внутренних дел рассмотрена полученная из Одессы выкопировка и предложение о застройке местности, показанной на плане литерой А, и найдено одобрительным.

– 21 июля. В Петербурге в министерстве внутренних дел утверждена к исполнению «Скопировка части г. Одессы с показанием места, просимого ООИРТО в количестве 198 кв. саж. земли, покрытого на скорпировке оранжевою краскою (калька). На подлинном написано: «Утверждена к исполнению. С.-Петербург, июля 21 дня 1888 года. За министра В. Д. – товарищ министра кн. Гагарин».

– 18 августа. Одесский градоначальник контр-адмирал Зеленой извещает письмом городского голову о том, что им было доложено министру внутренних дел ходатайство об изменении высочайше утвержденного городского плана г. Одессы для отведения участка для постройки здания ООИРТО, и что товарищ министра сенатор Плеве препроводил ему для дальнейших распоряжений копию с утвержденной на этот предмет выкопировки.

** ГАОО, 16-62-320. Об отводе Одесскому отделению Русского технического общества участка земли возле Херсонского участка для построения здания под помещение. Лист 36.



План местности, согласованный с Петербургом.
Выделенный ООИРТО участок отмечен коричневым. Краска со временем потемнела

Это тот самый Вячеслав Константинович Плеве, один из тех, кто разгромил «Народную волю», и убит их «наследниками», эсерами, в 1904.

– 27 августа. Городская управа сообщает ООИРТО о том, что получено согласие министра внутренних дел на изменение высочайше утвержденного плана г. Одессы, и что управа поручает городскому землемеру М. Дитерихсу отвести ООИРТО выделенный участок. Также просят сообщить, у какого нотариуса ООИРТО планирует совершить крепостной акт.

Тем временем, видимо, памятуя о возникавших сложностях и принимая во внимание те, что еще могут возникнуть в случае постройки здания, было решено еще раз попробовать пойти альтернативным путем:

– 15 сентября. В общее собрание ООИРТО был представлен доклад комиссии (правда, дата образования сей комиссии пока не известна. – **С. К.**), образованной из гг. Бернардацци, барона Маса, Новикова, Ралли и Баркова, для изыскания способов к приобретению доходного помещения для отделения в центральной части города путем займа и заклада. Доклад означенной комиссии выявил слишком большую трудность подобной операции, а потому общее собрание решило все же строить здание для отделения на площади у Херсонского полицейского участка, хотя эта местность и несколько удалена от центральной части города (о, времена!..). Ввиду такого постановления общего собрания совет отделения выработал условия, которым должно удовлетворять здание, и передал их в архитектурный отдел для составления подробного задания и программы.*

– После 15 сентября (точная дата пока неизвестна, но нижеследующее было между 15 сентября и 10 декабря) были представлены подробности того, каким должно было быть предполагавшееся собственное здание со следующими требованиями к внутренним помещениям:

1. Зал для собраний	60 кв. саж.
2. Вестибюль	15 кв. саж.
3. Комната для заседаний совета	6 кв. саж.
4. Библиотека	12 кв. саж.
5. Помещения для сторожа	4 кв. саж.
6. Ватерклозет	1 кв. саж.

* ГАОО, 333-1-82. Отчет о деятельности отделения за 1888 год… Лист 9.

Николай Константинович Толвинский

Заинтересованным господам архитекторам предлагалось представить свои эскизы, притом, что стоимость постройки не должна превышать 18000 рублей. Настоящая программа с приложением плана местности была напечатана и разослана гг. членам архитектурного и строительного отделов, причем окончательный срок предоставления эскизов был назначен на 10 декабря 1888 года. Однако вскоре возникла еще одна, довольно неожиданная проблема – невозможность приобретения отделением каким-либо способом недвижимости.

– 29 сентября. Ввиду неимения в уставе ИРТО указания на право приобретения недвижимости в собственность отделения общее собрание обратились с просьбой в Центральное отделение в Петербург с ходатайством перед министром внутренних дел о разрешении приобрести отведенный Думою участок и совершить надлежащий крепостной акт. 3 ноября аналогичную просьбу отправляет в Петербург и совет отделения.

– Октябрь. ООИРТО обращается с просьбой к городской управе о направлении им «скрепленной копии приговора Одесской городской думы от 8 февраля 1888 года об отводе отделению участка земли на площади подле Херсонского полицейского участка, каковая копия оказалась необходимой совету для дела о совершении крепостного акта».

Тем временем началась работа архитекторов – на объявленный конкурс, согласно изложенным выше требованиям, были представлены семь проектов. Архитектурные проекты предоставлялись тогда в больших конвертах без указания автора

проекта, для сохранения анонимности и непредвзятости комиссии. Различались же конверты названиями, которые присваивали своим проектам архитекторы. Названия эти подчас были забавны.

– 10 декабря. На конкурс были представлены проекты под девизами; «Вышла хата угловата», «Ремесло и искусство», «Осуществимо», «Вот так», «Olbia», «К преуспеванию» и «Фацет».

Валериан Николаевич Лигин, председатель Одесского отделения ИРТО, 1882-1897

– 14 декабря в соединенном собрании членов строительного и архитектурного отделов предоставленные проекты были рассмотрены и из них были выбраны первые три. Эти последние были переданы в особую комиссию экспертов, состоявшую из гг. Влодека, Лигина, Новикова, Починского и Шейнса с правом решающего голоса, и всех присутствующих членов архитектурного и строительного отделов с правом совещательного голоса.

Экспертная комиссия рекомендовала первый проект, хотя и нашла его не вполне отвечающим требованиям задания. Совет, в свою очередь, сверх указанного проекта рекомендовал ввиду хозяйственных соображений еще и второй проект.

– 15 декабря. Общее собрание в заседании своем 15 декабря 1888 года также решило отдать предпочтение первым двум проектам, авторами которых по вскрытии конвертов с девизами оказались члены общества А.О. Бернардацци и Н.К. Толвинский, и избрали комиссию из составителей проектов и членов общества Лигина, Люикса, Починского, Сарнецкого, Тодорова, Швенднера для окончательной разработки одного проекта на основании

двух избранных и для представления его собранию в окончательном виде со сметою и планами.*

– На конец 1888 года по подписке на строительство здания было собрано «более 10 тысяч рублей».**

Требовалось, напомню, 18000.

Окончание следует

* ГАОО, 333-1-82. Отчет о деятельности отделения за 1888 год… Лист 10 оборот.

** Записки ООИРТО, 1897, выпуск 2 и 3, стр. 87

Анатолий Горбатюк

Лаокоон и его приключения в Одессе

Почти реальная история, основанная на мифах

…Думается, даже сама красавица Кассандра не могла предугадать, что Лаокоон окажется в нашем городе. Более того, почти уверен, что и появление Одессы на карте мира она также не предвидела, хоть проживала от места будущего рождения Города не так уж и далеко. А если бы все-таки предугадала и предвидела, ей бы все равно не поверили. Не поверили из-за интриг, причем интриг на самом высоком (можно даже сказать: высочайшем) уровне. Впрочем, хватит интриговать читателя. Лучше расскажем и о Лаокооне, и о троянской царевне Кассандре, дочери Приама и Гекубы, и, конечно же, об интригах…

I.

Согласно дошедшим до нас из глубины веков мифов Древней Греции, когда под стенами осажденной Трои неожиданно появился резной, прекрасной работы огромный деревянный конь, приготовленный коварными данайцами, то есть греками, для жителей Трои как символ мира, первой забила тревогу дочь Приама, престарелого царя Трои. Это о ней великий Гомер, создавая в VIII столетии до н. э. бессмертную «Илиаду», напишет: «…Кассандра, прекраснейшая дочь Приама старца».

Но не только ослепительной красотой славилась Кассандра. Как сказали бы сегодня, *на нее положил глаз* не какой-то там обыкновенный мифический герой, а лично Феб (то есть лучезарный) Аполлон, могущественный сребролукий и златокудрый бог – охранитель света, наук и искусств, а также стад, да еще

и бог-врачеватель. И в знак своей всепоглощающей любви наградил Кассандру бесценным даром – даром пророчества, который та начала демонстрировать буквально по любому поводу, что заставило народ считать ее великой прорицательницей, и заметим: не без основания.

Получая от Феба такие неслыханные возможности, наша красавица златокудрому богу кое-что пообещала, чем еще сильнее обострила его вполне человеческие желания. Однако, как это часто случалось с легкомысленными красавицами, и не только в эпические времена, когда дело дошло до исполнения обещания, «прекраснейшая дочь Приама старца» резко затормозила и в самый ответственный момент Аполлону категорически отказала. «Ну, мерзавка, ты еще пожалеешь! – так или приблизительно так в бешенстве отреагировал Лучезарный. – Я тебе такое устрою!..» И, чтоб вы знали, таки устроил! Нет, дара пророчества он Кассандру не лишил, но сделал так, что с того момента ее пророчествам уже никто не верил. Представляете? Барышня, в смысле царевна, вещает, пророчествует, а народ – ноль внимания. Так спрашивается: какой смысл в этой совершенно бессмысленной деятельности?..

Значит, Кассандра, увидев прекрасного деревянного коня, почуяла большую беду для Трои и ее населения, о чем сразу же стала говорить на главной городской площади: мол, не вздумайте, дорогие земляки, притаранить лошадку в город, пусть, мол, там, за крепостными стенами, и остается. Но мы ведь уже знаем, чего натворил с нашей прорицательницей злопамятный Аполлон? А здесь еще престарелый батюшка-царь *свои пять копеек вставил*…

Нет, сначала расскажем о Лаокооне. Даже не так: сначала – немного о злополучном коне, из-за которого и разыгрался весь сыр-бор…

Так вот, данайцы, они же ахейцы (так их в «Илиаде» называет Гомер), они же греки, в течение десяти лет вели бесплодную осаду города Трои – до тех пор, пока в это бесполезное предприятие не вмешался еще один знаменитый герой древнегреческих мифов, сын Лаэрта, Одиссей. Он и подсказал осаждавшим вполне дьявольскую хитрость с деревянным конем, недаром ведь назывался окружающими хитроумным. А уловка эта заключалась в следующем. Под руководством Эпея, который, помимо того что

был греческим воином, оказался и вполне приличным зодчим, соорудили данайцы огромных размеров красивого деревянного коня, в котором спряталось несколько смельчаков, и выставили его под крепостные стены. Сами же в полном составе демонстративно, на виду облепивших крепостные стены троянцев, погрузились на корабли и ушли в море.

Вот тут и началось… Ошалевшие от радости по поводу снятия блокады горожане почти единодушно решили затащить коня внутрь крепости. Одни из них считали его просто оставленным ахейцами символом примирения, но большая часть поверила громче всех распинавшемуся на городской площади некоему Синону, уверявшему толпу, что конь этот – попытка греков умилостивить Афину, одну из самых почитаемых богинь Древней Греции, покровительницу военной стратегии и мудрости. Простодушные троянцы, раскрыв рты, слушали, что им *втирал* этот велеречивый говорун Синон. Откуда им было знать, что Синон, накануне перебежавший в еще осажденную Трою от данайцев, был самым настоящим вражеским лазутчиком? А если бы они еще узнали, что его ближайшим другом являлся сам Одиссей хитроумный… Но, как известно, история, даже древняя, не имеет сослагательного наклонения, потому и стояли несчастные жители Трои с раскрытыми ртами, потому и поверили, что если горожане проявят пренебрежение к коню, это отвернет от них могущественную Афину. Если же троянцы примут дар, та же Афина сделает Трою непобедимой. Правда, чтобы затащить громоздкий дар в город, придется разобрать участок крепостной стены, но это сущая мелочь по сравнению с ожидающими горожан благостями…

Кассандра кричит, что Синон – засланный лгун, что в коне прячутся вооруженные воины. С нулевым, как мы знаем, результатом. И вот в этом месте на воображаемую сцену выступает Лаокоон… Внесем ясность в вопрос, что представлял собой этот герой, чье прекрасное скульптурное изображение украшает одно из центральных мест нашей Одессы, полагаясь, опять-таки, на дошедшие до нас через тысячелетия мифы Древней Эллады.

…Когда верховный жрец троянского храма Аполлона за какую-то, явно тяжелую, провинность был подвергнут весьма распространенной в те времена казни через побитие камнями,

а произошло это, когда осада Трои только начиналась, горожане решили назначить на освободившуюся таким необычным образом весьма небезопасную должность жреца храма Аполлона и по совместительству местного прорицателя – Лаокоона. Временно, до окончания военных действий. Так сказать, врио, то есть временно исполняющим обязанности. Кто же мог знать, что война затянется на десяток лет?

Казалось бы, зная, как закончил свою деятельность предшественник, – занимайся себе мирскими делами и особенно не высовывайся… Так нет же, взыграла кровь прорицателя (мол, не напрасно хлеб ем!), и выступивший на городскую площадь Лаокоон в самый разгар дебатов с криком, долетевшим до наших дней: «Бойтесь данайцев, дары приносящих!» – бросился поддерживать Кассандру. Мол, точно, в чреве коня засели супостаты. Более того, вспомнив, что он еще и воин, врио верховного жреца изо всех своих прорицательских сил метнул в деревянную лошадь копье, да так удачно, что содрогнулись сидящие в деревянном чреве смельчаки и выронили от неожиданности из рук мечи, которые зазвенели при падении. Повезло им, что в таком диком оре этот звон никто на площади не услыхал.

Увидев, что его проникновенная речь повлияла на толпу точно так же, как и заклинания Кассандры, и, кроме наркотических речей Синона, поглупевшие буквально на глазах троянцы ничего не воспринимают, Лаокоон пошел на крайнюю меру – призвал себе в поддержку престарелого царя Приама, мол, объясни этим недоумкам, что я говорю истину. Но какой прок от безвольного старца, да еще отравленного речами дружка Одиссея? Мысленно плюнув на утратившую всякий рассудок толпу и не желая попусту тратить время, огорченный прорицатель решил заняться делом. Он зовет своих сыновей, и вместе они направляются в храм, чтобы принести жертву Посейдону, могущественному богу морей. Вот здесь эту троицу и ожидал весьма неприятный, мягко говоря, сюрприз.

Пока Лаокоон совершал возле алтаря определенные ритуальные действия, две огромные змеи, выбравшиеся из морских пучин и вползшие в храм, обвили смертельными объятиями его сыновей и задушили их. Лаокоона, бросившегося на помощь сы-

новьям, постигла та же участь. Здесь мы сталкиваемся с двумя версиями. Согласно одной, змеи были посланы богом Аполлоном за то, что Лаокоон, нарушив клятву, данную ему, не только женился и обзавелся детьми, но еще и позволил себе возлежать с молодой супругой непосредственно в его, Аполлона, храме! Все-таки мстительный это народ – древнегреческие боги! А может быть, и не мстительный, потому что, согласно другой версии, змей послала на расправу с Лаокооновым семейством богиня Афина, чтобы заставить троянцев поверить Синону.

Как бы там ни было, совершив свое черное змеиное дело, посланцы кого-то из богов вползли якобы в храм Афины и укрылись под ее эгидой. Увидевший это царь Приам, слабо соображающий старец, сделал окончательный вывод: Лаокоон наказан за бросок копья в священного деревянного коня. Он дал команду втащить коня в город, для чего сразу же был разобран участок крепостной стены. Участь Трои была решена, потому что ночью лазутчик Синон, друг Одиссея хитроумного, выпустил из чрева коня греческих воинов, которые открыли крепостные ворота. Через них, а также через брешь в стене в Трою хлынули данайцы, которые далеко, ясное дело, не отплывали, а временно притаились на находящемся рядышком необитаемом гористом островке Тендос и под покровом ночи вернулись обратно. Троя была разграблена и разрушена.

Автор, несомненно, выразил бы сожаление по поводу гибели цветущего города Трои, если бы не одно существенное обстоятельство: в стане данайцев находился Одиссей хитроумный – любимый герой и предмет подражания Иосифа де Рибаса – основателя Одессы и, в свою очередь, любимого героя самого автора…

II.

Уж и не знаем, чем это объяснить, но факт непреложный: даже по прошествии многих столетий миф «Лаокоон и сыновья, удушаемые змеями» являлся безусловным лидером среди всех дошедших мифов из Древней Греции. Даже при раскопках Помпеи были найдены фрагменты фресок на эту тему.

Но главное событие по данному сюжету произошло, конечно же, в I столетии до н. э., когда три мастера (вскоре их будут называть не иначе как «три великих мастера») с острова Родос – Агесандр, Полидор и Афинодор – создали из цельного, заметьте, куска белоснежного мрамора великолепную скульптурную группу на эту неумирающую тему.

Проходит одно приблизительно столетие, и великолепное творение родосских скульпторов, как пишет в «Естественной истории» знаменитый древнеримский энциклопедист и писатель Плиний Старший (Гай Плиний Секунд), оказывается во дворце римского императора Тита, чье полное имя Тит Флавий Веспасиан. Впрочем, своими деяниями этот император, являвшийся полным тезкой своего отца, заслужил у истории право именоваться просто именем Тит. Деяния его были весьма противоречивы, а порой чрезмерно жестоки, но своим народом он был обожаем и, хоть правил всего два года, уйдя в мир иной в 79-м году на сорок втором году жизни, после смерти был обожествлен. А то, что скульптура с Родоса украсила его дворец, говорит еще и о высоком художественном вкусе Тита. Да и в наш рассказ этот император попал исключительно из-за такого замечательного качества, как тяга к прекрасному…

Почти на полторы тысячи лет уникальное творение Агесандра и К° выпало из поля зрения человечества и лишь с эпохой Возрождения сенсационно всплыло из небытия, и только благодаря вступившему в Риме в 1503 году на папский престол Джулиано делла Ровере, принявшего имя Юлия II. Именно он, Юлий II, – выдающийся дипломат и политик, прославившийся еще и на поле брани, за что назывался Грозным, – именно он распорядился приступить к массовым археологическим раскопкам в поисках утраченных шедевров античного искусства. И все потому, что был Юлий II еще и большим ценителем прекрасного, не случайно всячески поддерживал великого Микеланджело, создателя великолепной статуи «Моисей», «Мадонны с младенцем», росписи свода Сикстинской капеллы и других бессмертных произведений, как и не менее великого художника Рафаэля. При этом папе, собственно говоря, и был основан Ватиканский музей.

Так вот, среди прочих находок при проведении раскопок оказался и «наш» «Лаокоон». Об этом рассказывает в очерке «Раз Лаокоон, два Лаокоон, или Воскресная прогулка по Эрмитажу» Мария Павлова: «…14 января 1506 года, копаясь в винограднике на холме Эсквилин около церкви Санта-Мария-Маджоре, простой итальянский крестьянин вдруг начал находить части скульптурного мрамора. Вначале высвободилась из земляного плена рука, потом появилась голова немолодого бородатого мужчины, затем показались вздувшиеся кольца змеи. Мрамор был чистый, белый, красивый, словно статуя и не лежала в земле… Почти немедленно фрагменты были идентифицированы как принадлежность части именно той скульптурной группы Лаокоона, которая стояла во дворце древнего императора Тита…».

Вскоре по указанию папы бесценная находка была установлена в специально сработанной нише во «Дворе скульптур» (Бельведере) Ватиканского музея. Там она покоится и сегодня – рядом с Бельведерским торсом, Аполлоном Бельведерским, Спящей Ариадной, Нилом… Впрочем, однажды «Лаокоону» пришлось покинуть «насиженное» место, о чем мы расскажем ниже.

Следует сказать, что тогда, в 1506 году, скульптурная композиция была обнаружена далеко не в безукоризненном состоянии: отсутствовали некоторые важные ее детали, и, хоть окружающая местность была перелопачена вроде бы самым серьезным образом, часть фрагментов оказалась безвозвратно утерянной. Не были найдены правые руки самого Лаокоона и его сыновей. Деятельный Юлий II сразу же после установки «Лаокоона» в Бельведере обратился к самому Микеланджело с предложением заняться реставрацией бесценной находки. Каково же было его разочарование, когда он услыхал в ответ категорический отказ: Микеланджело заявил, что он не позволит себе касаться творения гениальных мастеров. Представляете – он, Микеланджело ди Лодовико ди Леонардо ди Буонарроти Симони, великий скульптор и художник, архитектор и поэт, изобретатель и философ, перед творениями которого и сегодня трепещет мир, – и вдруг такое!.. Это был оглушительный удар для папы, который не только покровительствовал Микеланджело, но и считал своим другом!

Как вы уже понимаете, Юлий II был не тот человек, который пасует перед возникшими трудностями. Он приводил доводы, казалось бы, неопровергаемые, мол, нужно спасать жемчужину мирового значения, и кто, в конце концов, если не ты?! Но, как говорится, нашла коса на камень… Компромисс все же был найден. Реставрационные работы по предложению несговорчивого гения были поручены его достойному ученику и единомышленнику Джованни Монторсоли и благополучно закончены в 1532 году. Ему же была поручена реставрация Аполлона Бельведерского. Монторсоли становится знаменитым. А к чести двух великих спорщиков – папы и Микеланджело – следует заметить, что они сохранили дружеские отношения, и когда папа Юлий II в положенный час ушел в лучший мир, Микеланджело создал своему покровителю и другу прекрасную гробницу, которой и сегодня можно полюбоваться в римской церкви Сан-Пьетро-ин-Винколи…

Но вернемся к реставрационным работам. В каком положении находились в скульптурной композиции утерянные руки, реставратора мало интересовало, потому что в эпоху Возрождения при восстановлении античных скульптур вовсе не считалось дурным тоном, а тем более – незаконным, «пофантазировать» на тему утерянных деталей. Более того, при реставрации статуи Аполлона Бельведерского Монторсоли, как пишет в работе «Искусство Древней Греции» Б.Р. Виппер, прибегнул к приему «вполне закономерному в то время: переполировал всю фигуру Аполлона – тем самым в определенной мере исказил первоначальную подлинную форму и фактуру скульптуры». Иными словами, переделал статую на свой вкус. И вообще, по утверждению С.А. Жебелева, автора «Введения в археологию», «Даже сохранившиеся античные части реставраторы заменяли новыми, если они почему-либо им не нравились». Так что над такой «мелочью», как руки, при реставрации «Лаокоона» Джованни Монторсоли точно долго не думал, и многие поколения посетителей Ватиканского музея с восхищением любовались скульптурным изображением Лаокоона с простертыми вверх руками, и копии с него – удачные и не очень – расходились по миру вплоть до начала XX века.

Одна из копий, выполненная известным итальянским скульптором Паоло Андреа Трискорни и выкупленная у него в 1798 году,

покоится в Иорданской галерее санкт-петербургского Эрмитажа. Современный российский писатель и публицист Михаил Веллер ошибочно называет автором ее знаменитого итальянского скульптора Паоло Трубецкого, творившего в Санкт-Петербурге в 1897-1906 годах, создателя многострадального монумента Александру III, но к рассматриваемой копии никакого отношения не имеющего.

Другая копия «Лаокоона», работы менее известного итальянского мастера Карла Чеврана, в 1870 году оказалась в Одессе. История эта, как и большинство историй, связанных с Одессой, требует отдельного подробного рассказа, и к ней мы обязательно вернемся. Но обо всем по порядку.

…В первой четверти XX столетия в мире искусства грянула очередная сенсация: при археологических раскопках, проводимых известным специалистом – австрийским археологом Людвигом Поллаком, членом-корреспондентом Германского археологического института и почетным профессором нескольких подобных научных учреждений, был найден навсегда, казалось бы, утраченный подлинный фрагмент правой руки Лаокоона. Задавать вопрос, куда смотрели те нерадивые археологи в самом начале XVI века, как все понимают, уже некому, а наказать бы их стоило самым суровым образом, потому что сейчас найден был фрагмент *согнутой* руки! А как мы знаем, в Бельведере рука-то прямая! И в многочисленных копиях – тоже!..

После длительных раздумий, растянувшихся на несколько десятилетий, в середине 1950-х гг. было принято единственно правильное решение, и найденный фрагмент руки занял свое законное место в скульптурной группе, а перед этим состоялась «ампутация» руки – фантазии на вольные темы скульптора Монторсоли. Как результат – все копии, разошедшиеся по свету, включая санкт-петербургскую и одесскую, тянут руки вверх, а оригинал согнул руку в локте. Это же надо! Фантастика какая-то!..

Но самое удивительное: экскурсоводы, проводящие сегодня экскурсии по Ватиканскому музею и демонстрирующие «Лаокоона», утверждают, что, судя по качеству реставрации этой скульптуры, ее наверняка осуществил… Микеланджело. Вот так!..

«Лаокоон» в Ватиканском музее (правая рука Лаокоона согнута!)

III.

...Возникает необходимость вернуться в начало XVI столетия, потому что в 1515 году «Лаокоона» заприметил король Франции Франциск I, и не просто заприметил, а потребовал его в виде контрибуции после победы под Мариньяно.* В это время папой уже «работал» Лев X, видимо, тот еще хитрован. Он не мог отказать королю-победителю, поэтому всучил ему довольно удачно выполненную известным итальянским скульптором Баччо Бандинелли копию, естественно, под видом оригинала. Счастливый (но недалекий) Франциск I со всеми подобающими предосторожностями транспортировал ее в Париж, откуда она через какое-то время исчезла, чтобы объявиться впоследствии в одной из галерей Флоренции...

* Ключевое сражение войны Камбрейской лиги за обладание герцогством Миланским 13-14 сентября 1515 года у города Мариньяно (сейчас – Меленьяно, к юго-востоку от Милана) между армией французского короля Франциска I, которая включала в себя отряды венецианцев и немецких наемников, и швейцарскими наемниками миланского герцога Массимилиано Сфорца.

Как мы упомянули мельком, «Лаокоону» все же пришлось однажды покинуть Ватиканский музей. Это произошло в 1797 году, когда успешно завершивший итальянский поход Наполеон увез его в Рим. Правда, ненадолго: после заточения узурпатора на острове Святой Елены «Лаокоон» в 1814 году вернулся «из ссылки» в Ватикан. Будем надеяться, навсегда.

Между прочим, Иоганн Вольфганг фон Гете, великий немецкий поэт и мыслитель, посетивший Ватиканский музей незадолго до визита в него Наполеона, не мог остаться равнодушным при виде «Лаокоона» и даже написал восхищенную статью, помещенную в журнале «Пропилеи», где с восторгом говорит об «идеале и величии» этой прекрасной статуи.

* * *

А теперь подробно расскажем о копии «Лаокоона», исполненной Карлом Чевраном в 1870 году по заказу удачливого одесского предпринимателя и гласного Одесской городской думы. Его зовут Григорий Григорьевич Маразли. Этот выдающийся человек заслуживает отдельного обстоятельного рассказа, а здесь мы буквально фрагментарно поведаем о его деяниях во благо Одессы.

Получив от отца серьезное наследство, он сумел значительно умножить его, при этом активно участвуя в общественной жизни Города. Григорий Григорьевич четко следовал негласному правилу одесских предпринимателей того времени, забытому, к сожалению, в современной Одессе: если Город помог тебе состояться – ответь ему тем же. И Маразли, великий благотворитель и меценат, отвечал. Не случайно он пользовался любовью и глубоким уважением горожан, пожелавших видеть Григория Григорьевича после пребывания на посту гласного Городской думы в кресле городского головы, которое он занимал целых 17 лет – с 1878 по 1895 гг.!

При нем Одесса становится одним из самых богатых и красивейших городов не только Российской империи, но и Европы. В период его правления она получила городскую публичную библиотеку, народную читальню, бактериологическую станцию, музей изящных искусств (ныне – художественный музей), народное

училище, приют для престарелых, столовую для бездомных детей, ночлежный приют, ботанический сад, Городской театр, трамвай, водопровод, почтамт, первый стадион, другие важнейшие объекты, на многие из которых он отдавал личные сбережения. Незадолго до смерти Маразли пожертвовал Городу собственную библиотеку, которую собирал всю жизнь. И стоит ли удивляться, что бывшая улица Михайловская по решению Городской думы, утвержденному императором, *еще при жизни Маразли* получила его имя? Второй случай в истории Одессы – после Ланжерона!..

Григорий Григорьевич много путешествовал, часто бывал в Европе. В одной из поездок в 1870 году он увидел картину знаменитого испанского художника Эль Греко «Лаокоон» и был настолько очарован ею, что начал подумывать о приобретении этого шедевра, но, попав в Ватиканский музей и оказавшись возле знаменитой скульптуры на тот же сюжет… Великий испанец отходит на второй план: Маразли сразу же заказывает копию скульптуры, которая и была исполнена в каррарском мраморе, причем, по утверждению экспертов, именно она оказывается лучшей в мире копией! А картина Эль Греко через некоторое время благополучно пересекла океан, и сегодня является подлинным украшением одной из галерей Вашингтона…

В том же 1870 году копия Карла Чеврана (еще раз с удовольствием подчеркнем: лучшая копия в мире!) прибывает в Одессу. Часто приходится слышать: мол, Григорий Григорьевич подарил ее Городу. Да ничего подобного! Сделав, как мы знаем, достаточно много подарков Одессе, привезенную скульптуру будущий городской голова оставляет, так сказать, в личном пользовании и устанавливает ее на собственной прекрасной даче с захватывающим видом на Одесский залив, что находилась в оконечности дороги к Малому Фонтану, которую только-только переименовали в Мало-Фонтанскую дорогу, и которая через тридцать два года станет Французским бульваром. Он с гордостью показывает скульптуру многочисленным гостям, а гости у хлебосольного Маразли встречались далеко не простые. Как пишет одесский исследователь и писатель Родион Феденев, «В его доме на Пушкинской живал будущий король Филипп Эммануил, принцы крови бывали на его даче по Мало-Фонтанской дороге…».

Беда на дачу пришла после октябрьского переворота, точнее, в середине 1920-х, когда по предложению одесских скульпторов М.В. Замечека и М.Ф. Безчастнова конфискованными и национализированными (читай – разграбленными) скульптурами, что находились в собственности местных аристократов, начали украшать одесские площади и скверы. Так в 1927 году в Городском саду появилась скульптурная композиция «Лев» и «Львица», исполненная в свое время талантливым французским скульптором Огюстом Каэном по заказу известного одесского сахорозаводчика Семена Бродского и украшавшая вход в его дачу, а чуть раньше трогательные «Амур и Психея» нашли прибежище в Пале-Рояле…

А вот с «Лаокооном» что-то не складывалось у новой власти с самого начала. В 1924 году в «Одесских известиях» появился анонс, извещающий горожан о том, что в ближайшее время это чудо скульптурного искусства украсит своим присутствием бульвар Фельдмана (ныне – Приморский бульвар). Но почему-то не украсило. Более того, «Лаокоон» на несколько лет вообще выпал из поля зрения общественности, чтобы объявиться весьма неожиданно в 1928 году в небольшом скверике на углу улиц Троцкого и Розы Люксембург. Чтобы читатели последних поколений сориентировались, расшифруем такие странные координаты: улица Троцкого сначала называлась Преображенской, а впоследствии – Красной армии, Советской армии и, наконец, вернулась к своему первому названию; а улица Розы Люксембург изначально называлась Полицейской, потом – Кондратенко, а сегодня – Бунина. Сквер же последовательно назывался Полицейской площадью, площадью Кондратенко, площадью Розы Люксембург, а ныне – площадью Веры Холодной. Интересно, на какой еще территории население столь азартно жаждет переименований? Эти все названия еще ведь и запомнить нужно!..

О даче Маразли и о том неспокойном времени вспоминает известный знаток одесской старины писатель Ростислав Александров: «…от дачи Маразли осталась прекрасная даже в заброшенности оранжерея и парк, против которого бульвар плавно поворачивает к морю». Вот в этом парке и простояли несколько десятилетий мраморные Лаокоон с сыновьями, обвитые змеями, – до тех пор, пока, по словам того же автора, не «…умыкнули этого троянского героя

вкупе с сыновьями из парка Маразли в то злосчастное время, когда грабили дома и дачи… С тех пор многое изменилось, и бульвару, который долгое время носил имя «Пролетарский», вернули исконное название, но Лаокоону некуда и не к кому возвращаться…».

А что же наша скульптурная гордость? Довольно долго она простояла на этом шумном, но мало посещаемом туристами перекрестке, пока в 1969 году на нее не обратила внимания очередная свалившаяся на Одессу партийная шишка, в смысле новый первый секретарь областного комитета партии. Только заинтересовала она последнего не изяществом линий и точностью пропорций, а бессовестным, с точки зрения так себе образованного партийного бонзы, изображением голых мужчин в людном месте, где ходят наши советские дети. Вот тогда и началось… Сначала «Лаокоона» оскопили (слава Богу, что мраморного), потом привесили лавровый листок несколько иного колера, потом, с большим опозданием, продолжали издеваться над скульптурой, окружив ее глухим забором. С опозданием – потому что одесский народ уже вдоволь насмеялся над безмозглыми попытками подчинить работу древнегреческих ваятелей идеям и методам социалистического реализма…

Впрочем, зачем мы все это рассказываем? Давным-давно эту жуткую историю с успехом поведал с эстрады известный юморист Геннадий Хазанов по тексту, написанному не менее известным сатириком Семеном Альтовым, у которого «Лаокоон» стал «Гераклом», а события перенесены в некий город N. Все же остальное – один к одному. Через какое-то время уже упоминавшийся нами Михаил Веллер рассказывает ту же историю, произошедшую якобы в Санкт-Петербурге, когда тот был Ленинградом. Причем снова напутал, утверждая, что в Одессе подобное вовсе не происходило. Вот чудак! Все время что-то путает, недаром, видать, к этому автору еще Сергей Довлатов имел определенные претензии, правда, по другому поводу…

А в Одессе, дождавшись, когда деятельный партийный вождь областного разлива получил новое назначение – в Киев, где начал как истинный специалист самого широкого профиля руководить Главным управлением речного флота, неравнодушные горожане привели «Лаокоона» в нормальное состояние, и в 1971 году скульптурный раритет оказывается перед археологическим му-

«Лаокоон» в Одессе (правая рука Лаокоона тянется вверх!)

зеем. Ничего не скажешь: место вполне достойное и посещаемое. А территорию в сквере, на которой стоял «Лаокоон», в 1988 году успешно заняли исполненные одесским скульптором Николаем Степановым бронзовые «Петя и Гаврик», герои замечательной повести Валентина Катаева «Белеет парус одинокий». Знатоки утверждают, что это было последнее скульптурное произведение, созданное в Одессе в советское время…

И все бы хорошо, да только на новом месте не дают покоя нашему мифическому семейству безбашенные вандалы, из-за чего даже было предложено убрать «Лаокоона» в один из музейных залов, а на всеобщее обозрение выставить копию из полимерных материалов. Нам же кажется, что «Лаокоон и сыновья, удушаемые змеями» давно заслужили у Города спокойной старости и возможности оставаться на последнем месте пребывания. На этот раз – уже навсегда. И не поленюсь повторить – *это лучшая в мире копия*! Хоть и с «неправильной» правой рукой…

Борис Бурда

Романтический чемоданщик

Ум не прощают

Умных людей неумные обычно не раздражают – хотя бы потому, что раздражаться глупо. Обратное же, вообще говоря, неверно, и неумные тупо и тщательно ненавидят умных сугубо за факт их существования, создающий для них неблагоприятный фон. Поскольку умным быть полезно и приятно, неумные не без оснований считают себя обделенными судьбой. А о том, что в своем малоумии они чаще всего повинны сами, им вспоминать отвратительно, ибо тогда никак не получается, что умные им должны. Впрочем, отсутствие вины умных перед неумными является в глазах неумных только отягчающим обстоятельством (это ж надо так устроиться, чтоб им и предъявить-то нечего было, – гады какие!) и вызывает еще большее желание с этими умниками посчитаться. Сделать это не так легко, потому что любому нормальному обществу умные нужны, а неумные не очень. Это самое общество им и денег больше платит, и полицию их охранять науськивает, и даже написать на заборе все то, что о них, умниках, думают, тоже опасно – закатают за диффамацию, да еще бедолаги неумные и не поймут толком, что это такое. Поэтому озлобленные неумные просто обожают истории о том, какие эти самые умные на самом деле бестолковые, убогие и неприспособленные к жизни. Мол, и рассеянные они, и ничего толком руками сделать не умеют, и говорят по-русски так плохо, вычурно и непонятно, что от смеха животики надорвешь. Поэтому и оконфузить их, умников, нечего делать – покрыл матом по самые гланды, он и не поймет, по-каковски это к нему и о чем. Истории такого рода по указанным выше причинам весьма

популярны, их печатают, размещают на сайтах, подобные сюжеты активно эксплуатируют люди из всяких там «Комеди Аншлаг» и прочих любимцев широких масс. Человек умный, но в лучшем случае недальновидный, а в худшем просто с моралью бычьего цепня может еще и заработать на них немало денежек – неумные за то, чтоб послушать такие сладкие песенки, охотно платят из своих невеликих доходов, потому что душа требует, чтоб было именно так, за это они революцию и делали. Отсутствие вымышленной ими картины в реальном мире их мало напрягает – ну, не вписывается в нее, скажем, альпинист высшего разряда и по совместительству один из отцов советской водородной бомбы академик Тамм, так что о нем знают неумные? Разве что Тамм – это вам не тутт…

Чуть ли не важнейшей частью этой Легенды о Тупом Умнике является новелла о том, какая у этого самого умника жизнь скучная и неинтересная. В первую очередь – как серо и безрадостно складывается у него личная жизнь. В третьем классе одноклассниц за косу не дергают, в пятом через замочную скважину в раздевалку не подглядывают, в седьмом в бутылочку не играют, в восьмом за вторичные половые признаки не хватают, а чего не делают в девятом и даже на выпускном вечере, я просто сказать не решаюсь. И решают, мол, умники свои интимные проблемы исключительно законным браком, причем с такими же умницами, так что в брачную ночь еще долго разбираются с книгами в руках, где же все это, что им раньше было даром не надо, а вот сейчас пригодилось бы, если ничего не перепутать. Это я, конечно, понимаю, а вот что находятся наивные люди, которые этому верят, – не пойму никак. Жизнь уже столько раз нам показывала, что у интересных людей вообще все интересно, а личная жизнь тем паче, что пора было это и усвоить. Стоит только изучить поподробнее биографию по-настоящему умного человека, и сам видишь, что все эти мушкетеры у Дюма жили банально и предсказуемо по сравнению с многими фигурантами школьных учебников – скажем, по химии. Почему еще не написан остросюжетный авантюрный роман о личной жизни Дмитрия Ивановича Менделеева, я, например, просто ума не приложу.

Богатыми талантами наделила судьба этого семнадцатого ребенка небогатой семьи. Три вещи, правда, ему не давались, хотя к овладению их тайнами он и стремился: публичные выступления,

игра в шахматы и семейная жизнь. Обыграв как-то в сеансе самого Чигорина, играл он неровно, зевал фигуры, психовал, пытался брать назад ходы. Читая лекции, сначала экал и мекал, потом начинал частить, и в итоге признавался, что его лекции такие же нескладные, как он сам. А со своими семейными делами он вообще доигрался до официального двоеженства. Зато все остальное получалось у него лучше некуда! За ним числятся достижения в науках и ремеслах, он достиг успехов в воздухоплавании и даже в шпионаже. Его дочь стала женой гения, он твердой рукой ввел Россию в мир килограммов и метров, добившись того, что их официальное употребление было прописано рядом с фунтом и аршином. Что же касается такой любимой всеми вещи, как продукты питания, то именно ему приписывается изобретение водки, а куда в наших краях за славой дальше и шагать? Что интересно, и о личной жизни нашего гениального земляка Дмитрия Ивановича Менделеева вполне стоит вспомнить – а то ведь расскажешь, и не поверят! Причем совершенно зря…

Приказано выжить

Родился он в Тобольске, в городе, который долго был для России воротами Сибири. Я уже написал, что он был семнадцатым ребенком, хотя некоторые источники пишут, что только четырнадцатым. Это явная ошибка, хотя и понятная – трое братиков и сестричек маленького Димочки даже до крестин не дожили, им просто не успели дать имена. Вскоре после его рождения семью постигла великая беда – отец многочисленного семейства Иван Павлович ослеп и вскоре скончался. Семье грозило бесповоротное обнищание, но мать Менделеева Мария Дмитриевна была из тех, что коня на скаку остановят. Чтоб не оставить детей без образования, сорокалетняя домохозяйка пошла работать и занялась совершенно по тем временам неженским делом – нанялась управлять стекольным заводом. Ругалась с поставщиками, снимала стружку с нерадивых приказчиков, организовывала доставку товара купцам-оптовикам – маркетинг, логистика, хайтек, все, как топменеджеру и положено, в общем, «Москва слезам не верит», толь-

ко вместо одной дочки целый выводок на руках. Для любимчика последыша она смогла пробить на остатках старых связей образование на казенный счет. Первый опыт, Медико-хирургическая академия, с треском провалился – первокурсника свалило испытание анатомичкой. Зато в Государственном педагогическом институте все получалось, преподавательский состав был очень сильным, пошла настоящая научная работа и первые публикации.

И тут вроде бы все кончилось – как и у отца, открылась чахотка, кровь горлом, по тем временам практически смертный приговор. На ночном обходе доктор Кребель подошел к уголку, в котором лежали двое студентов-доходяг, Менделеев и Бетлинг, и, сочтя их спящими, сказал: «Ну, эти двое уже не встанут». Что делает прилежный студент, слыша мнение профессора? Соглашается с ним. Бетлинг так и поступил – вскоре скончался. А что делает студент талантливый? Изучает слова наставника, соглашается с верным и тратит все силы на то, чтоб опровергнуть неверное. Менделеев не захотел поверить Кребелю – что же это получается, мать зря на него жизнь положила? Он еще тщательнее, чем прежде, готовится к экзаменам, с блеском их сдает и, шатаясь, возвращается в лазарет под овацию товарищей, отлично знавших, каковы его дела. Но и это еще не все: он добирается до самого Здекауэра, придворного медика, а тот поступает не только профессионально грамотно, но еще и высоконравственно – признает, что есть специалисты и получше его, и направляет больного Менделеева к доктору Пирогову, он-то уж разберется! А где Пирогов? На Крымской войне – режет и шьет, спасает, как может, тяжелораненых. И Менделеев со свеженькой золотой медалью института и блестящим средним баллом 4,5 за последний год обучения (почти одни пятерки, одна-единственная тройка – по Закону Божьему) направляется в Крым – к Пирогову. Месяц он просто ходит в госпиталь к Пирогову и не решается отвлечь его от раненных солдат, но наконец решается обратиться. А тот посмотрел его и сказал, что сердечко, конечно, слабовато, но чахотки не видать. Поезжайте, мол, симулянт, обратно в Питер, Здекауэру кланяйтесь и это письмо сохраните на память – вы еще и его, и меня переживете, и успеете при таком здоровье пять раз жениться! Каков сюжет? Мыльные оперы нервно курят в коридоре…

Нервная и богемная

Получилось так, что Пирогов оказался почти во всем прав – ну, до пяти женитьб Менделеев не дотянул, но это разве что строгие российские законы и общественная мораль тех времен его как-то сдерживали, хотя и с проблемами. Более того, выздоровел больной настолько, что вскоре его личная жизнь сделалась донельзя бурной. Можно ли смешивать занятия химией и любовную страсть? Менделеев был убежден, что нужно, причем прямо во время загранкомандировки. Учитель Менделеева великий Бунзен считал, что делать этого нельзя, и только за голову хватался, наблюдая за перипетиями романа своего ученика с провинциальной немецкой актрисой, огненно-рыжей и не менее огненно темпераментной. Звали ее Агнесса Фойгтман, и она заставила Менделеева сочетать изучение капиллярных явлений с мотанием по немецким городам, где у нее проходили гастроли, со сценами ревности, скандалами и прочими эмоциями не существовавших тогда мексиканских сериалов. В итоге Агнесса родила девочку с балладным именем Розамунда и потребовала у счастливого отца узаконить отношения. Когда стало ясно, что Менделеев к этому совершенно не готов, она сменила гнев на милость – действительно, зачем ей Менделеев, у нее еще сто таких будет! Вот только не пропадать же маленькой Розамундочке, так что пусть либер фатер позаботится о ее будущем и не даст погибнуть от голода и холода… Спасение милого дитятка, по мнению фройляйн Фойгтман, стоило таких денег на ее содержание, что Менделеев бросил учебу и помчался в Россию эти деньги зарабатывать. Буквально сразу после рождения ребенка пришлось ему обратиться даже к министру финансов Российской империи – конечно, будущему, достигшему этого поста через много лет, но и тогда уже далеко не бедному Ивану Вышнеградскому, соученику по институту. Тот занял сокурснику 1000 рублей (в те времена дорогого рубля – огромные деньги), которые и пошли дитятку на первое обзаведение всем необходимым.

Наука наукой, а у любви козыри старше, и оставивший свое дитя без куска хлеба не достоин уважения. Менделеев, к его чести, знал это твердо, получше многих людей, порой весьма знаменитых. Деньги на Розамундочку слал, пока та замуж не вышла. Его

жизнь денежные хлопоты поначалу достаточно осложняли: бегал по урокам, искал приработки, чуть не пошел, подобно матери, в управляющие заводом, увлекся новой для тех лет прикладной дисциплиной фотографией, да в итоге чуть не стал фотографом – периодическую систему элементов в этом случае явно пришлось бы открывать кому-нибудь другому. Пришлось ему немало и позаниматься прикладными исследованиями в самых различных областях, от нефтехимии до агрономии, за которые хорошо платили. Позже это ему жестоко аукнулось, когда его не избрали в Академию наук, сочтя его труды более прикладными, чем теоретическими (это уже при опубликованной периодической системе – ну дают академические круги, да и со временем мало меняются). О самой Фойгтман Менделеев вспомнил уже на склоне лет, сделав приписку на ее старом письме: «Не имею убеждения, что она (Розамунда то есть) моя дочь, но при ее рождении уплатил 2000 гульденов и тем как бы признал. После же, до 1902 года она постоянно прибегала ко мне, но я уже остановился и считал себя свободным». Очень неожиданно и непонятно… Чья же Розамунда дочь, и при каких обстоятельствах встречался он с ее матерью через столько лет после их романа? Боюсь, что точно этого уже никто не узнает, так что, для домыслов полная свобода. Какой простор для будущих писателей – о сценаристах и не говорю…

Добрая и простая

Страсти – это хорошо, но кому угодно понравится вкусная еда, домашний уют, безмятежная и спокойная жизнь. Кого к этому не тянет? Даже крупных ученых… Наверное, чисто по контрасту с темпераментной Агнессой Менделееву пришлась по душе барышня анемичная, болезненная и очень добрая, хотя и не очень умная – видите, так тоже бывает… Была она падчерицей сослуживца отца, инспектора той самой тобольской гимназии, в которой он директорствовал. Этого сослуживца знаем мы все – это Павел Ершов, автор «Конька-Горбунка». Ее собственная фамилия в чем-то напоминала фамилию знаменитого отчима – если он Ершов, но она Лещова, и то, и другое – рыбы речные и преизрядно

костистые, случайно ли такое совпадение – судите сами. Все равно фамилия у нее простая, обыденная, но вот такое имя я впервые в жизни слышу. Звали ее Феозва! Называть любимое существо таким словом как-то страшновато, даже если это золотая рыбка, а уж барышню… ну как же возможно такое? Менделеев нашел выход – он стал звать ее Физа… Ей очень симпатизировала старшая сестра Дмитрия Ольга – супруга декабриста Басаргина, большого друга семьи Менделеевых, помогавшего ей в трудные дни. Дмитрий писал сестре: «Мила эта Физа. Если б не деньги, которых нет, женился бы на ней…». Именно по этой причине поженились они не сразу, для семейного гнездышка деньги нужны. Да еще и с Агнессой рассчитаться было необходимо. Но Менделеев решил вопрос просто – есть в России большая премия за научные сочинения, Демидовская, почему бы ее и не получить? Написал работу на премию и получил ее таки, после чего и женился. Науки, выходит, юношей не только питают, но и женят.

Но мягкие, уютные, милые жены – не для темпераментных натур… Сомнения посещали еще до брака и самого Менделеева, и Феозву Никитичну. Кроткую барышню смущал необузданный темперамент кавалера, который, по твердому убеждению сочинителей легенд о робких и беззащитных «ботаниках», просто не мог быть свойственен человеку с такими научными успехами. Ну кто ожидает от почтенного ученого мужа, что он чуть ли не с кулаками набросится на подавшего ему недостаточно горячий чай лакея? Или, скажем, вспылив по пустячному поводу, начнет расшвыривать из своего бумажника ассигнации и мелочь, пока полностью его не опустошит? Это достаточно пугало будущую жену гения, да и он сам порой сомневался – стоит ли? Но сестричка уже все за него решила и, как только он начал озвучивать свои сомнения, сразу прижала его к ногтю: «Ты объявлен женихом, в каком положении будет она, если ты теперь откажешься?». Куда тут деваться – Менделеев предпочел быть женатым, чем коварным изменщиком в глазах собственной сестры и барышни, к которой все-таки не был совсем безразличен. Так, может быть, и вправду хлюпик? Оставьте – подобным образом и не таких крутых ломают. В общем, кольца, церковь, белое платье, прочее, что положено, и стали они жить да поживать.

По паспорту Менделеев был на 6 лет моложе жены, но реально этот разрыв был больше и все время возрастал. Она быстро старела, волосы ее седели, талия становилась необъятной – многие женщины совершают эту же ошибку, переставая за собой следить, когда мужчина уже загнан к алтарю. Экие они странные – мужика гораздо легче заарканить, чем на этом аркане удержать! Опять-таки о семейном благополучии – это дело важное, но если просто пилить главу семейства за недостаточное внимание к жизненным благам, чем заботливая супруга совершенно не брезговала, несчастная жертва такого воспитания может решить, что проще всего покончить с таким трогательным вниманием к благоденствию семьи, изведя напрочь эту самую семью. А наш ученый муж, вопреки всем мифам об интеллигентской рыхлости и покладистости, только становился с годами моложе и темпераментнее. Дело дошло даже до того, что наш идальго сделал официальное предложение руки и сердца гувернантке собственной дочки. К великому счастью Феозвы Никитичны, гувернантка просто перепугалась до дрожи, соблазнителю с ужасом отказала, с работы уволилась и куда-то скрылась – ищи ее свищи. Фейерверк открытий, плавно протекающий параллельно с семейной трагедией, не вносил покоя в менделеевский дом – излишним кипением страстей можно испортить семейную жизнь. Отношения в семье Менделеева дошли до того, что он все чаще сбегал от жены… в старый росший в их имении дуб с огромным дуплом! В дупле умещались стол, стульчик и большущий барометр. Крестьяне почтительно подходили и спрашивали, какая будет погода. Менделеев глядел на барометр и торжественно вещал – не мусульмане, чай, у них погода есть привилегия Аллаха, и о ней даже осведомляться не очень халяльно, а у нас можно хоть так душу отводить, если в семье нелады. В дупле ему было спокойнее, чем рядом с женой.

Первым делом самолеты

Личные дела пусть идут как угодно, а работа – своим чередом, причем рабочая биография Менделеева не менее богата событиями, чем личная жизнь. Менделеев – кто угодно, но не ученый одного-единственного достижения. В 26 лет он делает важнейшее

физическое открытие – открывает так называемую критическую температуру, выше которой ни один газ не обращается в жидкость ни при каком давлении. Работает он не только за столом – нужно наблюдать солнечное затмение, и Менделеев поднимается на воздушном шаре. Идет дождь, шар намокает, подъемная сила его падает, но ведь затмение ждать не станет – и он оставляет пилота и летит сам! Ветер уносит шар неведомо куда, найти его некоторое время не удается, начинаются разговоры, что следует ожидать самого худшего, а Менделеев тем временем благополучно приземляется и успокаивает сбежавшихся к месту падения шара крестьян, которые считают, что человеку на небе делать нечего, а на черта спустившийся на шаре не похож. В итоге крестьяне принимают Менделеева просто страшно сказать за кого! Впрочем, для химиков к тому времени он Им и был – число его титулов и почетных званий просто поражало воображение. Одну из своих статей он просто отказывается подписать всеми титулами сразу, уверяя, что в этом случае ее никогда не напечатают. «Почему?» – спрашивают его. – «Да потому, что титул получается длинней, чем у царя».

А его диссертация «О соединении спирта с водой» принесла ему еще и весьма специфическую славу, особенно эффектную именно в России – он стал культовой фигурой для российских алкоголиков, большинство из которых верят в то, что именно он изобрел водку! Во всяком случае, самую распространенную ныне, сорокаградусную – крупные авторитеты в кулинарии утверждают это совершенно определенно. Увы, причина этого массового заблуждения обычна – полное нежелание работать с первоисточниками, практически на уровне поголовного изучения в советских вузах марксистско-ленинской философии. Никаких особых исследований вкуса спиртовых растворов Менделеев вообще не проводил, причем по весьма уважительной причине – ну не любил он водки, предпочитал сухие вина с Кавказа. Статью о водке в Брокгаузе он действительно написал, но что же это получается, тот, кто статью про колесо в словаре написал, и колесо придумал? А легендарные 40 объемных процентов просто легче всего получить – два объема спирта на три объема воды, скорее всего, именно поэтому они и проникли в 1868 году в законода-

тельные акты Российской империи. Вот в Комиссии по виноградному вину Менделеев даже председательствовал, поскольку, помимо всего прочего, отменно знал предмет. Вот так и рождается большинство брэндов, в том числе самый типичный из них – брэнд сивой кобылы в безлунную ночь…

О людях неизобретательных говорят: «Пороха не выдумает». Это не о Менделееве – он и в порохе разбирался! Когда французы выдумали бездымный порох, состав его был государственной тайной. Но от Менделеева долго скрывать тайны не удавалось. Вульгарному шпионажу он предпочел шпионство экономическое: не проникал на завод, не воровал документов, а просто собрал сведения о том, какие грузы везет на этот завод железная дорога. Все сразу и получилось: и состав пороха, и пропорции компонентов, и изобретенный Менделеевым бездымный порох поступил на вооружение российской армии. И это еще не все, что он сделал для пороховых заводов России. Порох там сушили теплым воздухом, и порой это приводило к взрывам. Великий знаток спиртовых растворов избавил производство от этой опасности, предложив сушить порох спиртом, жадно впитывающим воду при любых условиях. Впрочем, порох явно был не единственной взрывчаткой, к которой был причастен великий химик. Помимо этого он закладывал большую и страшную мину под собственную семейную жизнь… Разумно ли это, вопрос отдельный, но уж точно нетипично для хилого интеллигентика из анекдотов наших дней.

Вечная, но периодическая

А как с главным открытием Менделеева? Время ему явно приходит! Все больше ученых понимают, что свойства некоторых химических элементов почти аналогичны, и тут должна быть какая-то связь. Немец Деберейнер располагает элементы по триадам. Его спрашивают, почему он располагает именно так, и ему нечего сказать. Англичанин Ньюлэндс заметил, что если расположить элементы по возрастанию атомных весов – вот она, руководящая идея – свойства их повторяются через каждые восемь! Но и над его «октавами» смеются современники, спрашивают:

«А вы по алфавиту располагать не пробовали?». Француз Шанкутруа размещает элементы по спирали и замечает, что элементы с похожими свойствами все располагаются один над другим – все, да не очень… Надо бы как-то подогнать задачу под ответ, но как? Оказалось, что для этого необходима менделеевская изобретательность. И он первый догадался, в чем дело, – что некоторые элементы просто еще не открыты, а у некоторых неверно определены основные характеристики! Он всегда находил неожиданные решения. Когда его Палате мер и весов – а он долгое время был ее практически бессменным руководителем – понадобился ремонт, он дождался инспекции самого великого князя и в аккурат перед визитом высокого гостя загромоздил все коридоры старыми шкафами и пыльными кипами бумаг. Понатыкавшись на мебель и почихав всласть, его императорское высочество распорядился немедленно ассигновать средства на ремонт.

А как же с его величайшим открытием? Говорят, что очень просто родилась и менделеевская таблица: взяла и приснилась ученому! Немало книг растиражировали эту легенду, и никак не прищучить того, кто это первым придумал. На самом деле, по воспоминаниям современников, ничего подобного. Все было еще интересней: после завтрака, в феврале 1869 года, он заперся в своем кабинете, захватив с собой большую пачку визиток. Через некоторое время из кабинета периодически стали долетать вопли типа: «У-у! Рогатая! Ух, какая рогатая! Я тебя одолею! Убью-у-у!». И ведь одолел-таки! В частности, потому, что сообразил не только раскладывать элементы по порядку возрастания их атомных весов, но и оставлять пустые места для элементов, еще не открытых. Одним из сильнейших доказательств его правоты было то, что эти элементы, места для которых он предусмотрительно оставил, в итоге действительно пооткрывали – и свойства их отказались в точности такими, как Менделеев предсказал. А там, где не такие, оказалось, что плохо мерили, а Менделеев все-таки прав. Вот обидно было, наверное, знаменитому немецкому химику Лотару Мейеру! Он опубликовал очень подробную работу, весьма похожую на менделеевскую, но годом позже! Немцы до сих пор избегают называть периодическую систему таблицей Менделеева. Но и таблицей Мейера называть

не осмеливаются, просто пишут, что: «Менделеев открыл периодический закон практически одновременно с Мейером». Что, как говорил вождь, «формально верно, а по сути: издевательство»! Так что, не только Россия – родина слонов. «Другие не лучше», как гласит популярная надпись на зеркале.

Красивая и молодая

Рассказывая о таком человеке такого темперамента, как Менделеев, одной свадьбой не обойтись – это совершенно ясно! Впрочем, почему мы говорим – Менделеев? Его отец ведь носил долгое время фамилию Соколов. Представляете, «периодическая система Соколова» – вполне могли бы в школе такое учить. А свою роскошную фамилию его отец получил после того, как выменял у одного своего знакомого, причем очень удачно, красивые новые сапоги. От слов «мену делать» и произошла эта фамилия – во всяком случае, так гласит семейная легенда. В те годы среди священников бытовал обычай давать детям новые фамилии, а не просто механически присваивать им фамилию отца. Вот и стал один из сыновей менделеевского дедушки Тихомандрицким, другой Покровским, третий так и остался Соколовым, а четвертый стал Менделеевым – кстати, сосед помещик носил эту же фамилию, замеченную в Разрядной книге еще в XVII столетии, что лично в моих глазах ставит версию с выменянными сапогами под очень жирный знак вопроса…

Чтоб отвлечься от проблем, чем только Менделеев ни занимался! Руки у него были очень умелые, и любимым занятием для отдыха у него было, как ни странно, шитье чемоданов. Чемоданы получались красивые и удобные, он часто их дарил, и получить такой подарок от него было лестно. Как-то раз, покупая принадлежности для своего хобби, он услышал за своей спиной: «Это что за почтенный господин?» – «Знать надо! Это известный чемоданных дел мастер Дмитрий Иванович Менделеев!». Ну, понятное дело, чемоданами его интересы не ограничивались. Вдруг в его семью среди ясного неба ударил гром! Вместе с сестрой приехала ее подруга, 17-летняя Анечка Попова, полурусская, полушведка, поступать в Академию художеств. Менделеев сам испугался того,

что на него накатило, уехал за границу на два года – все не проходило! И когда он вернулся и пригласил Анечку к своему другу, художнику Куинджи, который в то время перестал выставлять свои работы, и увидеть их можно было только у него дома, влюбленные не смогли удержаться. А через год Феозва Никитична, узнав, что Анна беременна, дала согласие на развод.

Менделееву пришлось ждать брака достаточно долго. Развод ему консистория дала, но на 7 лет запретила жениться снова. Ждать он не хотел и совершенно не умел, решив в итоге проблему старым проверенным способом – наука помогает любви! 10 тысяч рублей гонорара за новую книгу ушло на взятку священнику Куткевичу, который не сдержался и, несмотря на строгий запрет, обвенчал рабов Божьих Дмитрия и Анну. Священника за это наказали самым серьезным церковным наказанием – расстригли, лишили сана. Но брак-то все равно оставался законным! Однако их первая дочка Люба была незаконнорожденной. Из-за этого, когда Менделееву должен был давать аудиенцию царь Александр III, возникли даже сложности. Царю намекнули, что не стоит допускать пред свое лицо двоеженца. На это царь ответил: «Это верно, у Менделеева две жены, но Менделеев-то у меня один!». А появившаяся на свет незаконнорожденной дочка Люба подросла и вышла замуж за внука другого великого русского химика, Бекетова. Звали его Александр Блок. Блок от Менделеева был в полном восторге и всегда говорил, что влюбился бы в него, если бы не был влюблен в его дочь.

Столь неравный брак, разумеется, имел не так уж много шансов оставаться благополучным. Окончательно его подорвало событие действительно ужасное. Когда первый сын Менделеева Владимир, талантливый моряк и военный инженер, тяжело заболел, молодая супруга решила, что не стоит и сообщать об этом мужу – ведь пришлось бы отказаться от посещения престижных великосветских балов и раутов, а кому от этого станет легче? И когда 19 декабря 1898 года Менделеев под руку с женой, во фраке и при всех орденах, показался в ложе Мариинского театра, все просто не могли поверить, что Менделеев был одним из немногих людей в зале, который не читал в утренней газете сообщения о кончине своего ребенка. Менделеев негодовал – почему

не сказали, разве его считают таким слабым? И, конечно, не простил этого ни жене, ни себе. Очень жестко писал об этих обстоятельствах на правах близкого родственника Блок: «По прошествии многих лет ученый помер. Жена его (до свадьбы и в медовые месяцы влюбленная, во время замужества ненавидевшая) чтит его память «свято»… Ей оправдание, конечно, есть: она не призвана, она пустая бабенка, хотя и не без характера, ей не по силам ни гениальный муж, ни четверо детей, из которых каждый по-своему незауряден». Да и сам Менделеев непросто смотрел на свою личную жизнь, раз уж писал сыну: «Женитесь и выходите замуж по сердцу и разуму вместе… Отец ваш был слаб, был уродлив в этом отношении». Впрочем, говорит же герой одного неплохого советского фильма: «Жить надо страстями!». Если это так, жизнь Менделеева была просто образцовой.

Непростой, но неповторимый

Вот теперь говорите о семейной жизни великого химика все, что пожелаете. Но лучше промолчите. Иногда все слова лишние. Такое бывает с людьми повышенной незаурядности – повышенная неуживчивость и сложность характера дается к ней в нагрузку. Характер Менделеева совершенно выпадал из шаблона дешевых анекдотов о гениях еще и тем, что чинопочитания в нем не было ни на грошик. Когда один из его студентов, придя на экзамен, решил легонько надавить на педагога титулом и представился: «Князь В.», – Менделеев вообще отправил его домой – мол, написано же, что на букву «К» я экзаменую завтра. Вызванный вместе с Бекетовым к генерал-губернатору столицы, герою турецкой войны генералу Гурко, он, не будучи турком, нисколько его не испугался, и как только тот повысил голос, прикрикнул на него еще громче: «Вы кто такой? Солдат, и больше ничего. В своем невежестве вы не знаете, кто я такой. Имя Менделеева навеки вписано в историю науки… Что такое периодическая система? Отвечайте!». Тут он угадал – Гурко об этом представления не имел и, очевидно, испугавшись, что разгневанный гений поставит ему двойку, спустил вопрос на тормозах.

Конечно, даром такие штучки тоже не проходят – на выборах в Академию наук его забаллотировали, как уже и писалось выше, но это скорее не ему позор, а академии, отказавшей в приеме действительному члену 90 зарубежных академий, да еще и почетному члену российской Академии художеств. Вот разве что господа академики оказались на уровне бестолковых «ботаников» из примитивных анекдотов, притормозив того, кто оказался поярче их и ответил на их безумное решение разве что скептическим замечанием, что Прометею вроде и посильней влетело… Что было это формальное признание человеку, служившему науке до конца жизни, руководившему Палатой мер и весов даже после потери зрения и достойно вознагражденному той же наукой, ради которой он согласился на совершенно новую в те годы операцию снятия катаракты – кстати, наука достойно вознаградила своего верного рыцаря: он прозрел!

Когда Менделеева после долгой и насыщенной жизни, после дней радости и волнений провожали в последний путь, жена все возмущалась, что на могильной плите вместо намеченной длинной надписи успели начертать только «Дмитрий Иванович Менделеев». «Объясните же этой женщине, что на могиле гения больше ничего писать и не нужно!» – возмущенно воскликнул его зять Александр Блок. И он был прав. По-настоящему хорошее не требует слов – и так все ясно! Надпись на плите можно сделать любую, лишь бы заплатили. А вот чтоб студенты просто сняли со стены аудитории главное наглядное пособие – огромную таблицу с периодической системой элементов – и поставили у плиты, в принципе почти невозможно. Вот такую жизнь может прожить и так ее закончить человек по-настоящему умный – как же неумным не расстраиваться и не выдумывать дурацких анекдотов? Им ведь обидно, но все равно ничего им не поможет.

Татьяна Гоголина

Отдел имени Л.Д. Тимоновой

В 1904 году вышел четвертый том печатного каталога Одесской городской публичной библиотеки. Как и предыдущие тома, издан на средства попечителя библиотеки графа М.М. Толстого. XXII отдел этого тома представляет книги и другие материалы технического содержания, пожертвованные профессором института путей сообщения в Петербурге В.Е. Тимоновым.

«По постановлению Одесской городской думы из этой коллекции был образован особый отдел, которому, согласно желанию жертвователя, присвоено имя его матери Л.Д. Тимоновой».[1] В каталог вошли издания на русском и иностранных языках, присланные В.Е. Тимоновым до 1 июня 1904 года и составившие более тысячи названий.

В дальнейшем Всеволод Евгеньевич Тимонов постоянно пополнял этот отдел, и к 1925 году численность его составляла более 5 тысяч томов. Пожертвования продолжались до 1936 года. Последняя партия книг была прислана уже после его смерти.[2]

Всеволод Евгеньевич Тимонов родился в Одессе в 1862 году в семье мирового судьи Евгения Васильевича Тимонова. После окончания Одесского реального училища он продолжал образование в Париже и Брюсселе, получив специальность инженера путей сообщения. Научную работу начал в 1884 году. Сфера его научных разработок весьма обширна: «портовые сооружения, водоснабжение, водостоки»[3], гидрология и гидротехника. К 1900 г. он уже именитый профессор, и за проект Беломорского канала получает золотую медаль Всемирной парижской выставки.

На протяжении 50 лет он формировал коллекцию технической литературы в ОГПБ, особая ценность которой состоит в разнообразии подобранных материалов. Это официальные правительственные

материалы, альбомы исполнительных чертежей, материалы для проектирования, каталоги, прейскуранты, отчеты американского правительства об общественных работах за период с 1872 по 1904 год, представляющие обширные уникальные материалы.

Этой коллекции «он присваивает имя своей матери».[4] Какой же она была, эта женщина?

Людмила Даниловна Тимонова «родилась в Одессе 5 апреля 1844 г.»[5] в семье служащего в канцелярии новороссийского генерал-губернаторства. Родители умерли в 1858 году, оставив свою единственную дочь на 15-м году жизни круглой сиротой.

В это время она еще училась и жила в известном в Одессе пансионе Матео. Там она проживала в одной комнате с учительницей французского языка Жозефиной Дюрр, дружба с которой продолжалась долгие годы.

По окончании курса молодая девушка возвратилась в квартиру своих родителей, и с этого времени началась ее самостоятельная жизнь. Юная энергичная красивая девушка была завидной невестой. В 1860 г. она вышла замуж за Евгения Васильевича Тимонова, ученого агронома, за два года перед этим приехавшего в Одессу для службы в Комитете об иностранных поселенцах юга России.

К 21-му году у Людмилы Даниловны было уже двое детей – сын и дочь. Муж ввел ее в среду своих товарищей и сослуживцев, передовых людей того времени, наполненного ожиданием крупных реформ – освобождения крестьян, учреждения гласных судов, городского и земского самоуправления.

Мировоззрение Людмилы Даниловны формировалось под влиянием бесед на волновавшие темы, чтения сочинений Герцена, Чернышевского, Некрасова. Она очень заинтересовалась женским движением и стала искать для себя решение этого вопроса, соответствующее условиям ее жизни. Связанная семьей, которую очень любила, она не захотела следовать общему стремлению и уехать учиться за границу. Практическим выходом из положения было найти возможность осуществлять полезный труд дома. Мысль об обязательности производительного труда для каждого человека, если только он не инвалид, глубоко проникла в убеждения Людмилы Даниловны и стала руководящей для всей ее дальнейшей жизни.

Воспитывать детей, вести домашнее хозяйство, наблюдать за небольшим собственным домом ей было мало. Хотелось развернуть работу шире, так, чтобы приносить пользу многим. Хотелось пойти по стопам идеальных героев, которых описывал Чернышевский, но избежать их ошибок. Хотелось стать ближе к тем, чья жизнь наполнена действительно нужным для страны трудом, – к рабочим и крестьянам, и ближе к природе.

Приобретенный недалеко от города небольшой хутор решил вопрос в пользу сельского хозяйства. Избрание Е.В. Тимонова Одесской городской думой в мировые судьи с поручением ему загородного участка земли придало этому решению устойчивость на долгие годы.

Семья стала жить подолгу на хуторе. Никогда не жившая раньше в деревне, Людмила Даниловна начала с малого. Огород, преимущественно картофельный, небольшие посевы зерна, коровы. Постоянных рабочих было не много. Летом их число увеличивалось за счет сезонных рабочих. Людмила Даниловна работала с ними вместе, особенно в пору сбора овощей и картофеля. Заготовленные в течение дня корзины ставились на повозки и ночью, к двум часам, отвозились в город для продажи. На передней в роли кучера была сама хозяйка. К утру она возвращалась домой. Ранний завтрак, короткий отдых – и снова работа.

В это же время обнаружились ее первые технические склонности. Она исследовала залежи известкового камня на хуторе и организовала его добычу и продажу, а также начала строительство небольших очень дешевых квартир для бедного населения города. Людмила Даниловна сама придумывала планы зданий и отдельных квартир, стремясь дать возможный максимум удобств. У нее был требующийся по закону ответственный технический надзор, но она сама покупала материалы, нанимала рабочих, определяла темп работы, вела все расходы без подрядчиков и десятников. Она неутомимо ходила по подмостям и стремянкам, поднималась на самые высокие части зданий, отправлялась за лесными материалами на биржи Днестра за десятки верст на деревянных подводах, осматривала камень в каменоломнях, отыскивала особый «звонкий» кирпич для печей, возможно хорошую известь и войлок для обертывания балок и дымоходов. Знакомилась

с разными специалистами и устанавливала с ними дружеские отношения. Рабочие ее любили, и некоторые оставались у нее на службе много лет.

Она училась строительному делу у всех. Архитектор, техник, мастер, продавец материалов – все охотно делились с приветливой Людмилой Даниловной своими знаниями, а она их продумывала, взвешивала, обобщала и проверяла на опыте. В деловых отношениях она отличалась большой проницательностью, знала все законы, относящиеся к договорам, ее нельзя было обмануть и провести, умела отстаивать свои права.

Людмила Даниловна, временно увлекаясь городским строительством, не забывала о сельском хозяйстве. Часть земли она засевала сама, другую отдавала крестьянам на кооперативных началах, а не за деньги. Она снабжала крестьян хорошими семенами, иногда инвентарем. Крестьяне отдавали ей небольшую часть урожая в снопах. Такой способ кооперации она считала справедливым. При урожае она кое-что получала, при неурожае – крестьяне не терпели никаких убытков от земельной ренты. Собранное зерно Людмила Даниловна обыкновенно не продавала, а хранила в значительной части до следующего года на случай, если он будет неурожайным, и у «людей» ничего не останется. «Где же они возьмут? Кто им даст на семена и на прокорм?» – говорила она и широко раздавала свои запасы в годы нужды, далеко не всегда получая их обратно.

Отдавая дань своему увлечению техникой, Людмила Даниловна приобретала жнейки, косилки, молотилки, круподерки, сепараторы, маслобойки и другие машины. Когда прибывала выписанная или купленная машина и с ней механик, начиналась сборка и опытные испытания при ее непосредственном участии. Каждую из своих машин досконально изучала и каждой умела управлять. Она стремилась к производительному общеполезному труду. Меркантильные соображения были ей чужды. Доходы давали возможность довольно широко удовлетворять ее врожденную потребность – помогать нуждающимся. Она помогала тем, кто был возле нее, чьи нужды она знала, вникая в каждый случай так, что помощь оказывалась эффективной. Одним нужна была одежда, другим деньги, квартира, хлеб, медицинская помощь, совет. Людмила Даниловна давала каждому, что было возможно, и притом

с той естественной простотой и добросердечием, которые снимали с оказанной помощи всякий отягчающий характер.

Для активного духа Людмилы Даниловны всего этого было мало. Живя в городе, на хуторе, в деревне, отдавая сну несколько коротких часов в сутки, она с величайшей любовью занималась во всякую свободную минуту чтением, и притом книг серьезного содержания.

Когда в Одессе в 70-х годах XIX века при университете открылись первые свободные женские курсы, она записалась на них и ездила на вечерние лекции. Ее восхищало все слышанное, особенно из уст таких ученых, как Сеченов, Мечников и других. Возвращаясь домой, торопилась рассказать мужу и детям услышанное.

Людмила Даниловна очень ценила выставки, где на сравнительно небольшом пространстве можно было в короткий срок увидеть много интересных предметов и приобрести ряд новых сведений. Особенно влекли ее выставки сельскохозяйственные и технические или соответствующие отделы на общих выставках. На всемирных и международных выставках в Вене, Париже, Антверпене и в других городах Людмила Даниловна, ездившая на них специально или попадавшая попутно, проводила многие дни, всем живо интересуясь, спрашивая объяснений, делая заметки о виденном и великолепно запоминая особенности новой жатвенной машины или иного приспособления, могущего, по ее мнению, в нашей стране найти себе удачное применение.

Когда ее сын, получив инженерное образование, стал участвовать в технических конгрессах за границей, Людмила Даниловна неоднократно сопровождала его, ездила на экскурсии, с величайшим вниманием рассматривала различные сооружения, фабрики, заводы. Она искренне радовалась достижениям инженерного дела для пользы человечества. Каждая такая поездка оставляла яркий след в ее воспоминаниях.

Стремление Людмилы Даниловны к общеполезному личному труду, ее убеждение в великом значении техники имели известное влияние на воспитание и образование детей. Сначала она учила их всему сама. Это учение началось так рано и при помощи таких методов, что дети не помнили этого начала, не помнили себя не умеющими читать и писать. Потом Людмила Даниловна

временно отдала детей в только что открывшуюся в Одессе школу с передовым фребелевским методом преподавания. Позднее появились домашние учителя.

Было решено обучать сына в реальном училище. Это тогда была совсем новая, неизвестная школа, но она вела к техническому высшему учебному заведению и к творческому продуктивному труду. По мысли отца, подготовительную работу следовало начать за границей, чтобы овладеть иностранными языками. Людмила Даниловна переехала с сыном и дочерью в Вену, оставив свои хозяйственные дела, и прожила там около года. Она, пользуясь содействием своей бывшей учительницы и друга Дюрр, знакомилась с местной жизнью, посещала музеи и другие культурно-просветительные учреждения, не говоря уже о тщательном изучении Всемирной выставки (1873 г.).

Когда сын для продолжения образования должен был уехать в Париж, мать, не колеблясь ни минуты, заявила, что она едет с ним и берет с собой дочь. На этот раз она прожила за границей около трех лет, создав для своего сына домашний уют и чрезвычайно облегчив для него трудный период учения в чужом городе в напряженных условиях французской постановки технического образования.

Особые трудности представляла борьба с холодом в тогдашних парижских квартирах. Пытаясь решить эту проблему, она познакомилась с инженером Э.К. Шуберским, который в это время жил в Париже и только что изобрел свою ставшую впоследствии знаменитой печь с непрерывным горением. Печь Шуберского, наподобие доменной, нагружалась сверху и, раз зажженная, могла гореть долго. Подвижная, на колесах, она легко перемещалась из комнаты в комнату. Топлива расходовала очень мало. Людмила Даниловна была в восторге от этого открытия. У нее было две печи Шуберского. Они работали в Париже несколько зим, а затем были перевезены в Одессу и долго еще служили.

Живя в Париже, Любовь Даниловна могла в значительной мере удовлетворять свою техническую любознательность. Самым любимым стал Музей консерватории искусств и ремесел с его собранием разнообразных машин, представляющих последовательный ход завоеваний человечества в области замены мускульного труда механическим.

В то же время она оставалась верна себе и в других отношениях. В частности, она очень быстро отыскала среди русской колонии ряд нуждающихся и стала помогать им с той же простотой и сердечностью, с какими она это делала в Одессе и деревне.

Живя зимой с детьми в Париже, она на летние месяцы возвращалась к своим хозяйственным делам в Одессе и на хуторе, быстро погружаясь во все местные заботы окружающих. В деревне она была вынуждена оказывать медицинскую помощь крестьянам. Ближайшие врачи были за десятки верст. Участки были огромны, врачей было мало, они были перегружены.

Лечение у Людмилы Даниловны было иным. Здесь, прежде всего, страдающего встречало самое теплое сочувствие. Она знала всех крестьян своей деревни и многих соседних, знала их жен, детей. Приходивший за помощью к ней был не чужой, а близкий человек. Она расспрашивала о подробностях болезни, выясняла симптомы, вспоминала аналогичные случаи, обращалась к лечебнику, бывшему у нее всегда под рукой, и в конце концов доставала из своей аптечки порошок или капли, которые, по мнению больных, удивительно помогали. В серьезных случаях она умела убедить своих пациентов обратиться к врачу, писала ему записки, настаивала на помощи, а еще чаще сама везла больных в лечебницу, больницу, а иногда и прямо к себе на городскую квартиру, где они лечились, питались и получали медицинскую помощь от лучших врачей.

Она мечтала в своей деревне устроить постоянный медицинский пункт и больницу. Для больницы она предназначила собственный большой дом, сама переселившись в небольшую дворовую постройку. Осуществить свое намерение относительно больницы ей не удалось вследствие сложных, часто формальных условий тогдашнего управления. Однако идея не пропала даром, и после 1917 года приготовленный ею для постоянного больничного пункта дом действительно получил это назначение.

Людмила Даниловна стремилась создать у себя в деревне школу с земледельческим уклоном, о чем она тоже долго и настойчиво хлопотала. Для школы она подарила земству обширный участок земли и вела долгую переписку с разными властями, от которых зависело дело. Но постоянно встречала те или иные

препятствия, вызывавшие ее большое недоумение. Она ездила объясняться, получала обещания. Школа так и не была устроена.

В отношении медицинской помощи Людмила Даниловна нашла упрощенный выход из положения. Она пригласила женщину-врача к себе на службу, с тем чтобы этот врач принимал в определенные назначенные для всех приходящих больных дни и выдавал им лекарства. Для амбулатории она наняла в деревне дом, перестроила его по своему плану, создала все необходимые части хорошего врачебного пункта и правильно его оборудовала. Было приобретено большое количество медикаментов. Людмила Даниловна участвовала в работе лично как помощница врача. Дело пошло прекрасно. На приемный пункт приходили и приезжали со всей округи.

Когда ее дети выросли и уехали в другие города, она стала все более и более отдавать времени жизни в деревне.

После смерти мужа в 1908 году почти совсем переселилась туда, наезжая в Одессу только изредка. В городе она чувствовала себя плохо, возвращал силы простор деревенских полей.

В зимние вечера к Людмиле Даниловне приходили деревенские девушки. Они приносили с собой работу и под звуки приобретенного для них граммофона пряли, ткали, шили, делали ковры. Последнему искусству научила их Людмила Даниловна. Многим она помогала и в грамоте. Своим посетителям она читала вслух избранные сочинения. Слушать чтение приходили и мужчины. Приходили они и для других целей, главным образом – побеседовать на наболевшие темы.

С наступлением мировой войны темы бесед с крестьянами изменились. Они нуждались в это время в моральной помощи. Людмила Даниловна чувствовала, что она им больше нужна, чем раньше. Каждый день к ней приходили поговорить о совершавшихся ужасных, но мало понятных событиях. Людмила Даниловна усаживала своих посетителей, пила с ними чай, сообщала о прочитанном в газетах и разъясняла его смысл. Ее дар слова очень помогал в этом. Крестьяне очень ценили эти беседы, и комната ее наполнялась ежедневно до отказа.

Жизнь в деревне во время войны и после нее была очень тяжела для Людмилы Даниловны. Ее очень мучило разрушение народного хозяйства, обеднение крестьян, потери многими се-

мьями своих близких. К этому присоединилось еще насилие проходивших через деревни этого района организованных и неорганизованных отрядов войск, в том числе и иностранных. Она переносила все это очень стойко и не оставляла деревни.

Выдающейся чертой характера Людмилы Даниловны было бесстрашие. Она не боялась ни животных, ни людей, всегда умела сохранять полное присутствие духа. Несмотря на маленький рост и хрупкое сложение, она своей спокойной смелостью импонировала окружающим.

Фронты Гражданской войны и интервенции нарушили сообщение, она не имела известий от детей и не могла дать знать о себе. Это были годы страданий. Ей было далеко за семьдесят лет. Никаких источников доходов не осталось. Никакого заработка не могло быть. Здоровье слабело. Жила она в маленькой комнате, предоставленной ей во флигеле построенной ею больницы. Прислуги у нее не было. Ей не удалось бы прожить это время, если бы не нашлось среди ее многочисленных должников в деревне людей, которым доброе чувство подсказывало, что надо спешить возвратить хотя бы небольшую часть зерна или других продуктов.

Порой и такая тяжелая жизнь осложнялась требованиями власти. Людмила Даниловна в числе некоторых других бывших землевладельцев была арестована и доставлена в Тирасполь, откуда ее отпустили только через несколько дней, когда узнали отношение к ней населения.

Людмила Даниловна вернулась снова в деревню. Фронтов больше не было, установилась связь с сыном. Явилась возможность встречи, она осуществилась. На все просьбы переехать в город она отвечала отказом и оставалась жить в деревне – в несколько лучших условиях, чем раньше, но все же очень трудных для старой и больной женщины.

Однако летом 1922 г. она, руководимая внутренним побуждением, оставила деревню и переехала к своей дочери в Одессу. Здесь она прожила только три недели и 18 июня неожиданно скончалась на руках дочери. Ее похоронили на старом одесском кладбище возле ее деда, отца, матери и мужа.

Цель заметок сына Людмилы Даниловны Всеволода Евгеньевича – не изложить биографию, а отметить некоторые особенности

ее характера, давшие повод к учреждению в Одесской публичной библиотеке технического отдела ее имени. Эти черты – стремление к производительному труду на основе реальных дел для блага окружающих. Создание в ОГПБ такого центра, который может помочь ищущим научно-технических знаний, будет в некоторой мере, по мнению Всеволода Евгеньевича, поддерживать и продолжать работу Людмилы Даниловны.

Связь между ОГПБ и семейством Тимоновых установилась давно благодаря несению Евгением Васильевичем Тимоновым в бытность гласным Городской думы, обязанностей попечителя библиотеки.

Отдел был учрежден при жизни Людмилы Даниловны, но без ее ведома. Известие об этом она приняла с той душевной простотой, которая ее характеризировала во всех случаях жизни. Ей было радостно, что осуществилось нечто полезное – и в настоящем, и в будущем. Когда в Одессе был учрежден политехнический институт, и выявилась острая нужда в технической литературе, отдел имени Л.Д. Тимоновой в ОПБ оказал помощь и преподавателям, и студентам.

Позже отдел был присоединен к общему техническому фонду, и продолжает по-прежнему служить читателям.

Примечания

[1] Отчет Одесской городской публичной библиотеки за 1904 год. – Одесса, 1904, с. 11-12.

[2] Рапопорт М.В. Книжные фонды Одесской государственной научной библиотеки // Одесская государственная научная библиотека им. А.М. Горького: исторический очерк. – Одесса, 1941, с. 160.

[3] Наука в России: справочник. Научные работники Петрограда. – М., Пг., 1923, с. 121.

[4] Вугман И.С. 95 лет жизни и деятельности ОГПБ (1830-1929). – Л., 1926, с. 10.

[5] ОННБ, ф. 56, д. 18 (Тимонова Людмила Даниловна (1844-1922): биография). – [Б. м.], 1928. – 18 л.

Нам сообщили, что автор статьи Татьяна Гоголина скончалась. Приносим соболезнования ее семье и коллегам – сотрудникам библиотеки.

Галина Педаховская

На берегу прошлого

Назад, назад… В глубины памяти. Ей… всегда хотелось уловить то первое воспоминание, первое дуновение сознательно воспринятой жизни, когда безграничное предшествующее ничто сменилось коротким мигом, отмеренным ей, что, собственно, и есть жизнь. Зачем ей это? Чтобы четко ощутить себя крошечным звеном той возникающей из темноты и исчезающей в темноте цепи, называемой человечеством? Или гордое стремление вопреки своей малости почувствовать свое «я», а все огромное остальное вместить в себя, сказать то вечное: «Оно существует только потому, что его вижу, осязаю»?

Мысль отбрасывала одну картину за другой: раньше, что-то было еще раньше… нечто тягостное. Вот оно: темный округлобесформенный образ – бабушка, мать отца. Память хранит ощущение если не зла, то, во всяком случае, недоброты, нелюбви. Много лет позднее она узнала, что бабушка плохо отнеслась к ее рождению, считала ненужным поздним ребенком. Был ли это перенос позднего знания в прошлое? И тут же, рядом, яркое, четкое: бабушка пьет чай из большой чашки с ярко-синей каемкой и золотыми колосками по ней. Родители недоверчиво удивлялись: «Ты не можешь помнить. Бабушка умерла, когда тебе было два с половиной года. Хотя в самом деле, это была ее чашка…».

Следующее воспоминание летнее, теплое. На даче… В прозрачной полутени акаций стоит оцинкованная ванночка, в которой ее обычно купают. Ванночка наполнена нагревшейся на солнце водой, ее бортики слегка обжигают, когда к ним прикоснешься. Она плещется в этой воде, в которой плавают упавшие с дерева листочки, какие-то мошки, по неосторожности залетевшие в воду. Это заменяет

сегодня по какой-то причине несостоявшееся купание в море. Она взбаламучивает руками воду, листики и букашки кружатся в незамысловатом хороводе. Ей весело. Она не одна. Понимание того, что эти хорошенькие яркие создания погибли, еще не пришло.

А потом был день, когда на нее обрушилась необозримость мира. Дача стояла на самом краю высокого обрыва, круто спускавшегося к морю. По обрыву, причудливо изгибаясь, вилась выкрашенная ярко-голубой краской легкая деревянная лестница, ее отдельные марши скреплялись между собой под самыми невероятными углами. Мать ставит ее на невысокую каменную ограду, идущую по краю обрыва, и она с высоты впервые видит огромность моря, теряющуюся вдали, на нее обрушивается ослепительная яркость красок – пронзительная синева моря, глубокая голубизна неба, белизна облаков и поток солнечного света. Она чувствует всем своим маленьким тельцем тугой напор ветра, наполняющий гулом воздух, слышит шум прибоя. Она дышит приоткрытым ртом, слегка задыхаясь от волнения, напряжения: всего слишком много – света, звука, пространства.

– Позови Игоря, – говорит мать. – Громко позови.

Это о брате; она видит внизу между камнями у самой воды его маленькую фигурку. Он ловит рыбу – бычков. Сейчас, летом, это занятие поглотило его целиком. Напрягая все свои силы, она кричит:

– Иги…и! – так она называет брата. Но шум ветра и прибоя не пропускает ее слабый голос, он остается здесь, никуда не отлетая. Она в отчаянии готова плакать – брат не слышит.

Мать смеется:

– Не плачь! Мы сейчас спустимся вниз.

Дни были томительно длинными, светлыми, для Натки они не кончались. Она засыпала, устав от игр, прогулок с няней Таней, сказок, еще засветло. Утро снова начиналось светом, солнцем, и Ната думала, что летом ночей не бывает.

* * *

Мир врывался в сознание отдельными событиями, выпадающими из обычной жизни. Вот опять, опять пришло это настойчивое желание уловить то мгновение, когда жизнь в ней и жизнь

вокруг нее слились в единый поток, хотя, может быть, поначалу в ручеек, чтобы потом превратиться в реку впечатлений, образов, всего того, что и есть осознание. Но пока лишь возникали осколки воспоминаний, окрашенные в цвета ощущений.

Вот малиновый, нет, красный. Она снова на даче, на террасе с матерью и братом. Он, как всегда, когда не занят рыбной ловлей, читает, не поднимая на них глаз, и, наверное, их и не слышит. Он умеет увлекаться и уходить в себя и в воображаемый мир. Ната не понимает, где он, но четко чувствует, что в эту минуту он не с ними, и это ее тревожит, и даже раздражает.

Мать держит в руке какой-то красный странных очертаний кусочек картона и говорит ей:

– Ну, присмотрись – куда он подходит?

Они раскладывают на столе детскую мозаику. Перед ними образец – картинка, изображающая встречу Красной Шапочки с Волком. Она стремительно, радостно протягивает руку: ей ясно – это часть красного капора, что украшает голову нарисованной девочки. Она не успевает завершить движение, как из глубины дома до них донесся крик – он приближался, кричал отец, слов она не могла разобрать. Мать схватила ее и отбежала в дальний угол веранды, подальше от двери, ведущей в комнаты, прижала к себе, прикрывая руками. Брат оказался в противоположном углу веранды, он уже сидел на балюстраде, готовый спрыгнуть в сад. Из двери выбежал отец, в его руках пылал огненный шар.

– Бросай, Андрюша, бросай быстрее! – отчаянно закричала мать, больно сжав Наткины плечи. Голос матери был чужой, он испугал ее больше, чем огонь в руках отца. А он, не сбегая по ступенькам террасы, с силой отбросил то, что пылало у него в руках. Оно упало в середину куста жасмина, что рос у террасы, и в ту же секунду с грохотом разорвалось. В воздух полетели ветки, листья, а на аллейку упали горящие тряпки и бесформенные куски чего-то еще. Огонь на солнце был почти не виден, только куст стал съеживаться, терять знакомые очертания. Ната смотрела на куст, который становился совсем другим, – а ведь он был здесь всегда, и всегда был таким, как минуту тому назад.

Мать отпустила ее, и она села на пол, ее маленькие ноги почему-то ослабели. Мать, как бы не видя ее, переступила через

нее и подбежала к отцу. Она обхватила его за плечи, трясла его, билась головой о его грудь и все повторяла:

– Андрюша!.. Как ты мог, как ты мог! Ты ожегся, да? Нет? Как ты мог?

– Успокойся… Не плачь. Все прошло.

– Ты мог погибнуть, еще секунда, Андрюша, и тебя бы не было…

– Не знаю… Я не успел подумать. Боялся, что дом сгорит, что вы испугаетесь. А в общем, наверное, не очень понимал, что делаю.

Брат молча вынес из кухни ведро, наполнил его водой из крана в саду и вылил его на горящий куст, потом еще и еще. Огонь погас, и почерневший куст пугал Натку не столько своим уродством, сколько исчезнувшей красотой. Она сидела на полу и беззвучно плакала, ей казалось, что все о ней забыли, вероятно, это было первое предчувствие одиночества среди людей. А к заборчику, вернее, к колючим кустикам барбариса, которые условно выполняли его роль, уже подбегали взволнованные соседи.

– Ничего, ничего, – ответил отец, – все в порядке, у нас просто взорвался примус.

Мать, как будто очнувшись, подбежала к Натке, взяла ее на руки и молча поцеловала. Натка почувствовала знакомое тепло, прижалась, и волнения отступили, но в маленькой душе осталась память о первом страхе – она сидела на полу веранды одна, совсем одна…

* * *

Воспоминание цветов тьмы и света… Снова дача, лето, вероятно, следующее. Однообразие зимы не запомнилось. Кустики лилий и пионов уже не кажутся Натке такими высокими. Теперь она не теряется в них, а даже немного возвышается и может сверху долго разглядывать то, что находится в глубине белых и оранжевых чашечек лилий, – мохнатые от желтой пыльцы тычинки, букашек, залетевших в цветок, и тоже желтых от налипшей на них пыльцы. Томительный сладостный запах лилий плывет над аллейкой, которая ведет от калитки к дому, – они растут ровными рядами по обеим ее сторонам.

– Не стой долго возле лилий, Ната, – кричит няня Таня, – голова будет болеть.

Натка не возражает, но и не верит ей: болит коленка или рука, когда ударишься, но разве может болеть голова от запаха цветов? Но все-таки голова слегка кружится, и запах лилий уже не кажется таким приятным, и Натка убегает в другой конец сада – подальше от цветов, которых она чуть-чуть боится.

Сад был целым миром, в котором можно было спрятаться от взрослых, заблудиться, найтись, пережить приключения. Во всех направлениях его прорезали канавки, по которым текла вода. Дачники открыли для себя способ поливки садов, известный уже тысячи лет азиатскому миру, но в новом варианте: шланг насаживался на кран и опускался в ближайшую прорытую канавку. Ее разветвления подходили к каждому дереву, к каждой клумбе. Натке нравилось смотреть, как течет вода, а вместе с ней плывет листочек. И можно проследить, как он движется, где приостанавливается, а где его закручивают маленькие водовороты. Земляные стенки канавки размывались и осыпались в воду, задерживая ее движение. Тогда Натка брала свою лопатку и расчищала русло ручейка. Ей было приятно думать, что она, такая маленькая в сравнении с огромным раскидистым ореховым деревом или старыми с корявой корой абрикосовыми, помогает им, дает возможность напиться вдоволь в знойный августовский день.

Ореховое дерево росло в дальнем углу сада. Оно было огромным – раскидистым и высоким, самым высоким в округе, его видно было издалека. Своей величиной оно поражало Наткино воображение, она часто входила в его тень, трогала руками гладкий серый ствол, за которым могла спрятаться не только Натка, но и взрослый человек. Она слышала как-то разговор родителей, рассуждающих о том, сколько лет может быть этому дереву, которое, как они предполагали, старше домов, его окружающих, и всех остальных деревьев в их дачном поселке.

Орех целиком принадлежал Игорю и его товарищам, сбегавшимся со всего поселка к ним в сад. Они взбирались по растущим в правильном порядке ветвям ореха на самый его верх, где ветки уже истончились и опасно раскачивались под их тяжестью. Иногда старый орех превращался в пиратский корабль, и до Натки сверху

доносились крики: «Поднять паруса! Спустить паруса! На абордаж! Красавицу – в каюту капитана!». Последнее распоряжение казалось Натке загадочным. В другой раз орех был воздушным шаром, на котором мальчишки летели в Центральную Африку.

Натка слонялась под деревом и канючила – просила взять ее наверх. Мальчишки смеялись: «Девчонок не берем. Подрасти, малявка, тогда посмотрим». Иногда, смилостивившись, Игорь подсаживал ее на толстенную нижнюю ветку, и она в каком-то метре над землей, обхватив ее ногами, тоже чувствовала себя путешественницей, готовой к встрече с чем-то опасным и интересным. Но вскоре, не включенная в мальчишескую игру, она начинала скучать и просила спустить ее на землю. Мальчишки вредничали, кричали: «Сиди, сиди, сама же просила!». Но потом кто-нибудь, сжалившись, спускался и, протягивая к ней руки, говорил: «Прыгай!» – и Натка с замирающим сердцем, закрыв глаза, падала в протянутые руки с ощущением, что и она пережила приключение.

* * *

Иногда тихое течение так любимой Наткой дачной жизни нарушалось – наступали дни, которые вызывали у нее раздражение и обиду, они назывались непонятным ей словом «выходные». Папа и мама в эти дни не уходили на работу, оставались дома, но их внимание не принадлежало целиком, как хотелось бы, ей. Натка не любила эти дни, она распознавала их еще утром, едва открывала глаза. Обычную тишину дома сменяли быстрые шаги, лязг доставаемой из шкафов посуды и гулкий грохот хлопающих дверей, доносящийся голос матери:

– Игорь, расставь под деревьями в тени шезлонги и раскладушки. Таня, возьми на столе список и купи все, что я написала.

Однажды в такой день Натка, шлепая босыми ногами по прохладным половицам, вышла из комнаты, где она жила вместе с Таней, и недовольно ворчала:

– Опять этот входной день…

Андрей потрепал ее по спутанным кудрявым волосам и поправил:

– Выходной, сегодня воскресенье, выходной день, когда все отдыхают, не работают.

– Нет, – упрямо повторила Натка, – входной – все приходят, приходят, и никто не уходит.

С тех пор и пошло: воскресенье на даче называлось «входной день». А входить было кому. У Андрея после смерти родителей никаких родственников не было. По оставшимся документам Андрей знал, что его отец был родом из города Ямполя, что где-то в Винницкой области, что дед его был церковным причетником, а отец его почему-то – причина никогда не упоминалась – совсем молодым, почти ребенком, ушел пешком в Одессу и никогда с родственниками никаких отношений не поддерживал. Андрей полностью растворился в Нининой семье, дружил с ее тремя братьями, был добр и гостеприимен – шумные многолюдные встречи по воскресеньям на даче доставляли ему удовольствие. Дружить по службе, для пользы дела он не умел и не любил. Нина была младшей, братья относились к ней с нежностью и любили Андрея за его любовь к Нине, детям, за то, что Нина была с ним счастлива.

Вот они-то со своими женами и детьми и были гостями во «входные дни» на даче. Постепенно сложился ритуал этих встреч. С треском распахивалась калитка, и на аллейке появлялась молодая поросль – двоюродные Игоря и Натки, которые, обогнав старших, первыми входили, или, точнее, врывались в сад. Впереди всегда была шестнадцатилетняя Тамарка, дочка дяди Ильи и тети Веры, высокая, костлявая, с размашистыми движениями, в развевающейся юбке, готовая в любой момент на решительные и опрометчивые поступки. В большой семье проходила под кличкой Шкода. За ней неторопливо двигались Машка и Мишка – дети дяди Кости и тети Паши. Чуть полноватые, негромкие в сравнении с Тамаркой. Маша и Тамара были ровесницами, даже Маша на несколько месяцев старше, но верховодила всегда Тамара. Она и сейчас торопливо здоровалась:

– Привет, тетя Нина! Привет, дядя Андрюша! – и по своей привычке командовать уже кричала: – Игорешка, ты готов? Двинули скорее на берег, сейчас самое-самое время, а то дальше будет жарко – сгорим сразу, – на всякий случай, чтобы не увязалась, говорила Натке: – А тебе с нами нельзя, еще мала.

Натка знала, что ее без взрослых не отпустят к морю, но все равно было обидно, и она, надув губы, отошла в сторону. Игорь

не выдержал Тамаркиного напора, и они вчетвером скатились с обрыва к морю.

А в саду появились уже остальные – Нинины братья с женами. Впереди шел старший – Александр. У него с тетей Надей детей не было; он обожал племянников, баловал, дарил подарки – и всегда желанные, радующие. И сейчас он привез Натке большой мяч в красивой плетеной сетке – красную половину мяча от синей половины отделяла узкая белая полоска.

Кошелки с провизией относились в кухню, из них извлекались «фирменные» блюда теток. Кто-то тут же шел на пляж, другие рассаживались в шезлонгах в тени, и начиналось то, что Натка более всего не любила: ее, самую младшую, передавали из рук в руки, рассматривали, восхищенно уверяли друг друга, что она за прошедшие неделю-другую заметно выросла, обязательно спрашивали, какой новый стишок она выучила, тормошили, тискали и целовали. Натка быстро уставала от такого избытка любви и внимания; у нее было одно желание: если уж нельзя побыть с мамой, которая занята всеми этими людьми, то хотя бы остаться с няней Таней, что в конце концов и происходило.

Обедали долго, со вкусом на террасе, в тени, неторопливо перебирали семейные новости: здоровье бабушки Эмилии, намечающуюся поездку Ильи с Верой в Евпаторию к родственникам и главную – поступление Маши в школу медицинских сестер. Нина поздравила племянницу.

– Я хочу быть, как вы и дядя Илья, – врачом, только позже, если я пойму, что медицина – это мое, – неожиданно для Нины серьезно объяснила Маша.

«Дети вырастают, – подумала Нина и взглянула на Игоря, – уже пятнадцать, догуливает последние годы детства».

Молодняк расположился на одеялах под орехом. Споря, хохоча, играли в «тише едешь – дальше будешь». Пока женщины убирали со стола, мужчины – Нинины братья и Андрей – ушли в дальний угол сада. Все, кроме Андрея, закурили и внимательно посмотрели друг на друга. Были они людьми, сумевшими состояться: Александр работал главным инженером Южного консервного треста, отвечал за оборудование множества заводов и комбинатов, снабжавших различными консервами огромные территории и армей-

ские склады. Константин был главным бухгалтером большого швейного комбината. Илья же был хирургом. Будучи всего лишь на два года старше Нины, он в медицинском институте учился одновременно с ней. В хирургической клинике родного медицинского института он сейчас и работал. Они все ценили свое непросто достигнутое положение, им было что терять. Помолчали минуту, и Александр подытожил – собственно, для этого они сегодня и собрались:

– Ну что ж, прошла неделя… Благополучно прошла. Мы все живы, мы вместе и… вместе со своими… – глянул он в сторону женщин и детей.

Догорал летний день, и с ним догорало лето 1940 года.

* * *

Сегодня, копаясь в канавке и понемногу забрызгивая себя грязью, она заметила как-то вскользь, что в саду стало почти темно, хотя до вечера было еще далеко. Порыв ветра подхватил ее сарафанчик и забросил подол его почти на плечи. Она оглянулась: верхушки деревьев беспорядочно качались под напором ветра, шумели, потрескивали, как будто им было больно. Хотя Натке уже объяснили, что ветер возникает от движения воздуха из одних мест на земле в другие – из теплых в холодные или наоборот, этого она до конца не поняла, она все-таки в уголке своей души была уверена, что ветер рождается совсем не так, а когда деревья, чем-то недовольные, начинают размахивать ветвями, как люди руками в минуту спора или увлеченной беседы, и они-то и вызывают ветер. Всюду на дорожках вырастали фонтанчики пыли, они вбирали в себя мелкие камешки, которыми были посыпаны дорожки. Подхваченные ветром камешки больно секли Наткины ноги, а глаза слезились от горячей пыли, окутавшей все вокруг. На соседних дачах звали в дома детей, раздавались голоса:

– Скорее, скорее сними с веревки белье…

– Забери подушки и книгу из гамака…

Засуетились и у них в доме:

– Ната, Ната!.. – звала ее мать. – Игорь, закрой ставни!

Натка увидела, как брат перебегает от одного окна к другому, закрывая наружные ставни, а мать бежит вглубь сада, находит ее, подхватывает на руки и спешит к дому. Над ними пролетали сорванные ветром мелкие ветки, на крыше грохотало.

– Что это? – спросила Натка.

– Это ураган, – объяснила мать, вбегая в дом, – сильный, очень сильный ветер, а сейчас пойдет дождь… Успеет ли Андрюша вернуться? Я так волнуюсь…

– Успокойся, – сказал Игорь, – папа всегда приезжает в субботу трамваем без десяти четыре. Он, наверное, уже идет от остановки к нам.

– Если трамваи еще ходят…

И тут дом содрогнулся от грохота – потоки дождя обрушились на крышу, как будто много молотков враз застучали, и все невольно посмотрели вверх. Игорь подвел Натку к двери, выходящей на веранду, и поставил на табуретку. В верхнюю половину двери было вставлено стекло, и Натка увидела стену падающей воды, которая, достигнув земли, превращалась в бурлящую реку, текущую в сторону моря. Иногда порывы ветра подхватывали водяные струи, закручивали и бросали на стены дома, они стекали по стеклу, и Натке показалось, что сад и дом вместе с ними уже под водой и плывут в сторону обрыва над морем. Она не успела додумать эту мысль до конца и испугаться, как увидела, что отец, сгибаясь от ветра и прикрывая голову портфелем, с трудом открывает калитку.

– Папа идет!

Мать подбежала и вместе с Игорем, преодолевая давление ветра, приоткрыла дверь, отец потянул ее на себя и вскочил в коридор. С него стекала вода, под ногами сразу же образовалась лужа. Брюки, чесучовый пиджак, рубашка прилипли к телу.

– Ух, – сказал он, – не верится, что добрался. Думал, что останусь на ночь в трамвае. Настоящий августовский шторм. Ужинать, ужинать! – весело закричал он и побежал в спальню переодеваться.

Все так же содрогался дом, так же скрипели ставни под напором ветра, но Натке не было страшно: ведь все дома, и ничего плохого уже не случится. О, это восхитительное ощущение за-

щищенности, которое бывает только в раннем детстве! А потом, взрослея, все больше и больше чувствуешь свою беспомощность, затерянность в мире и одиночество.

Все быстро собрались за столом с видом веселых заговорщиков, объединенных общим секретом, и только девятнадцатилетняя няня Таня вдруг, следуя ходу своих мыслей, спросила:

– Нина Александровна, а помните, вы читали Нате книжку про девочку Элли… Ее домик унесло куда-то в другую страну… А наш?..

Натка встревожилась:

– Мы тоже можем так улететь?

– Ну, вы обе трусихи, – сказала мать. – Нет, нет, никуда мы не улетим. У Элли был деревянный легкий домик, такой, как будочка мороженщика на трамвайной остановке, а наш каменный и как будто даже не маленький… Не бойтесь.

И тут внезапно погас свет, мать в свою очередь переполошилась, голос ее стал испуганным:

– Ната, Игорь! Не двигайтесь, на столе чайник с кипятком, не заденьте случайно!

Через мгновение свет снова вспыхнул, необычно яркий, опять погас, и так несколько раз в такт порывам ветра. И каждая вспышка осталась в памяти Натки четким остановившимся кадром, сколком жизни, унесенным ураганом.

– Провод оборвало ветром, – сказал отец, – сейчас принесу свечи.

Натке не часто доводилось видеть зажженные свечи. Она любила смотреть на живой огонь, на медленно, очень медленно, но все же исчезающую свечу. Куда она исчезает? Объяснение, что ее съедает огонь, казалось ей слишком простым. Ей виделось нечто таинственное в самой природе огня. Сквозь щели в оконных рамах в комнату проникали легкие отголоски неистовства воздуха и воды, огоньки свечей метались, отбрасывая на лица скользящие тени, изменяя их настолько, что Натка временами пугалась – не чужие ли пришли сюда.

– Все, все, – сказала мать. – Таня, иди спать, не волнуйся. Все будет хорошо. Игорь, Ната! Идите сюда, на кровать. Хотите, я расскажу вам одну историю?

Лучшего невозможно было придумать. Они улеглись поперек кровати, по обе стороны от лежащей посредине матери. И она начала:

– В Англии жил писатель, которого звали Редьярд Киплинг. Он не только писал книги, но и путешествовал. Вернее, иначе: сначала он путешествовал, а потом писал книги.

– Я знаю, – нетерпеливо сказал Игорь, – он написал «Маугли».

– Да, и не только «Маугли», – продолжала мать, – жаркие далекие страны, джунгли, иные люди, иные звери – он восхищался ими. И вот в одной из его книг есть рассказ «Рикки-Тикки-Тави» – о маленьком храбром зверьке мангусте, которых спас от кобр Нага и Нагайны вот такую семью, как наша, – папа, мама и двое детишек.

У Игоря горели глаза, он был увлечен, что-то переспрашивал, уточнял и, как поняла Натка, представлял себе весь мамин рассказ в лицах. Натка же устала, и от нее ускользала суть повествования. Она размышляла, почему няня Таня всегда рассказывает или читает сказки о том, чего не бывает, – ковер-самолет, царевна-лягушка, а мамины рассказы похожи на настоящую, не сказочную жизнь, и оканчиваются они всегда неожиданно интересно, о чем не догадываешься до последней минуты. И тут Натка, вероятно, задремала, а когда проснулась, Игоря рядом уже не было. Она увидела, как мать медленно подошла сзади к креслу, в котором сидел отец, положила руки ему на плечи и спросила:

– Андрюша, помнишь…

Отец склонил голову к плечу, прижался щекой к ее руке, потом повернул голову и поцеловал ее руку.

– Конечно, помню. Не надо, только не будем об этом…

* * *

Нина укрыла Натку одеялом и вернулась к Андрею. Он подвинулся в кресле, освобождая для нее место. Нина уткнулась носом, губами в его шею и спросила:

– Скажи, что такое вольтеровские кресла? Читаю в книгах, а все недосуг узнать, какие они. Может, мы с тобой как раз в таком и сидим.

– Может, но меня очень устраивает, что мы вдвоем помещаемся в нем.

Андрей обнял ее плечи. На крыше снова загрохотало – то ли свалилась на нее обломившаяся ветка, то ли сорвало кусок кровли, но сегодня все равно ничем нельзя было помочь ни дому, ни саду, который крушили порывы ветра. Все завтра, завтра… Андрей и Нина молча сидели, перебирая в памяти события такой же августовской бурной ночи, что отшумела шесть лет тому назад. Говорить об этом было больно и страшно, а забыть – невозможно.

В тот день, вернее, уже вечер, Нина шла домой в часов шесть, хотя могла бы прийти на час раньше. Но она вышла из трамвая у вокзала и пошла пешком, зная, что путь до дома займет минут сорок. Всю дорогу она уговаривала себя отойти мысленно от того, что случилось сегодня в ее отделении. «Я иду домой, – говорила она самой себе. – Я уже четырнадцать лет работаю врачом, я перевидела тысячи больных – легких и тяжелых, симулянтов, истериков, умирающих. Я не должна приносить домой, где живут мой муж и мой сын, тяжесть своего бессилия, своего разочарования. Профессия – одно, а жизнь женщины – совсем иной мир. Может быть, справедливы были законы прошлого – удел женщины сидеть дома с мужем, детьми, хозяйством, вышиванием и черт знает еще чем, чего я не умею делать, а не работать, если ее к тому не вынуждают крайние обстоятельства. А если работает, то она уже и не совсем настоящая женщина. Но она-то занимается тем, о чем мечтала с ранней юности, нет, с детства.

* * *

Ей было десять лет, когда от сердечной недостаточности умирал ее отец. Ему было всего сорок четыре года, отечный, с синюшным цветом лица, дыхание – с присвистом, он понимал безнадежность своего положения и все просил шепотом прощения у матери за то, что оставляет ее одну с четырьмя детьми, за то, что состояния не успел нажить, хоть и очень старался.

Нина четко, как будто это было вчера, запомнила похороны отца. Как они, четверо детей – старшему Александру, названному в честь отца, было двадцать лет, а младшему из братьев – Илье – двенадцать, мать и ее сестра Стеша, которая жила в их семье,

крепко державшая за руку Нину, стояли у только что засыпанной могилы. Мама тихо шептала:

– Ну как мы оставим Сашу одного?

Александр вздохнул, наверное, только в эту минуту до конца осознав, что теперь вся тяжесть решений лежит на нем, старшем мужчине в семье. Он обнял мать за плечи и сказал:

– Мы придем к папе скоро, на девятый день, как полагается. А теперь домой… Посмотри, дети устали, еле стоят на ногах, – отделил он себя от них, детей.

Вечером Стеша подала чай, заставила мать подняться с постели, усадила всех за стол, пришел из своей комнаты – у него одного в их тесной квартирке была своя комнатушка – Александр. Он выждал какое-то мгновение:

– Так вот… – все подняли головы и посмотрели на Александра. – Я решил оставить университет, надо жить, пойду работать…

– Что ты говоришь? – мать очнулась от прострации, в которой находилась последние дни. Глаза ее загорелись. Казалось, в одну минуту она вновь обрела цель и смысл жизни.– Нет, ты будешь учиться. Не для того ты окончил гимназию с золотой медалью. Вспомни, как отец был счастлив, когда ты поступил в университет. И подумайте, дети, все подумайте… Мы, к сожалению, я не люблю этих слов, – она помолчала, и все ощутили, что гордость не позволяет ей произнести эти слова, хоть их и впустили в жизнь великие русские писатели, но она все же решилась, – бедные люди, и один путь для вас выкарабкаться из этой ямы, – она обвела рукой комнату, – из этих убогих трущоб, этой нищенской жизни – получить образование и должность. Ваш отец пустился в путь, надеясь на свои силы, но, как видите, средств у нас нет. А так как не был он на чиновной службе, нет у меня и у вас даже маленькой пенсии.

– Вот я и говорю – пойду хлопотать о должности в канцелярии Городской думы или куда-нибудь в другое место… В свою гимназию, попрошусь помощником преподавателя… Устроюсь как-то…

Тут неожиданно вмешалась в разговор Стеша:

– Нет, Сашенька, учись. Ты, как говорится, наша надежда… Но не сегодня, в будущем. Помнишь, как мы с Аней и отцом твоим были в гимназии на торжественном акте вручения аттестатов.

Какие были дамы – родительницы и патронессы! А какие были шляпы, платья! Мы были куда поскромнее, хотя и у нас были шляпы неплохие, сделанные своими руками! – с иронией добавила Стеша. – Да не об этом речь… Ты был первым в выпуске, самым лучшим, самым красивым… Мы с твоей мамой – еще не старухи. Правда, Аня? Что-нибудь да придумаем. Все вместе не пропадем…

* * *

Вот тогда-то в ней и поселилась эта мечта – спасать людей. Но как часто ты не можешь помочь, и никакие твои знания, добросовестность, чувство врачебного долга, чуткость – все в пустую: человека не спасешь. Грустно привыкаешь и к смерти. Но этот, которого не стало сегодня… Почему его обреченность была так сразу тягостна для нее? Его шепот, а по-другому он уже и не мог говорить, напомнил голос отца в последние дни его жизни. Еще молодой мужчина, тридцати восьми лет, с удивительной красоты бархатными карими глазами, с длинными пушистыми ресницами, которые отбрасывали в каком-то повороте головы тени на щеки цвета мела, поступил к ней в отделение с диагнозом «аневризма аорты». В его случае не нужны были обследования – мешок чудовищно расширенной аорты пульсировал на худощавой шее, не давая застегнуть воротник рубашки, не давая дышать, уже не давая жить. Малейшее напряжение вызывало отдышку, обмороки. Главный врач Александр Дмитриевич, осмотрев его, сказал:

– Удивительно, что он дожил почти до сорока лет. Он был обречен с младенчества, это врожденный порок, и он усугублялся с каждым днем. Что с вами, Нина Александровна, почему вы так переживаете? Я знаю, вы чуткий человек, но это далеко не первый и далеко не последний больной, которому мы не можем помочь.

– Да, я понимаю: в этом случае нам остается только пассивно ждать, когда он умрет, но давайте назначим ему хоть какие-нибудь медикаменты, чтобы у него была иллюзия, что его лечат. У него такое тонкое интеллигентное лицо… – добавила она.

– Э, дорогая Нина Александровна, да вы воспринимаете его на эмоциональном уровне, недопустимом для врача, – Александр Дмитриевич подошел к окну, посмотрел на больничный двор

и с вовсе не свойственной ему страстностью в голосе продолжал: – Уверен, что в будущем, не при моей жизни, но, возможно, при вашей, таких, как он, будут оперировать. Я даже представляю, как это нужно делать, но, мне кажется, должно быть создано много разных приборов, которые поддерживали бы жизнь в человеке, пока она к нему не вернется сама.

Дюссельдорф

Продолжение следует

Памяти Валентины Голубовской

Летит, летит по небу клин усталый…

Эта строка из песни «Журавли» – пронзительного реквиема, созданного композитором Яном Френкелем, поэтом Расулом Гамзатовым и переводчиком Наумом Гребневым, могла бы стать эпиграфом сборника воспоминаний и размышлений Валентины Степановны Голубовской о Великой Отечественной войне, которую она пережила в своем одесском детстве, о 10 апреля 1944 года, когда Валя с мамой встречала наших воинов-освободителей, как в 1945-м праздновали первый День Победы. О том, как эта война прошла через жизнь целого поколения наших соотечественников, какой она видится сегодня тем, кто ее пережил, и поколению, которое знает о том времени понаслышке…

Многие из этих воспоминаний и эссе вошли в ее книги, были опубликованы в различных изданиях, в том числе и в нашем альманахе, нашли горячий отклик в Интернете. Сегодня мы с вами перечитаем заново монолог, родившийся после того, как семья Голубовских вернулась с возложения цветов к памятнику Неизвестному матросу в один из Дней Победы.

Валя пишет, что ее внучке Соне было в то время 10 лет, следовательно – в 2009 году. Наверняка среди одесситов есть те, кто тогда тоже заметил в весеннем небе над Аллеей Славы, парком имени Шевченко, над морем журавлиный клин, но лишь она увидела за этим не только примету весны, но и глубокий и знаменательный смысл…

Мы, ее друзья – дети войны, встречались с Валентиной на Аллее Славы в памятные весенние дни – майский и апрельский. Вспоминали, когда и где узнали о Победе, об освобождении Одессы, поминали своих близких – победителей и мучеников. Пили горькое вино…

Десятого апреля нынешнего года Валентины Голубовской не было среди земляков, почтивших память героев на Аллее Славы.

Летит, летит по небу клин усталый,
Летит в тумане на исходе дня…
И в том строю есть промежуток малый…

Это был ее промежуток…

Валентина Голубовская была одарена многими талантами и знаниями. И еще – желанием и умением поделиться ими с другим таким образом, что каждый из нас ощущал, что ее слова и строки обращены именно к нему.

Валя оставила обширное и уникальное творческое наследство – размышления об изобразительном и литературном искусстве, об истории Одессы, о нравах и обычаях наших предков. Мы не раз обратимся к нему.

А сегодня – о журавлиной стае над Аллеей Славы.

Феликс Кохрихт

Валентина Голубовская

Журавлиный День Победы

Такого Дня Победы в Одессе за всю мою жизнь я не помню. Такого, наверное, и не было.

С утра в этот день мы обычно едем к могилам родителей, по которым война, как и по миллионам наших соотечественников, прошла своей чудовищной поступью, накрыла нестерпимыми страданиями, ни с чем не сравнимой бедой. Черное ее крыло накрыло и нас, кого теперь называют «дети войны».

Во второй половине дня, ближе к вечеру, мы поехали на Аллею Славы, когда уже отгремели военные оркестры, когда прошли официальные шествия начальников, возложивших свои венки к памятнику Неизвестному матросу.

Мы не успели выйти из машины, как Соня, наша десятилетняя внучка, закричала: «Посмотрите, сколько птиц!». Мы выскочили из машины и увидели летящую «эскадрилью». Четким строем, как на небесном параде, клин за клином летели журавли. Сколько их было?! Сотни, больше тысячи?! Мы не считали. Летевшие со стороны Аркадии, они пролетели над воинскими могилами, над памятником Неизвестному матросу, словно отдавая почести погибшим. Что это было? Знамение ли, исполненное глубокого смысла, силы ли небесные сошлись над этим воинским мемориалом, а может, действительно, души павших, тех, что «превратились в белых журавлей»? Мороз прошел по коже, глаза стали полны слез. Люди замерли, устремив взгляды к небесам, безмолвно провожая глазами улетавших в сторону порта небесных посланников.

А на Аллею Славы продолжали идти одесситы – старые, пожилые, молодые, с детьми, подростки. Кто с воинскими наградами, кто с палочками. И буквально все несли цветы, кто букет, кто веточку сирени. Вокруг памятника Неизвестному матросу вырос настоящий холм цветов, как холм памяти и славы. Цветами усыпаны были мемориальные плиты, цветами завалены были бордюры вокруг площади со взметнувшейся в небо стелой.

Не по «разнарядке», не по начальственному распоряжению, а по велению сердца, в память о дедах и прадедах, о родных и близких, о погибших на полях сражений, в морских поединках с врагом, в концлагерях, в гетто, в пороховых складах, на взорванном теплоходе «Ленин», на линии героической обороны Одессы, убитых во время бомбардировок нашего города, пропавших без вести во всех котлах и мясорубках страшной войны, подорвавшихся на минах, умерших от ран в госпиталях, когда война догоняла и после Победы, одесситы пришли на Аллею Славы с этими цветами. И, в отличие от оскорбительной ошибки президента, заявившего о 65-й годовщине (это в 2009-м году!), они уж точно знали, сколько лет прошло со дня Победы.

А может, журавли пролетели над нами, и их «размах крыла расправленный, полета вольное упорство» был вместо салюта, которого в День Победы не было?.. Не считать же салютом небольшой фейерверк в парке на проспекте Шевченко…

А за месяц до этого, в апреле, в День освобождения Одессы, я услышала по ТВ обрывок рассказа одного из участников войны, освобождавших Одессу. Сколько их вообще осталось, а тем более тех, кто может еще прийти на торжества и что-то вспомнить и рассказать…

Человек, вспоминавший 10 апреля 1944 года, сказал: «Когда нам уже дали увольнительную, мы первым делом побежали к морю. Но к морю подойти не смогли из-за колючей проволоки».

Я вдруг задумалась. Когда же я увидела впервые море? Точно, после войны. Во время войны на море я не ходила. Но, может, из-за моего малолетства меня не брали на море? Я спросила у своей старшей сестры: «Лена, а ты с Таей (моя вторая сестра) во время оккупации ходили на море? Колючую проволоку видели?».

– О чем ты говоришь?! Какое море?! Война же шла. Нас никуда не выпускали – кругом румынская солдатня, облавы… Какое там море…

Ну, думаю, девочек никуда не пускали, может, кто-то больше знает. Спросила у нашего давнего друга, ровесника моей сестры, мальчиком пережившего оккупацию, тем более что всю свою жизнь он живет рядом с морем.

– На море ходили во время войны? О какой колючей проволоке вспомнил ветеран в телевизионной передаче?

И вот что я услышала в ответ. Немцы вошли в Одессу 16 октября. И, очевидно, не в первые дни, попозже, боясь повторения Керченского десанта, по всему побережью выставили орудия и все затянули колючей проволокой. К морю подходить никто не решался.

А я представила наше море, упрятанное за колючей проволокой почти четыре года.

Военнопленное море…

Чем дальше война, тем горше и острее воспоминания о ней.

И у каждого свой, сокровенный День Победы. Пусть и не журавлиный.

Одесский календарь

124 Леонид Авербух
Жизнь, подобная легенде

Леонид Авербух

Жизнь, подобная легенде

На доме № 50 по Еврейской улице (угол Александровского проспекта), где до войны жил Валентин Соломонович Кофман, установлена мемориальная доска, но сейчас она закрыта в связи с реконструкцией.

Валентин Соломонович Кофман

Эпопея обороны Севастополя врезалась в мою память навсегда. Тем далеким летом 1942 года я, тогда 11-летний одесский пацан, в далеком Ташкенте вместе с матерью внимательно следил за сводками Совинформбюро, скупо освещавшими происходящие на фронте события. Нам стало известно, что Приморская армия, в рядах которой воевал мой отец, действовала именно на этом направлении. Однако 2 июля ситуация стала ясной до боли. Севастополь пал. Больше я никогда не увидел отца, не узнал обстоятельств его гибели. Есть такая аббревиатура – ПБВ – пропал без вести…

Письма от отца шли долго, и поэтому еще продолжали прибывать и после падения города. Все они сохранились в моем архиве, хотя миновало уже шесть десятков лет. Во многих из этих писем

отец сообщал о своих однополчанах, восхищался их мужеством. В одном из писем он писал: «Здесь Валя Кофман. Он буквально творит чудеса…». На мой вопрос, кто это, и какие чудеса он творит, мама ответила коротко: «Хирург».

Так я впервые узнал это имя. Впоследствии в разных ситуациях я слышал его многократно. Много позднее я познакомился с уже очень пожилым отцом этого человека, профессором-ортопедом С.В. Кофманом, а еще через несколько лет – с его сыном Л.В. Кофманом, моим коллегой, ныне покойным, с которым мы много лет работали вместе.

Валентин Соломонович Кофман родился в нашем городе 9 октября 1901 года. В одной из одесских гимназий он учился до 1915 года, а затем самовольно без копейки денег пробрался в г. Карс, в Турцию, где в это время на фронте первой мировой войны находился его отец, военный врач. Продолжил учебу в гимназии Валентин уже в Тифлисе, где отец руководил травматологическим госпиталем. Вскоре юноша ввязался в междоусобные грузино-армянские стычки, и отец, предупрежденный друзьями о нависшей над сыном смертельной опасности, увез его в Пятигорск, где семья прожила до 1919 г., когда после демобилизации отца Кофманы возвратились в Одессу, занятую большевиками.

Когда в ходе военных действий Гражданской войны Красная армия оставила Одессу, Валентин ушел с ее отрядами, а тайно пробравшись сюда на короткое время, был арестован добровольцами. Отцу, к тому времени влиятельному врачу, с трудом удалось его освободить. Когда в Одессу вернулась советская власть, неугомонный Валя Кофман вступил в коммунистическую партию и под фамилией Киреев уехал на фронт комиссаром. Несколько месяцев он провалялся в ростовском госпитале, переболев сыпным и возвратным тифом.

Вернувшись в Одессу в 1921 году, он поступил на медицинский факультет, одновременно работая комиссаром курорта Аркадия, а затем инспектором губернского Красного Креста.

В годы учебы в медицинском вузе Валентин Кофман обращал на себя внимание своей исключительной пытливостью и целеустремленностью, склонностью к научной деятельности, постоянной готовностью помочь однокурсникам. Жизнь молодого

врача складывалась так, что ему часто приходилось надевать военную форму. После получения в 1926 году врачебного диплома он два года служил врачом 9-го отдельного кавалерийского полка Красной армии.

После демобилизации становится аспирантом кафедры нормальной анатомии и в 1932 году успешно защищает кандидатскую диссертацию. Именно в эти годы он становится хирургом, параллельно работая сверхштатным ординатором в хирургическом и урологическом отделениях 2-й сов. больницы. Уже в 1937 г. он становится доцентом кафедры и в том же году защищает докторскую диссертацию, посвященную сравнительной анатомии нервной системы тазовых органов.

В период с 1933 по 1940 гг. он по совместительству работал ассистентом и доцентом в 1-й хирургической клинике мединститута, а также в анатомической лаборатории психоневрологического института, где и выполнил свою докторскую диссертацию. В эти же годы отец и сын Кофманы создают в Одессе уникальное учреждение – Дом увечного ребенка, где Валентин Соломонович возглавляет медицинскую часть на общественных началах. Он много оперирует, публикует десятки научных работ в отечественных и зарубежных изданиях.

Но его снова «зовет труба». Во время похода Красной армии в западные украинские и белорусские области (сентябрь-декабрь 1939 г.) В.С. Кофман – командир медицинской роты 51-го медико-санитарного батальона, и сразу же, на «незнаменитой» советско-финской войне (зима-весна 1940 г.), – корпусной хирург 1-го стрелкового корпуса.

Возвращение к «мирной» врачебной деятельности оказалось недолгим. С первых дней Отечественной войны профессор, военврач первого ранга В.С. Кофман снова в рядах вооруженных сил, а с началом обороны Одессы назначается армейским хирургом Приморской армии. Опытный военно-полевой хирург и организатор хирургической помощи в боевых условиях, блестяще справляется со своими ответственными задачами. На подступах к Одессе, а позднее – при обороне Севастополя, он не только обеспечивает четкое функционирование системы оказания медицинской помощи раненым на всех этапах – от передовой до ар-

мейских госпиталей, но организует эффективную специальную подготовку военно-медицинских кадров. Постоянному строгому контролю с его стороны подвергается работа полковых медпунктов, медсанбатов, госпиталей. Большой педагогический опыт помог профессору Кофману создать армейскую учебную базу, на которой в сжатые сроки было подготовлено более 40 врачей, более 200 медицинских сестер и свыше полутысячи санинструкторов и санитаров.

Блестящую и исчерпывающую характеристику работы главного хирурга армии дает в своей книге один из руководителей обороны Одессы и Севастополя дважды Герой Советского Союза маршал Н.И. Крылов: «Я много слышал о неистощимой работоспособности армейского хирурга профессора В.С. Кофмана. Имея массу других обязанностей, профессор изо дня в день сам делал сложнейшие операции, а ночами писал научные работы, осмысливая родившийся на войне опыт». Тяжело раненный будущий маршал был в числе тех многих тысяч офицеров и солдат, которых вернул к жизни, а то и в строй, военврач Кофман. Выдержанный, спокойный и доброжелательный, нередко под обстрелом или бомбежкой, нечеловечески уставший от многочасовой непрерывной работы, он подбадривал помощников, помогал им переносить лишения и перегрузки.

Приходится только удивляться значительному количеству написанных и опубликованных В. Кофманом работ менее чем за год боевых действий. Среди них методические рекомендации полковым врачам «Замечания по организации и технике первичной обработки ран в войсковых районах», восемь научных работ по различным проблемам военно-полевой хирургии. Высокую оценку ведущих военно-полевых хирургов получила предложенная проф. Кофманом методика поточного выполнения хирургических вмешательств в полевых условиях, состоявшая в том, что ведущие хирурги выполняли основные элементы операций на нескольких параллельно расположенных операционных столах, переходя от одного стола к другому, а завершали операции менее опытные ассистенты.

По решению Военного Совета Приморской армии Валентином Соломоновичем был составлен и отредактирован сборник

научных работ, опубликованный Главсанупром Красной армии в 1943 г. В предисловии к этому сборнику редактор написал пророческие слова: «Наш труд будет лучшей памятью медработникам, погибшим смертью храбрых при обороне Севастополя».

В своих воспоминаниях полковник медицинской службы Ф.Д. Мешман, а также газета «Слава Севастополя» (1968), сообщают о том, как в последние дни обороны Севастополя вопреки приказу командования он, армейский хирург, не оставлял раненых и отказался от эвакуации. На свое место в одном из последних самолетов он приказал посадить военфельдшера Кононову с только что рожденным ею ребенком. Мальчик был назван редким именем – Севаслав (Слава Севастополя). Многочисленные публикации, воспоминания и письма участников обороны двух черноморских городов-героев позволяют понять и почувствовать огромное обаяние личности профессора Кофмана.

Надежной информации о дальнейшей судьбе легендарного хирурга и ученого нет, хотя руководитель Севастопольского объединения поисковых организаций «Долг» писал Льву Валентиновичу Кофману: «Все сходится к тому, что 3 июля В.С. Кофман был расстрелян фашистами вместе с начальником медицинской службы морской базы военврачом 1 ранга М.З. Зеликовым и начальником 41-го полевого госпиталя военврачом 1 ранга Злотниковым».

Однако это лишь предположение. А официально – все та же злосчастная аббревиатура ПБВ – пропал без вести… Так и написано в «Книге памяти».

Энергичный, веселый, общительный человек – именно таким запомнился Валентин Кофман близким и всем, кто его знал. Напомним, что эта яркая жизнь, полная свершений, достойная быть примером для молодых врачей, оборвалась всего на 41-м году…

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Проза

130 **Феликс Кохрихт**
Каждый роман, как первый…

132 **Владимир Каткевич**
Кто хороший специалист?

136 **Евгений Деменок**
Высшая лига

148 **Наташа Северин**
Каприсы

152 **Елена Лебедева**
Сказки с иллюстрациями

157 **Александр Чоклин**
Пропащая, единственная, непостижимая, такая короткая жизнь…

160 **Анна Коренева**
Три рассказа

164 **Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук**
Отмычка Соломона

Феликс Кохрихт

Каждый роман, как первый…

Как это ни парадоксально, но приморская Одесса и ее литературная школа, давшие городу и миру плеяду выдающихся литераторов, не так уж и богаты маринистами О причинах сего пусть рассуждают литературоведы, а мы лишь удивимся тому и назовем тех, кто писал о море и моряках. Разумеется, наши звездные гости – Александр Пушкин и Константин Паустовский, наши земляки – романтик Борис Житков, крепкие прозаики Александр Батров, Иван Гайдаенко, вдохновенный поэт Одессы Юрий Михайлик. Возможно, я кого и не назвал, – пусть меня дополнят.

Из работающих сегодня назову в первую очередь Владимира Каткевича. Профессионального морехода, журналиста, а нынче – и редактора, выпускающего морской альманах. Ценим его, автора и нашего издания, за особый стиль повествования, в котором знание предмета – и устройства судна, и особенностей души и повадок мотористов, электриков, матросов, боцманов, помполитов – до капитанов.

Предлагаем читателям главу из романа «Каждый рейс, как последний», над которым Каткевич работает несколько лет. В нем удивительным образом сочетаются и «травля на баке», и раздумья о том, что сегодня представляет собой морская профессия, какие бонусы и риски она сулит тем, кто ее выбрал.

Действие книги происходит в советские времена на борту пассажирского лайнера «Петр Стаднюк», совершающего круизный рейс с зарубежными туристами. Уже само имя судна – лукавство и стеб автора. Сочетание имени и фамилии ничего не говорит моему одесскому редакторскому опыту. Нет знаковых фигур, разве что – фамилия среднего советского писателя, да и звали его Иван.

Таких приколов и иронизмов в романе много, но есть главы, в которых речь идет о действительных, порой драматических событиях, происходивших в разные годы с участием экипажей судов Черноморского морского пароходства. В частности, о причастности наших моряков к событиям Карибского кризиса, чуть было не приведшим к третьей мировой войне. Тогда в трюмах и на палубах сухогрузов и балкеров с припиской в Одессе переправлялись на Кубу советские ракеты и тысячи солдат и офицеров.

Среди капитанов, о которых говорят члены экипажа лайнера, упоминается и Голубенко, получивший Звезду Героя за эти отчаянные рейсы. Вспомнил о нем, когда читал повествование Володи Каткевича: в молодые журналистские годы я брал интервью у Кима Никифоровича – представителя славной морской династии Одессы.

Будем ждать выхода романа в свет.

Владимир Каткевич

Кто хороший специалист?

Глава из романа «Каждый рейс, как последний»

«В тумане скрылась от меня Одесса,
Гляжу я вдаль без интереса…»

Р. К., матрос 2-го класса

Из архива сотрудника «Моряка» А. Мусти

«Леха, тю, Алексей Кондратьевич, был рукодельным специалистом…»

Из выступления на похоронах Лехи Все Плохо

За тонкой пластиковой переборкой гужбанят, вино журчит, когда его разливают по стаканам. Границы ночей, дней, часовых поясов перепутаны и располовинены вахтами, междусобойчик могут устроить и в четыре часа ночи. Мусолят кубинскую тему, о которой знают не понаслышке.

– В ноябре 61-го, нет в октябре, приняли в Балабановке ракетные комплексы с личным составом, – вспоминает Леха, – и «Задонск» снялся. Перед Кубой в точке у пятидесятимильной зоны, как обычно, встретил дозор америкосов. Капитан Адольф Степухин приказал вывесить «два шара», «потерял управление», это у Адольфа как здрасьте. Да, дождались ночи, и без бортовых огней рванули от фрегатов. Шли на форсированном ходу. Только на подходе к Мариэлю штатники нагнали и стали семафорить: «Что же вы нас подвели?». Америкосов оставили с носом, но на пятом цилиндре выкрошился подшипник крейцкопфа. Кубинцы запросили за ремонт тысячу «зеленых». Я взялся сделать за спасибо.

– А начальство дало добро за пожалуйста…

– Залил подшипник баббитом и стал шабрить по чуть-чуть. Жара несусветная. Чтоб не лопухнуться, раз двести вирал шатун талями, замерял шупом зазор. Шкреб его, шкреб, потом ребята в цирк, а я – ногами вперед. Сорвал поясницу. Но подогнал без люфта с паспортным допуском два миллиметра. Подшипник подогнал, все сплошная реклама, а кольца в ручьи поршня не лезут.

– Вся работа до фени?

– Кольца из Дании привезли на Кубу самолетом. Когда снялись, над гафелем зависла американская летающая лодка «Каталина». Вот тогда датские кольца от «Бурмилы» и пригодились. Выжали из «Бурмилы», что могли. Бабуин был тогда третьим механиком.

– У Степухина? Я не знал.

– Степухин его и сейчас на «Задонск» приглашает. Возьмет стармехом хоть завтра. Срывались на форсаже, расклинивали клапана отвертками. Труба выгорела.

– Иди ты!

– До дыр. Степухин ослепил пилотов прожекторами, и «Каталина» отстала.

– Премию хоть выписали?

– Медаль дали «За трудовую доблесть» и делегировали на съезд ударников коммунистического труда.

– От пароходства тогда поехало четыре передовика. Боцман, ты ж тоже ездил?

– А… Мы когда солдат возили, в твиндеках полсотни градусов было, душегубка. Я заказывал для палубных работ у командира дивизиона помощников, сажал за стандерсом в теньке, чтоб дохнули свежачка. Жалко пацанов…

– Ну а за орден Ленина тебе бабки дали?

– Не положено…

– Ты, Макарыч, ядерные боеголовки тоже возил?

– Нет, боеголовки возил от ЧМП «Медногорск», капитан Оводовский, и с Балтики «Александровск». Боезапас «Медногорска» мог накрыть 60 городов в США.

– Пароходы в случае чего положено было подорвать?

– Не только их. Все пароходы с оружием были заминированы. У нас два дяди ехали в штатском, в ящике ковырялись, проверяли готовность.

– А как же экипаж?

– Экипаж вместе с дядями и солдатами превратился бы в радиоактивную пыль.

– Кучеряво!

– Степухину Героя таки и не дали?

– Дали капитану Киму Голубенко.

– А Степухин за Уренгой получит. Он сейчас трубы возит, я в Ильичевске «Задонск» видел. Адольф поставил кабину от «уазика» на крыше рубки, чтобы лишний ряд труб загрузить на палубу.

– Я видел эту порнуху. Как голубятня.

– Ходят в Новый порт на Оби.

– Говорят, они там заколачивают больше, чем мы за бугром…

– Степухин меня приглашал, уйду к нему, – хорохорится Леха.

– Специалисты везде нужны.

Тестирование на звание хорошего специалиста и специалиста с двумя левыми ручками, растущими из жо, тема неисчерпаемая на всех без исключения судах.

– Хватит жевать говно. Уже нолито.

Уже нòлито, и палуба кисляком пòлита (в обоих дремучих оборотах ударение на первом слоге).

– За то, чтобы Черное море не пересохло, и у нас у всех была работа!

Традиционный тост каботажников. Чокаются. Судя по голосам, в каюте среднее звено, подшкипер, кормовой боцман, массажист, зеленщица…

– Леха, в Дакар записался?

– Что я там забыл? Я в Пальмасе грамотно отоварюсь.

– Излишки заныкаешь в коффердаме?

– Тихо ты, у переборок уши! А твой слесарь-инженер не стукач?

Это уже в адрес Каминского.

– А если без личностей? – Каминский не выдержал.

– Не понл…

– Закрой пар на гудок! – Каминский стучит в переборку африканской маской из того самого эбенового дерева, которым Калараш запасся в Суробайе.

Пальмас на морском сленге Лас-Пальмас. Леха на берег выходит только в ключевых моряцких портах, их меньше, чем паль-

цев на руках: Пальмас, Сингапур, Гибралтар, Бейрут, Роттердам, Генуя, еще японский Кобе.

В остальных всяких экзотических Ямайках, Гаити, Парамарибо и Сан-Гренадино опускает ночью рефлектор к воде и ловит на свет рыбу. Неужели он тоже устает от людей?

Хлопнула дверь каюты, разошлись. Дите, небось, спит в своей четырехместной конюшне, как убитый на войне. Храпит, разумеется. Будить его не рекомендуется, со сна может покалечить. Надо бы на вахте перекемарить на ветоши в коффердаме, тесном ребристом пространстве между водонепроницаемыми переборками. Там пахнет подогретым тропиками дерьмом, внизу под решеткой урчит фекальный насос, но зато никого не видишь. Еще до армии Каминского целый месяц изматывала свирепая бессонница. За этот месяц он постарел, морщины лучились у глаз, хотя всегда выглядел года на четыре моложе. Днем засыпал в троллейбусе, ночью маялся. Ходил даже среди ночи на станцию «Скорой помощи». Фельдшер дал ампулу димедрола. Разломал ампулу, выпил. Не помогло.

В карантине у них один заснул в строю, сержант дернул новобранца за ремень и заорал:

– Калуга, тю, Кулага, ты совсем оборзел в строю спать, курва!

Кулага был нескладным больным парнем, путал команды, левую ногу с правой. У него обнаружили запущенный триппер.

– Надо же, уже в армию дебилей берут! – возмутился на разводе начальник штаба отряда майор Малишевский.

Евгений Деменок

Высшая лига

И одесских куплетов я не сочинял,
Рок-н-ролл для меня был началом начал.
Игорь Ганькевич

Когда нам с Веней исполнилось четырнадцать, наши музыкальные вкусы оформились окончательно.

Только рок, никакой попсы.

Он предпочитал хэви-метал, я склонялся к харду. У каждого были свои любимцы – у него Iron Maiden и Judas Priest, у меня Deep Purple и Led Zeppelin. У него Metallica и Slayer, у меня Accept и Motley Crue. Это не значит, что мы слушали только их. Мы слушали все – от Beatles и Animals, Дэвида Боуи и Marillion до Megadeath и Anthrax. Время было такое.

Веня – вообще-то, он просил для крутизны называть себя Вена – пришел в нашу школу довольно поздно, кажется, в шестом классе, и мы очень скоро оказались с ним за одной партой. До этого я делил парту с Анжелой Колесник, Валерой Жуком и уже не помню, с кем еще, но все это было так, несерьезно. С Веней все было по-другому. Во-первых, мы были с ним очень похожи – он родился всего на пять дней позже меня, в день рождения Dio, чем страшно гордился. Во-вторых, он точно так же любил ржать на уроках и хулиганить на переменах. Но самое главное – у нас было общее увлечение. Рок. Именно он, а не учеба, занимал все наши мысли три последних школьных года.

На этом наша схожесть заканчивалась. Дальше начинались различия. Я был отличником; Веня тоже учился старательно –

всегда старался исправить двойку на тройку. Я рос в семье «интеллигентской прослойки» – папа работал конструктором на заводе, мама – начальником концертного отдела в филармонии. Дальше Болгарии и Чехословакии мои родители выбраться не могли; Венин отчим был довольно высокопоставленным чиновником Внешторга и работал в Финляндии, а папа его, с которым он продолжал общаться и после развода родителей, вообще работал в КГБ. У меня дома стоял старенький проигрыватель «Аккорд», игла которого часто портила пластинки, и переносной кассетник «Весна» – дедушка подарил мне его за отличное окончание седьмого класса. У Вени дома был проигрыватель «Technics» и кассетная дека «Маяк» – мечта всех советских меломанов.

Но все эти различия не имели в те годы никакого значения. Да и сейчас бы не имели.

Каждое лето Веня уезжал к родителям в Финляндию. Все свободное время он проводил там в музыкальных магазинах, занимаясь важнейшим делом – заполнением священной тетрадки меломана. В толстую общую тетрадь переписывались названия всех альбомов любимых групп, под ними – названия всех песен, состав группы, обязательно авторство каждой песни. Следовало тщательно перерисовать уникальный шрифт названия группы, потому что рок – это не дешевая попса, и каждый уважающий себя коллектив уделял огромное внимание оформлению обложек. Да, еще желательно было хотя бы схематично набросать в тетрадке сам рисунок обложки – тогда картина была законченной, и можно было с чистой совестью приступать к работе над следующим альбомом.

Все это потом тщательно изучалось и запоминалось.

В общем, английский мы выучили благодаря року.

В конце августа со всем этим богатством Веня возвращался в Одессу. Я всегда ждал его с нетерпением – мне нужно было заполнять свои тетрадки; скудной информации, которую я черпал о рок-группах из журналов «Ровесник» и рассказов друзей, не хватало. Веня же черпал прямо из первоисточника. Бывал в закромах.

Вы спросите, зачем нужно было все это переписывать и перерисовывать, если альбомы можно было просто купить? Разумеется, можно, но не в Советском Союзе, где монополист, фирма

«Мелодия», и думать не могла о том, чтобы выпустить альбом какой-нибудь «Железной девы». Хорошо, но почему же нельзя было купить их в свободной Финляндии? Наивный вопрос. Во-первых, каждый год выходило несколько сотен новых альбомов рок-групп, и стоили пластинки недешево. Во-вторых, Венины родители вовсе не поощряли странные увлечения своего отпрыска.

Любимую музыку приходилось искать в Одессе.

Начало восьмидесятых было временем расцвета металла. Он был тогда на пике моды. Конечно, не только он – большинство как раз слушало в те годы Modern Talking и прочих Сабрин, лишь иногда имитируя любовь к металлу – для крутизны. Так что мы были в меньшинстве. Мы были элитой – по крайней мере, так нам хотелось думать. И если диско и попсу можно было найти чуть ли не на каждом углу, за «нашей» музыкой нам приходилось ездить по всему городу.

Поиск был азартным занятием. Телефоны и адреса тех, у кого можно было достать новый альбом Accept или Judas Priest, были на вес золота.

О фирменных пластинках мы долго не могли и мечтать. Кассеты спасали нас. Кассеты, которые тоже приходилось искать по всему городу.

И все равно это было удовольствием. Покупая кассету, ты сразу приобщался к мировой музыкальной индустрии, к западным ценностям, к чему-то недосягаемому, но очень хорошему.

Каждый уважающий себя пацан знал, какие кассеты нужно покупать. BASF и Maxell были на вершине пирамиды. Особенно с хромовой пленкой. За ними шли TDK, SONY, Denon и AGFA. После них – все остальные импортные. Ни в коем случае нельзя было покупать отечественные МК-60. Они сыпались, пачкали головку магнитофона, легко зажевывались. Единственное их преимущество было в том, что они были дешевыми. Но поговорка о том, что скупой платит дважды, оправдывалась в этом случае сполна.

Все импортные кассеты стоили по девять рублей. Немало для человека, который получал в месяц сто двадцать, как моя мама, например. Для школьника – тем более. К счастью, подарки от родственников никто не отменял, плюс экономия на завтраках – в общем, мы умудрялись покупать по кассете в месяц.

Следующим шагом была запись. Происходило все так. Сначала ты узнавал, у кого в городе есть, к примеру, двойной концертный альбом Led Zeppelin «The Song Remains the Same». Звонил ему вечером – обычно только вечером можно было застать человека дома, если у него вообще был телефон. Договаривался о встрече – в центре или на проспекте Шевченко, или нужно было ехать на Черемушки: тут все зависело от хозяина записи. Приезжал на встречу со своей чистой кассетой, отдавал ее и три-четыре рубля в придачу. Через несколько дней за ней можно было приезжать.

За полтора рубля можно было взять кассету с записью и переписать ее самостоятельно. В этом случае я брал свою «Весну», шнур для записи и ехал к Вене на Сегедскую.

Веня жил с бабушкой и дедушкой в двухкомнатной квартире в большой «сталинке», которая образовывала целый двор и заполняла собой пространство от Фонтанской дороги до Сегедской. Жили в этой «сталинке» в основном моряки, и остальные могли только мечтать о таких квартирах с высокими потолками и большими комнатами. Не знаю, чем занимались бабушка с дедушкой, но дома их часто не бывало, и мы отрывались по полной – так, как представляли себе такой отрыв советские восьмиклассники. Конечно, мы курили на балконе. Потихоньку пробовали спиртное, стоявшее в холодильнике. Играли в теннис на паркетном полу – вместо настольного у нас был напольный, вместо сетки – книги.

Все изменилось после того, как мы открыли для себя мир рок-музыки.

Теперь мы слушали музыку и кайфовали.

Так прошло полгода. Все было прекрасно, если бы не одно «но».

Нам очень хотелось иметь свою собственную пластинку.

Покупка пластинки представлялась чем-то совершенно невероятным. Фирменная немецкая или английская пластинка стоила пятьдесят рублей. «Юговская», то есть югославская, – двадцать пять, но серьезные меломаны их не любили. Звук не тот, много «песка».

В Одессе было одно-единственное место, где можно было пластинку купить, и называлось оно «сходка». К моменту нашего вхождения в серьезную музыку сходка собиралась по воскресеньям

на 8-й станции Большого Фонтана, в скверике у моря. Мы съездили туда пару раз, но, гуляя по сходке с пустыми руками, чувствовали себя полными ничтожествами. Настоящие меломаны носили подмышкой и в сумках целые пачки «пластов», от названий и обложек которых у нас захватывало дух.

Выход был один – во что бы то ни стало скопить деньги на свою пластинку.

Мы должны были попасть в высшую лигу.

Нужен был стимул, и мы нашли его. Мы торжественно поклялись друг другу в том, что каждый соберет за месяц двадцать пять рублей.

А если кто-то не соберет, другой даст ему поджопник. Прилюдно, при всем классе, средь бела дня.

Разумеется, такой позор нельзя было вынести, и мы начали забег.

Все средства были хороши.

Но где же мог достать такие деньги восьмиклассник в 1984 году?

Первое, что пришло мне в голову, – собирать пустые бутылки и сдавать их.

Веня вызвался помочь.

К сожалению, у нас не было ни гаража, ни сарая, куда можно было прятать добычу, накапливать ее. Оставался балкон.

Через неделю дня мама заметила бутылки.

Поднялся скандал.

– Как тебе не стыдно тащить эту грязь домой? И где ты их находишь? Копаешься в мусорниках, как бомжи и алкоголики? Ты ж из приличной семьи!

Слово «бомж» уже было тогда в ходу.

– Нет, конечно, мы не бродяги и не алкоголики, – ответил я ей. – Но ничего постыдного в сборе пустых бутылок я не вижу. В конце концов, вы же посылаете меня сдавать бутылки, которые скопились дома? Да и как иначе собрать на пластинку?

Эффекта мои слова не возымели. Бутылки пришлось отнести к мусорным бакам. Но пять рублей мама мне все же дала.

Оставался дедушка. Дедушка никогда не подводил. Выслушав мой рассказ, он молча открыл кошелек и протянул мне две десятки.

Не знаю, как и где собирал деньги Веня, но через две недели у нас уже была нужная сумма.

Обошлось без поджопников.

То воскресенье я помню до сих пор. Было солнечное зимнее утро, и мы ехали на 17-м трамвае на сходку. Ехали не просто поглазеть. Купить.

От обилия выбора рябило в глазах, но думать нужно было быстро – сходку часто разгоняли менты. У всех был свой маршрут отхода, и «пласты» упаковывались в сумки за считанные секунды.

С другой стороны, мы хотели купить что-то новое, из того, что мы еще не слушали. А это требовало тщательного обдумывания. Кроме того, пластинку нужно было внимательно рассмотреть – нет ли на ней царапин, жирных пятен от пальцев, в каком состоянии обложка. Попробовать на зуб, в общем.

В итоге первой нашей покупкой стал альбом «Stay Hungry» американцев Twisted Sister. Это был их лучший альбом. По-моему, каждый уважающий себя человек должен знать как минимум две песни из него: «I Wanna Rock» и «We're Not Gonna Take It».

Торжеству нашему не было предела. Взяв пластинку в руки нарочито небрежно, но так, чтобы она бросалась в глаза каждому, мы сделали несколько кругов по сходке – благо в тот день облавы не было. Носили ее по очереди, чтобы нас запомнили и признали. Поняли, что мы не просто залетная шелупонь. Поняли, что мы серьезные меломаны с деньгами.

Обратно к трамваю неслись, как на крыльях. Ехали к Вене – у него как раз никого не было дома.

Остановки были слишком длинными, а трамвай, казалось, ехал нарочно слишком медленно. Седьмая, Петрашевского, шестая, пятая, четвертая… Они что, нарочно так медленно ездят по воскресеньям?

Наконец Армейская.

Мы у Вени дома. Врубаем «Technics» на полную громкость. Жаль, выпить нельзя – дедушка с бабушкой предусмотрительно спрятали все спиртное.

Конечно, мы перекатали концерт себе на кассеты. Не помню уже, заработали ли мы на нем, – кажется, желающие записать его с пластинки все же нашлись.

В следующее воскресенье на сходку ехали уже совсем другие люди. Серьезные, опытные, искушенные.

Теперь нам нужно было поменять свою пластинку на другую. Задача стояла та же – найти что-то новое, интересное, не уронив при этом планку.

Мы почему-то решили, что «Walkin' the Razor's Edge» канадской группы Helix того же 1984 года – равноценная замена Twisted Sister. Обложка была яркой, группа была на слуху, но дома выяснилось, что это шаг не в ту сторону. Слишком много глэма и очень близко к попсе. И это несмотря на то, что альбом стал лучшим у Helix, а заглавная песня «Rock You» стала их лучшей песней.

Наверное, наше отношение к альбому изменилось бы в лучшую сторону, знай мы тогда, что на песню «Gimme Gimme Good Lovin'» снят клип, в котором сыграли топлес множество красивых девушек, одной из которых была легендарная порнозвезда Трейси Лордз… Но за железный занавес ничего такого попасть, конечно, не могло.

Разочарованные, поехали мы в следующее воскресенье на сходку. Нам нужно было избавиться от неудачной пластинки.

Убедить других тусующихся на сходке коллекционеров в том, что Helix – это круто, было непросто. Они тоже не видели клип с Трейси Лордз. На переговоры ушло несколько недель. И вот – удача. Нам предложили на обмен «Iron Fist» – знаменитый концерт Motörhead. Это был беспроигрышный вариант. И пусть альбом был двухлетней давности, но Motörhead любили все. Ну, почти все.

Жизнь налаживалась.

И только когда мы приехали к Вене, мы поняли, какую ошибку совершили.

Пластинка была югославской.

Нет, звучала она еще неплохо.

Но это был приговор.

Как мы не увидели этого на сходке? Что сказать – мальчишки!

Теперь только чудо могло спасти нас.

Это чудо произошло в одно дождливое весеннее воскресенье. Мужчина, которого мы никогда раньше на сходке не видели, но у которого в сумке было с три десятка пластов, заинтересовался нашим «Железным кулаком».

В обмен он предложил AC/DC. Я всегда был и остаюсь фанатом австралийцев. Веня тоже.

Альбом производил серьезное впечатление.

Абсолютно черная обложка, и только надпись готическими буквами: «Black Coat». Сзади – список песен. Все строго, красиво и лаконично. Альбом 1981 года.

Мы знали наизусть все альбомы AC/DC, мало того – названия всех песен со всех альбомов. О «Black Coat» мы никогда ничего не слышали.

– Это редчайший альбом. Коллекционный. Выпущен малым тиражом, потому вы о нем и не слышали, – сказал мужчина, которого мы до этого никогда не видели.

Дождь усиливался. Надо было решаться. И мы решились.

В тот день бабушка с дедушкой были дома. Пришлось отложить праздник прослушивания новой пластинки до понедельника.

Мы с трудом сдерживали свое нетерпение. В понедельник после третьего урока мы сбежали из школы и поехали к Вене домой.

Тщательно вымыли и вытерли руки – пластинку ни в коем случае нельзя было «залапать». Включили проигрыватель. Опустили иголку.

И…

Из колонок зазвучала София Ротару.

Сказать, что мы были ошеломлены – ничего не сказать.

– Давай послушаем другую сторону? – предложил я Вене.

На что я надеялся – непонятно.

Конечно, там тоже была Ротару.

Нас жестоко обманули. Уже потом, на следующих сходках, мы пытались разузнать, что это за человек и откуда он. Опытные люди сказали нам, что иногда на сходку приезжают «залетные» кидалы из Кишинева.

Но это было потом, а пока мы стали внимательно рассматривать пластинку.

Это было чудо каллиграфии.

Конверт был сделан и раскрашен вручную, все надписи сделаны тушью, идеально ровно. «Яблоки» на пластинке тоже были вырезаны вручную – лишь пристально присмотревшись,

мы увидели крошечные неровности, они не были идеально круглыми. Названия песен на них тоже были написаны тушью, тончайшим пером. Оформлением явно занимался художник.

В общем, это был шедевр – не музыкальный, но графический.

Тогда мы этого, конечно, не оценили.

Это был крах. Конечно, ни на что уже эту подделку мы поменять не могли.

Высшая лига, в которую мы с таким трудом попали, стремительно удалялась от нас.

Но… На сходке нас уже знали. И стали давать нам пластинки «в обкатку» – для записи на кассеты. Стоило это, конечно же, дорого – пять рублей в день.

Но это было уже неважно. Важно, что мы были в игре.

Сходку по-прежнему гоняли менты. В 1986-м мы перешли на 12-ю Фонтана, но это было временным решением – каждое воскресенье толпа коллекционеров и меломанов мигрировала между 8-й, 9-й и 12-й станциями. Помню одно летнее воскресенье – мы приехали на трамвае на 12-ю, откуда открывался прекрасный вид на море, и быстро нашли своих. Невысокие оливковые деревья и редкие тополя, растущие на склонах, не могли скрыть толпу, резко выделяющуюся своим внешним видом – тогда уже вошли в моду кожаные куртки с заклепками, кожаные джинсы и банданы. В общем, милиционеры легко вычисляли нас.

– Шухер, менты! – слышим мы со всех сторон. Бежим вместе со всеми в сторону десятой, там – через санаторий – к трамваю.

Никто не хотел попасть в отделение и лишиться пластинок. Спекуляция, прослушивание запрещенной музыки – все это сразу рисовалось в воображении. А еще – коронная фраза нашей классной руководительницы Люсьетты Давидовны:

– Я вам такую характеристику напишу – ни в один институт не примут!

В 87-м году сходка перебазировалась в парк Ленина. Мы бродили меж деревьев по искусственным островкам, насыпанным когда-то в прудах, и обменивались музыкальными новостями. Чувствовали мы себя с Веней уже гораздо увереннее. Во-первых, оба к тому времени учились в институте, и никакая плохая харак-

теристика не могла уже испортить нашей репутации. Во-вторых, мы уже ориентировались в музыкальном мире, как рыбы в воде.

Да и все остальные тоже возмужали. У каждого сформировались свои пристрастия. Кто-то уходил в «тяжесть», как Веня, – он слушал теперь только трэш и спид-метал. Кто-то слушал старый добрый хард. Помню мужчину лет пятидесяти, который любил только Kiss и часами мог рассказывать о том, какие они великие.

Мои музыкальные пристрастия тоже менялись. Я увлекся Дэвидом Боуи и часами слушал «Space Oddity». Кумирами для меня стали Lorie Anderson и Marillion. Потом – Dire Straits и Genesis. Все текло, все изменялось.

Мигрировала и сходка. В 1987-м она уже собиралась в Аркадии, в «тарелке» – там был потом ночной клуб «Космо». Позже она «переехала» в центр города, в клуб «Ретро». Там был уже платный вход, и пластинки контролировали по списку.

Помните этот список? Он появился в самом начале 1985 года и к нам попал в виде копии письма некоего Гришина, секретаря Николаевского обкома комсомола. В списке были все наши любимые группы, и против названия каждой – причина, по которой их нельзя слушать. Например, у AC/DC это были «неофашизм» и «насилие», у Iron Maiden – «насилие» и «религиозное мракобесие», у Judas Priest – «антикоммунизм» и «расизм», и даже тишайшие Pink Floyd провинились тем, что в своей песне «Get Your Filthy Hands Off My Desert!» с альбома «The Final Cut» спели такие строки:

Brezhnev took Afghanistan.
Begin took Beirut.
Galtieri took the Union Jack.

Конечно, ни израильский премьер Менахем Бегин, ни аргентинский диктатор Леопольдо Фортунато Галтьери наших чиновников от искусства не волновали. А вот за Леонида Ильича им было обидно.

Мы долго смеялись над тем, что в списке оказались Хулио Иглесиас и Тина Тернер – он за «неофашизм», она за «секс».

В общем, войти со всеми этими пластинками в длинный, со сводчатыми потолками подвал клуба «Ретро» было нельзя. Поэтому основная часть сходки продолжала ходить в парк Ленина.

Там было свободнее.

Два Ильича, а какая разница!

В год окончания нами школы – в 1986-м, – произошло событие, значение которого невозможно переоценить. Событие, без преувеличения, планетарного масштаба.

Официально открылся Одесский рок-клуб.

На первом концерте играли «Бастион», «Монте-Кристо», «Акцент», «Портрет и Галстук», «Каменная терраса», «Дизайн», «Королевство кривых зеркал», «Серпантин», «Кроссворд» и «Провинция».

Теперь мы ездили в разные точки города и часами стояли в толпе таких же фанатов, чтобы попасть на концерты. Чаще всего концерты проходили в клубе при заводе имени Дзержинского на Водопроводной, прямо напротив Чумки. Немного реже – в Портклубе на Ланжероновском спуске.

Интересы наши и тут разошлись – Веня любил больше всего «Кратер» и «Монте-Кристо», я – «Провинцию» и появившихся позже «Детей на траве» Стаса Подлипского. Теперь мы искали и их записи – естественно, на кассетах, о записи на пластинку никто из одесских музыкантов не мог тогда и мечтать.

В 1989 году сходка переехала в скверик на Среднефонтанской, к кафе «Сегед». На новом месте она продержалась три года. Начало 90-х – время расцвета рэкета; не обошел он стороной и сходку. Когда рэкетиры стали совсем уж серьезно «бомбить» меломанов, те сбежали во Дворец студентов, на Маразлиевскую. А в 99-м по вызову соседей на сходку приехали менты, и она перебазировалась в парк Шевченко, через дорогу.

Там она находится и сейчас.

Я серьезно увлекался музыкой лет до двадцати восьми, меняя свои пристрастия довольно часто – от хард-рока к арту, блюзу и джазу. После распада рок-клуба в 1990-м на сходку я уже не ходил. Сначала на рынках, а потом в магазинах появились отделы с музыкой и видео – на кассетах, а потом на дисках.

Веня ходит на сходку до сих пор, хотя давно уже стал капитаном и может покупать себе любые диски в любой стране мира; с ним – целая группа таких же ветеранов рок-движения в Одессе. Как правило, никто ничего не покупает, но все приходят с пачками пластинок подмышкой. Первая половина воскресенья проходит за воспоминаниями о днях бурной и счастливой молодости и обсуждением новых альбомов групп, музыканты которых стареют вместе со слушателями. Воспоминаниям способствуют выпитая кстати рюмка водки или бутылка пива. И, конечно, никакая милиция никого уже не гоняет.

Собственно, ее давно уже и нет.

Наташа Северин

Каприсы

Данте

Данте не смог долго жить в Бронксе (Н-Й) и переехал в Брянск. Тут ему дали общежитие, поношенное пальто и кепку. Алигьери (Я правильно пишу? Если нет – сами исправьте.) не вышел в первый же день на работу экстерминатором и на второй был уволен. В общежитие он пришел пьяным после 11 ночи, и его не впустили. Он просидел всю ночь за мусорным баком, а утром начал приставать к вахтеру с вопросом, как называлось его произведение, где спускались в ад, – это было в кроссворде. Никто не знал. Данте не сумел решить кроссворд. Во время завтрака в кафе он вдруг запел на немецком, и ветеран войны с орденами ударил его наотмашь.

– Ну, это уж слишком! – взвился Данте и исчез.

Его видели в Бобруйске. Он сидел в садике у вокзала, весьма немытый, нечесаный, и читал клок газеты «Бобруйский мир». Данте бормотал что-то, обращаяюсь к некому Кавальканти, но Кавальканти отсутствовал в этом месте. Рядом была только маленькая грязная собачка, которая смотрела ему в глаза.

Летающий матадор

Во время боя с Быком можно успеть очень многое. Вот он мчится на твой красный плащ, из глаз его – искры, из-под копыт его – искры, пена падает на песок (этот Бык умеет изо-

бражать!), а ты взмахнул плащом и – вжик! – уже сидишь в кафе и пьешь кофе с Брет, а можно и не с ней, потому что она все время нудит по-американски: «Милый то, милый сё», – и это надоедает. Выпил чашку, закурил, глядишь, Бык на арене в растерянности – убивать некого, – вжик! – ты тут как тут, перед ним, смотришь в глаза своей смерти с улыбкой – соскучился по мне? Не буду в тебя втыкать бандерильи и прочий хлам, симпатичный ты, обойдемся этой красной тряпкой, вышитой золотом, невеста потрудилась, ведь мне надо еще жениться во время боя на Лауре, она беременна. У Быка мелькнуло сострадание в глазах, но он пошел на меня с решительным видом. Играет по правилам.

Трибуны бесновались, как всегда. Они беснуются по любому поводу. Пришли сюда побесноваться. Дома скучно, еду не солят и не перчат по современным диетам. Жены надоели, любовниц заводить дорого, жизнь беспросветна, вот и идут бесноваться к нам. Мы с Быком это понимаем. Кстати, зачем мне детей заводить? Не хочу детей. Вжик! – и я уже в церкви, женился на Брет, чтоб не жениться на Лауре. Снова с Быком. Он мне жалуется – ты побыстрее делай свои дела, я тут один отдуваюсь, тяну время, скачу вхолостую, глупо выгляжу. «Я сейчас, – утешаю его, – мне нужно только шпагу наточить, чтоб тебя убить красиво, эта не проткнет твою холку». Бык бормочет: «Торопись». Вжик! – и я в Аргентине на свадьбе кузины, нельзя было не поехать, наврал Быку, ничего, уже вернулся, точу оружие – и снова на арене. Никто ничего не заметил. Бык старается вести себя бодро. И пока мы выписываем предсмертные пируэты, интересуется моей свадьбой, сколько людей было и все такое. Да какая свадьба? У меня завтра бой. Буду ночевать один в гостинице. Я понимаю, он просит о пощаде. Трудно мне убивать этого Быка. Он смотрит прямо в глаза, когда мы приближаемся друг к другу, что-то человеческое есть во взгляде. Но мы знаем правила игры.

Наступает последний момент – у корриды время точно рассчитано. Я взмахнул шпагой, металл зловеще сверкнул. Бык, как друг, послушно опустил голову, чтоб мне было удобнее его убивать, и – вжик! – мы с Быком сидим в любимом кафе на площади и пьем красное вино за дружбу профессионалов, вот и Брет подоспела, она своего бокала не упустит. Сейчас я их познакомлю.

Предчувствие

Все снова рушится, почва уходит из-под ног, хватаешься за клавиатуру, она со смехом ускользает, хватаешься за воспоминания, они раздраженно пожимают плечами. У моего окна появилась багряная планета. Это Плутон, властелин загробного царства, покровитель медных и золотых копей, драгоценных камней, враг Орфея. Он появляется везде, где грядет долгожданное разоблачение, торжество правды, чье-то падение, смерть в бесславии, отвергнутая любовь и кровавая месть. Это разрушитель. Правда, птица Феникс тоже принадлежит ему. Но она для избранных. Теперь он стоит у моего окна, смотрит на меня, и я не смею отвести глаза – как можно отвести их от властелина?

В то же время я стою на берегу океана, он сегодня тоже страшен, не волнами своими, а напряжением. Посиневшие темные воды бьет дрожь. Временами он с рыком бросается на сушу, вгрызается белыми клыками в землю, урчит, как стая синих волков, и отползает, отхватив свой кусок. Моя умершая мать в стареньком купальнике стоит на берегу и готовится зайти в воду. Она обращается ко мне: «Не ходи сюда. Вода кипит. Ты не выплывешь». И смело бросается в волны.

Рот

Он будет там, где мы скажем, а не там, где нарисовано в учебнике по анатомии, у тех, кто его выпустил, рта уже нет, но у вас еще есть шанс сохранить, так что следите за прессой и телевидением, там есть намеки и прямые указания, где в данный момент развития человечества на вашей части глобуса рот должен находиться, чтоб соответствовать широте мысли, долготе жизни и времени года; не кривите его самовольно, не переставляйте без разрешения, никаких подтяжек, зашивания ниткой в знак протеста, прибиваний к Красной площади, за этим ведется спутниковое наблюдение, косметическая нитка выдается теперь по удостоверению, зубы же не выдаются никогда, экономьте данные природой; тем, кто использует рот для размножения, будут

выданы сертификаты и хлебная карточка, без сомнения увеличивайте губы, это вклад в процветание общества, но не закусывайте их, у нас есть плоскогубцы, которые изящно вернут им форму, улыбайтесь!

Нью-Йорк

Елена Лебедева

Сказки с иллюстрациями

Девочка завтра

Жила-была одна Девочка, очень капризная и избалованная. Если чего-то захочет – вынь да положь ей немедленно!

Пообещают ей, к примеру, новую куклу на день рождения, а она поднимет крик:

– Нет, не буду ждать до дня рождения, сейчас хочу!

Скажут ей, что в субботу намечается прогулка в Зоопарк – Девочка опять истерику устроит:

– Не хочу в субботу, сейчас хочу, немедленно!

До того доходило, что в октябре ей мама скажет:

– Вот выпадет зимой снег, будем лепить с тобой снеговика…

А Девочка опять за свое:

– Не хочу ждать, когда зима придет, сегодня хочу снеговика лепить!

Ну и так далее, и каждый день – по многу раз одни и те же капризы.

И вот однажды крик «Не хочу завтра, хочу сегодня!» услышал один Злой Колдун, который как раз в это самое время принимал воздушные ванны на крыше дома, в котором жила семья Девочки.

И очень он разозлился, потому что терпеть не мог, когда ему мешали отдыхать после тяжелого трудового дня, и крикнул:

– Сколько можно – «сейчас, сейчас, сегодня, сегодня!»? Вот теперь всегда ты будешь говорить – «завтра, завтра!».

Сказал так и, очень довольный собой, перебрался отдыхать на соседнюю крышу, где было тихо и спокойно, только кошки грелись на солнышке.

А с Девочкой с этого дня стало происходить что-то еще более странное, чем раньше.

Она вроде бы и не капризничала, но стала вести себя совсем необъяснимо.

Спросят ее:

– Пойдем на прогулку?

А она в ответ:

– Не хочу на прогулку сейчас, лучше завтра!

Позовут обедать, а Девочка:

– Не буду сейчас, лучше завтра пообедаю!

Стоит ли говорить о том, какие проблемы в школе начались: вызовет ее учитель к доске и спросит, сколько будет дважды два, а наша ученица ему:

– Я завтра вам отвечу!

Конечно, начались большие проблемы, родители подумали, что их дочь больна, забегали по врачам, психологам и вообще всяческим специалистам, но никто не мог ничего обнаружить, Девочка была абсолютно здорова.

Только один молодой врач по фамилии Иванов поговаривал о появлении нового заболевания и хотел даже назвать его «синдром Иванова завтра», но почему-то его труды не получили поддержки в должных инстанциях, и вскоре все специалисты об этом случае забыли.

А родители Девочки вынуждены были смириться с тем, что у их ребенка такие странности, ничего не поделаешь, и учителя в школе в конце концов к ситуации тоже привыкли.

Между тем время шло да шло, вот уже Девочка и школу закончила, нужно было как-то устраивать свою жизнь дальше, но как ее устроишь, если у тебя такая вредная привычка – всем, кому бы то ни было, говорить: «Завтра!» – в самый ответственный момент! Никакой преподаватель никакого института не одобрит, если студент будет ему постоянно говорить: «Я вам завтра сдам зачет!».

А пойти работать без образования – и того хуже. Что если продавец скажет покупателю: «Я вам завтра сдачу дам», – а официант скажет клиенту: «Приходите лучше завтра пообедать»…

И вот Девочка села в парке на скамейку и задумалась о своей несчастной жизни, потому что как дальше жить, было ей совершенно непонятно.

Она даже не заметила, как подошел какой-то человек и присел с ней рядом.

Девочка молчала, и человек молчал.

А потом внезапно спросил:

– Ну что, ты думаешь, что тебе хуже всех, да?

Девочка с удивлением на него посмотрела.

– Да у тебя на лице написано, что тебе плохо!

Девочка помолчала.

– Я не говорю, что мне хуже всех, но мне действительно плохо. Но какое это имеет значение? Поговорим лучше об этом завтра, молодой человек…

– Завтра? А вы уверены, что мы с вами завтра встретимся?

– Я вам это завтра скажу…

– Но почему же именно завтра?..

– Потому что завтра, завтра, только завтра! Потому что иначе у меня не получается, не получается ничего, кроме завтра!

– Нет уж, сегодня! – решительно сказал молодой человек, и Девочка рассказала сквозь слезы свою историю – что она с детства как будто заколдована и вставляет слово «завтра» всегда и везде, где надо и где не надо.

Молодой человек немного подумал и заявил:

– Идем! Ты-то мне такая и нужна!

И Девочка пошла вместе с ним, ничего не спрашивая. Молодой человек сам рассказал ей по дороге, что он с коллегами работает в медицинском центре, где лечат депрессию. Оказывается, сейчас

очень много людей, которым скучно, грустно и тоскливо, – это и есть, по большому счету, депрессия.

И вроде бы все успешно, пациенты довольны, настроение у них улучшается, и они возвращаются к обычной жизни, но вот чего-то все же не хватает для более быстрого выздоровления, а теперь он посмотрел на Девочку и понял, чего же именно не хватает.

А в медицинском центре по борьбе с депрессией молодой человек привел Девочку в какой-то кабинет и сказал ей:

– Сейчас сюда придет пациент, и ты с ним поговоришь! Я уверен, что у тебя получится!

«О чем же я буду с ним говорить?» – изумилась Девочка, но выбора особенного у нее не было, и она решила попробовать.

А в комнату между тем вошла очень и очень Грустная Тетя. Вздохнула, присела на диван и сказала:

– Все очень плохо…

А Девочка ей ответила:

– Это не страшно… Завтра уже все станет лучше!

– Вы меня не поняли, – грустно продолжила очень Грустная Тетя, – все очень-очень плохо…

– Я поняла, но завтра все будет гораздо лучше, понимаете, завтра!

– Как это? – не поняла Грустная Тетя.

– Ну вот так, завтра вы проснетесь, а все уже по-другому! Не плохо, а хорошо! Хорошо, понимаете!

– Хорошо? – недоверчиво спросила Тетя.

– Да, да, хорошо!

– И очень хорошо?

– Очень-очень хорошо!

– И уже завтра?..

– Да, да, уже завтра!

– Вот спасибо вам, милочка! – радостно сказала Грустная Тетя. – Мне уже гораздо лучше, я чувствую, что вы правы, и завтра мне будет совсем хорошо! – и с этими словами она ушла, очень довольная быстрым лечебным эффектом.

И с того дня Девочка стала работать в этом центре, и все пациенты стали очень быстро выздоравливать благодаря ее неожиданной новой методике.

Однажды на приеме у Девочки оказался сам Колдун, который когда-то заколдовал ее.

Он заметно постарел и вообще выглядел очень грустным.

Он очень устал постоянно делать гадости людям, да и понял, что морального удовлетворения это сомнительное занятие не приносит. Одним словом, стало ему совсем скучно, грустно и тоскливо, что полностью подтверждало его диагноз – депрессия.

И Девочка сказала ему, как обычно говорила своим пациентам:

– Уже завтра все будет очень хорошо!

Тут старый Колдун вздрогнул – он узнал Девочку.

И он заплакал, и отменил свое колдовство, и попросил у Девочки прощения.

И наша героиня, конечно, простила его.

А своим пациентам она говорит теперь так:

– Все будет хорошо уже завтра, а если вы очень захотите – то и сегодня!

И главное, что все ей охотно верят.

Кошка по небу летела

Смотрите, какое дело –
Кошка по небу летела,
Хотя нелегкое дело –
Летать, летать, летать!
Но Кошка взлететь сумела –
Наверное, очень хотела
Летать, летать, летать!
И Кошка по небу летела,
Как будто сказать хотела:
– Вам разве не надоело
Ходить по земле несмело?
Поверьте, иное дело –
Летать, летать, летать!

Александр Чоклин

Пропащая, единственная, непостижимая, такая короткая жизнь…

Вот думаю: «…тот постарел-то и этот…». Встретил старую пассию, ей лет 18++++, морщиниста, корпусна, прокурена насквозь, хоть и в дорогом прикиде, и при гриме, не сексуальна ни на йоту… Да и она на меня как-то горестно глянула… А вот раньше была… а раньше было… а раньше были…

В зеркало на себя, красивого, поглядишь иногда, и вспомнится сразу «Гусарская баллада» – «…Еще кузина передать велела, что в жизни не видала, пардон, противней рыла… И что усы, как мочала, торчат у вас…».

Зеркала редко врут, особенно по утрам. Оттуда на меня зачастую такая харя одутловатая да несвежая глянет, аж в сердце кольнет. Глаза бегают, во взгляде задняя мысль и суетливость читаются, щетина седая торчит безо всякой кокетливости. Так что же случилось со мной и той ни в чем ни повинной дамой – подругой бывших дней моих веселых? А ничего особенного… просто наступает «призывной возраст», как говаривал мой батя, старый солдат Григорий…

А ноне: теплое исподнее на зиму, кофеек без кофеина, без сахара и без кофе, коньячок, здоровье простаты, аллергии, ностальгия, сердчишко, внуки, клизмы, книги, правильная фильма, Брейгель, снотворное, слабительное, укрепляющее, Сведенборг, цекубское, Набоков, шашлычки, Лосев, пельмешки с уксусом, Бертран Рассел, икорка красная, японские стихи Басё, младые армиды и музы в виде платоническом и полупрозрачном, покой…

Ларс фон Триер, теплый плед, даосизма и буддизма, радикулит, удобный диван, пес (кот), минимальное присутствие жен (тещ), Кушнер, Жванецкий, свежий продукт с Привоза, мягкая

туалетная бумага, Булгаков, купание теплыя, морския (окиянския), удобные домашние тапочки, широкие трусы, еврейские праздники, Платонов, «Сталкер», рыба-фиш с буряковым хреном, Вивальди (Моцарт, Гласс, Бах), +20 Цельсия в спальне зимой, Окуджава, кондиционер и холодное пиво летом, «аппликатор Кузнецова», шерстяные носки, футбольчик по ТВ, старый удобный свитер, мозольная жидкость, Михалков…

яичница, Сокуров, сосиски, редкие телефонные звонки одного-двух оставшихся друзей, бедность, йога, лечебные грязи, Армстронг и Чарли Паркер, упадок сил, сибаритство, леность, жареная картошка с почеревком, теплый халатик, графика, хорошие фотки, Фассбиндер, сдобные сухарики к чаю, ночной колпак, теплый сортир с книжной полкой, Высоцкий, виды горы Фудзи, цветение сакуры, изящные досуги, уринотерапия, Лем, легкий поцелуй старой подруги (она же и бывшая пассия) в старую же (твою) небритую щеку, интернет, таблетки от давления, горчичники, банки, Борхес, мозоли, очки, Вертинский…

вставные зубы, сын собирается жениться на гойке, свежая брынза, страховки, травка «золотой ус», ничтожная пенсия, Метрополитен, подагра, витамины, здоровье детей (внуков), бармицвы, «Пинк Флойд», похороны, торт «Наполеон», Обама, селедочка «под шубой», диеты, поясница, глобальное потепление, подарки ко дню рождения, засорившийся унитаз, новые очки, Бродский, виагра, валокордин, Довлатов, совсем юная (40-летняя) новая сотрудница-разводка, странно ласково поглядевшая на тебя вчера, малосольные огурчики…

«Боржоми», фотки недавно (навсегда) ушедших друзей, поездка в Карловы Вары на «попить водички», порнуха, скупая слеза при слушании песен «Русское поле» и «Как молоды мы были», матрас потверже, далай-лама, холестерол, оральный секс, селедочка с картошечкой по воскресеньям, вялые попытки плясать в ресторане под «Хаванагилу» и «7-40», звон в ушах, дети не звонят, никто не звонит, пробки на дорогах, пробки в ушах, журнал «Плейбой», журнал «Домашний доктор», зима скоро, сквозняки, медитации, дыхание «по Бутейко»…

нельзя сладкого (нельзя жирного, соленого, жареного), Чехов, тыквенные семечки, «малые голландцы», сны про давно забытые

групняки, Андреа Бочелли, чалахачики, умение (увы, уже малопригодное) ловко расстегнуть на даме любой лифчик, впалая (жирная) грудь, поросшая седым мехом, Битлы, туризм (типа «все включено»), сидения на Фейсбуках и Одноклассниках, раздельное питание, бессонница, консерватизм, тай-чи, органические яйцы, могилы родителей в Одессе на Втором еврейском…

Трамп, «Форрест Гамп», либерасты, возрастная депрессуха, «Нимфоманиак», утренняя овсяночка, ныряния на мелководье с криками «Рая, смотри, как я купаюсь!», мишигасы, озарения, наплевание на диеты, травки бодрящие, слабящие и крепящие, нахес ин киндер, транссексуалы, бабуля Доротея, вялые пикировки на ФБ, кругом одни китайцы, холодные ноги, бессонные ночи, скептицизм ко всему на свете, да еще доктор Ли недавно брякнул: «День длится бесконечно, а жизнь – одну секунду»…

…и те же глупости, те же ошибки, снова те же влюбления и те же разочарования… и между ними наша пропащая, единственная, непостижимая, такая короткая жизнь…

Я ничего не упустил?

США

Анна Коренева

Три рассказа

Разговор с сыном

– Сынок, привет. Прости, мама задержалась на работе. А ты что, в группе один? Всех уже давно забрали. Ты скучал. Не грусти. Сейчас пойдем домой через спортивную площадку. Ну и что, мы ж темноты не боимся! Ты думаешь, что там уже никого не будет? А вот смотри – дядя Игорь! Помнишь, мы с ним в воскресенье гуляли в парке? Не хочешь, чтоб он был с нами? Нет, тебе показалось, он не целует маму. Он просто поправил маме шарф. Данила! Сынок! Прошу тебя, спускайся! Это очень высокая лестница! Хорошо! Хорошо я скажу дяде Игорю, чтобы шел домой. Нас не надо провожать. И встречать!.. Вот ты молодец! Спустился! Мама так волновалась! Ну все, побежали домой. Папа ждет.

– Сынок, просыпайся! В школу опоздаешь! Не хочешь вставать. Что у тебя опять болит? Почему я не верю? Мы же с тобой договаривались, если ты по какой-то причине не хочешь идти в школу, скажи мне честно. И я тебя оставлю дома. Не нужно придумывать себе болезни! Ну что сегодня? Не выучил географию? Вовсе не придирается к тебе географ. Игорь Васильевич хочет, чтобы каждый ученик знал его предмет. Ты думаешь, что к тебе особое отношение? Может, мне сходить в школу, поговорить с ним?.. Как думаешь?

– Сынок, ты не худой. Ты очень красивый, с пропорциональной фигурой. Да, я говорила, когда ты был чуточку полный, что ты вовсе не толстый. Как ты можешь мне после этого верить?! Ну я ведь обещала, что юношеский жирок уйдет – вот теперь ты худющий… В смысле, не худой. И не худощавый, а вполне нор-

мальный! И руки тоже. Да. И ноги!.. И пропорции спортивные сохраняются: плечи-бедра. И уши у тебя не торчат… как у мамы… Послушай, тебе двадцать лет! Сколько можно говорить об одном и том же? Я уже устала тебя убеждать, что у тебя идеальная внешность. Свете не нравится… А предыдущей девочке? Вот видишь…

– Сынок, ты считаешь, что я неправильно держу маленького? Могу уронить? Как тебе в голову такое приходит! Да когда ты был маленьким, я глаз не спускала на прогулке. И всегда вовремя за тобой приходила. Не то что Света… Нет, я понимаю – крестные, прическа, очередь, но должна же быть какая-то ответственность!.. Да не гуляла я с малышом долго. Мы дышали свежим морским воздухом. В коляске было тепло. Да, я проверяла. И это не посторонний мужик заглядывал к ребенку. Не бойся! Это мой давний знакомый. Он напомнил тебе кого-то? Да брось ты. Что тут такого? И ничего он не трется возле меня всю жизнь! Не преследует. Иногда мне кажется, что он меня любит.

Солнце в рюкзаке

Лето. Солнце. Жарко. На пустынной улице – цыганка. И ни одного шанса поработать. Вдруг – цокот каблучков откуда-то из-за угла.

Высоких стройных девушек раньше называли не моделями, а манекенщицами. И приглашали их для участия не в фэшн-уик, а в показах модной одежды.

– Манекенщица, манекенщица, – сказала цыганка. – Постой. Дай погадаю.

– Спасибо, не надо

– Скоро встретишь хорошего мужчину… но остерегайся людской молвы и дороги!

* * *

Прошло лет двадцать. Он приехал в ее город в конце лета. Рюкзак и солнце за спиной, фотоаппарат как продолжение руки и глаза. И старый город. Длинные тени на асфальте, прямоугольники белья, шифры патины на фасадах всплывали затем в его

фотоработах. Город напоминал ему о многом и нашептывал свои истории, пока еще неизвестные. Фотографу повезло встретить здесь единомышленников, ставших друзьями. Они показали ему свой город.

Пляж. Конец сезона. Небрежно собранные лежаки, пустые кафе, редкие отдыхающие. В центре внимания две фигуры – мужская и женская. Пара суетится возле брошенных матрацев: она то снимает куртку, то надевает ее снова, он пытается сфотографировать ее на фоне моря. Небольшая заминка фотографа – наготу модели замечают окружающие.

– Посмотрите! – доносятся крики пенсионерки. – Она голая!

Дорога домой. Мотоцикл несется по извилистой дороге. Рюкзак и солнце за спиной, фотоаппарат. Женские руки крепко держат водителя за талию. Ветер развевает волосы и уносит слова:

– Ты увозишь в рюкзаке наше солнце?

– Что?

– Ты вернешься еще сюда?

Он поворачивает голову, чтобы расслышать вопрос… И не замечает препятствия…

Дождь. Осенний вечер. Публика собирается на вернисаж последних снимков известного фотографа с уцелевшей в аварии камеры. У галереи мокнет цыганка, надеясь на заработок.

Чулан фантазий

– Расскажи мне что-нибудь о себе.

– Что ты хочешь знать?

– То, что не секрет. То, что можно.

– Ну, например…

– Что ты прячешь от меня в кладовке?

– Ничего. Я просто навожу там порядки.

– Расскажи мне что-нибудь о себе.

– Но мы давно знакомы. Ты почти все знаешь.

– Я не знаю о тебе ничего. Мне все интересно… Например, не хочешь ли ты поменять нашу жизнь?

– Есть план?

– Давай будем выращивать помидоры и продавать их на базаре. И будем счастливы.

– Но это летом. А что будем делать зимой?

– Любить друг друга и тратить деньги, заработанные в сезон.

– Прекрасная идея! Не боишься, что я соглашусь?

– Чего мне бояться, чего?

– Ну, тогда еще будем выращивать клубнику. И за каждый проданный на базаре ящик ты будешь покупать мне мороженое. Договорились?

– Давай ничего не ждать.

– Почему?

– Тогда мы получим больше.

– А мечтать можно? У меня для этого есть специальное место – комната фантазий!..

– Где она? Ты меня пустишь?

– Только если будешь в моем сне или в фантазии. Иначе туда никак.

– Ну, где ты? Поехали! Что ты вечно сидишь в этой кладовке?

– Порядки навожу…

– Надо торопиться. Базар уже открылся, клубника стечет.

– А ты мне купишь мороженое?

– Какое мороженое?! Поработать нужно.

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук

Отмычка Соломона*

Море было прозрачным и глубоким. Где-то под лодкой вдалеке виднелось дно. На дне плясали солнечные узоры, колыхались водоросли и степенно проплывали здоровенные рыбы.

– Никогда не видел такой прозрачной воды. Такое впечатление, что летишь по воздуху, – с удивлением сказал Петя, наклонившись через борт и глядя в воду.

– Да, странненькое место, – согласился Соломон.

Он не смотрел в воду, а изучал белые «буйки», которые все увеличивались в размерах.

– Мне кажется, что эти буйки сильно на людей смахивают. И двигаются они по воде, на чем, не пойму, и что-то делают, – продолжил он.

– Может, они нас поджидают? Ведь в нас чем-то кинешь – и мы уже на дне с золотом нашим. Вон и рыбы ждут.

Действительно, в глубине тени рыб стали мелькать чаще.

– Ничего, подплывем ближе – посмотрим, – решил Петя и погреб к ближайшей фигуре.

Вскоре стало ясно, что фигура – это человек, одетый в длинную белую рубаху до пят. На голове незнакомца была надета белая шерстяная панама с отвисшими полями. Длинные очень светлые волосы ниспадали из-под панамы на плечи. Лицо нежное, удлиненное, без бороды и усов. Так, что пол определить было затруднительно. Человек держал в руке удочку и ловил рыбу. Время от времени он вытаскивал леску из воды, смотрел на пустой крючок, делал несколько шагов босыми ногами по воде и опять

* Продолжение. Начало в кн. 64-72.

забрасывал свою снасть. На поверхности после его шагов расходились круги.

– Во дает! – сказал Петя. – На пустой крючок ловит.

– Нет, у него что-то не так, либо с головой, либо с ногами, – согласился Соломон, наблюдая круги на зеркально ровной воде.

Тем временем человек в белой панаме заметил лодку и побрел к ней, по воде, слегка покачиваясь. Подойдя шагов на десять, фигура остановилась, издав несколько довольно мелодичных трелей.

– Соломон, он нас за птичек принимает и хочет договориться, – толкнув директора локтем, прошептал Петя.

Рыболов тем временем, увидав недоумение мореплавателей, даже обрадовался и вполне по-русски обратился к ним:

– Так вы, наверное, люди, а не ангелы. Очень рад вас видеть. Тут, понимаете, люди бывают редко. Вот за последние две тысячи лет вы первые, – и без всякого перехода добавил: – У вас случайно наживки не найдется? Нас тут послали рыбки вон для тех наловить, – рыболов махнул в сторону берега, – а наживочки-то и не дали. Вот мы и маемся.

– Мы бы помогли, если б сумели, но у нас с собой тоже, кроме вот этого, ничего нет, – Петя показал сумку с золотом. – Богатство – оно конечно, но и с ним можно с голоду помереть, если у вас рыба не ловится.

– А ну, а ну? – рыболов подошел к лодке, засунул руку в мешок с золотом и вытащил на свет толстого красного червяка. Червяк был крайне удивлен и дико озирался.

– Так это то, что нужно! – обрадовался рыбак и, надев червяка на крючок, забросил снасть в воду.

Петя заглянул в мешок. Слитки золота кишели червями. Причем золота на глазах становилось все меньше, а червяков все больше.

– Наглядное превращение золота во что угодно, – сделал вывод Соломон, – загадочная субстанция.

Со всех сторон к ним подходили другие рыболовы. Все в белых рубахах до пят и босиком. А вот шляпы на них были разные. Некоторые были вообще без шляп, и ветер развевал их белые невесомые волосы, хотя Петя поклялся бы, что стоял полный штиль, и не было ни дуновения.

Подошедшие сначала пересвистывались, а потом вполне человеческим голосом просили наживку. Петя открыл сумку и поставил ее на дно лодки для общего пользования. Было не жалко. Как-никак золота там больше не было, а зато толстые красные черви так и кишели.

Петя с Соломоном, перегнувшись через борта, смотрели, как в прозрачной глубине вокруг наживки стали собираться большие желтые рыбы с красными и синими блестками. Рыбы пока присматривались. Им, наверное, тоже было в диковинку ловиться на крючок с наживкой.

– Две тысячи лет не ловленная рыба, – сделал вывод Петя, – совсем от рук отбилась.

И тут первая рыбина заглотала червяка, и клев начался.

Скоро у ног каждого рыболова прыгали, ударяя хвостами по поверхности воды, здоровенные толстые рыбины, похожие на желтых тунцов. Тот, что был в шерстяной панаме, подошел к лодке и попросил:

– Не могли бы вы нам лодочку одолжить, а то, того и гляди, улов опять на глубину уйдет?

– Улов в лодку, а мы на глубину? – поинтересовался Петя.

– Да ничего с вами не случится. Постоите с лодкой рядом, а потом дальше поплывете.

– Люди обычно на воде не стоят, – засомневался Соломон.

– А я попробую, – решил рискнуть Петя. – Один раз уже по воде ходили.

Он перекинул ногу через борт лодки и попытался стать на воду. Под ступней он почувствовал что-то мокрое, но достаточно твердое. Перенес вес тела на эту ногу, потом вылез совсем и стал на воду рядом с лодкой. Ощущение было такое, как будто стоишь в теплой луже на бетонном полу. Петя обошел вокруг лодки, оставляя круги на поверхности моря.

– Вылазь, Соломон, – все путем! – сказал он. – Что это такое, я не знаю, но ходить можно.

И Петя придержал противоположный борт лодки, давая Соломону возможность вылезти.

Соломон сел на борт лодки, свесил ноги и булькнул в воду, только круги пошли. Всплыв, он, ругаясь и отплевываясь одно-

временно, схватился за веревку, которая шла вдоль борта лодки, и попытался влезть обратно.

Оказавшийся рядом рыболов с развевающимися без ветра волосами нагнулся, подцепил Соломона под руку и посадил обратно в лодку.

– Уважаемый, по воде можно ходить только босыми ногами. Разве вы не знали? – объяснил он.

– Соломон, ну тебя же предупреждали, что обувь надо снять. За тобой не доглядишь – и все! И кердык тебе не в той, так в другой форме, – начал выговаривать Соломону Петя. – Снимай штиблеты и вылазь! Или ты хочешь быть с уловом в одном садке?

Вокруг лодки собрались белые рыболовы с первыми рыбинами. Соломон оглядел всю компанию недовольным взглядом, но все-таки стал расшнуровывать кроссовки.

Вскорости лодка до краев была полна живой, шевелящей жабрами рыбой. Два рыболова взялись за веревки и повлекли лодку к берегу. За ними потянулись остальные.

Соломон сначала с опаской ставил босые ноги на поверхность воды, но потом осмелел и с интересом разглядывал подводный мир у себя под ногами в изумительно прозрачной воде.

– Господа, а вы, собственно, кто будете? – поинтересовался Петя у идущего рядом с ним рыболова в большой соломенной шляпе.

– Какие мы господа! – вздохнул тот. – Ангелы мы, а Господь у нас один.

– Да будет Он славен во веки веков! – эхом отозвался другой ангел.

– А где же ваши крылья, если вы ангелы? – продолжал спрашивать Петя.

– Ну зачем нам крылья? Бестелесны мы.

– Но все ангелы с крыльями, вот строки Пушкина: «Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился, и шестикрылый серафим на перепутье мне явился», – вставил Соломон.

– Нельзя все понимать буквально, – с ангельским терпением стал объяснять ангел в клетчатой кепке. – Количество крыльев – это условность, показатель ранга ангела. Ведь есть

архангелы с тысячью крыльев. Представляете ангела, покрытого крыльями в несколько слоев? Вот и я не могу представить.

Вопрос оказался исчерпан. Петя был явно не готов беседовать о расположении множества крыльев на одном ангеле. Как-то никогда раньше не задумывался. Сейчас его больше интересовал вопрос о своем местоположении.

– Господа, простите, ангелы, подскажите, пожалуйста, мы случайно не на тот свет попали? – спросил Петя у окружавших его ангелов.

– Тот свет, этот свет – все вы усложняете, – меланхолично ответил ангел в кепке.

Ангел шаркал ногами по поверхности воды, что-то рассматривая в глубине и, казалось, вопрос его совершенно не интересует.

– Свет только один, и создал его Господь, – ангел ткнул пальцем куда-то в сторону, видимо, показывая, где этот создатель находится.

– Слава Ему во веки веков! – подхватили хором остальные ангелы.

– В одном месте этого света люди живут в телах, в других без тел. Потом опять в телах. И так множество раз, пока замысел о них не воплотится. А воплотился или нет, Он решает, – ангел опять ткнул пальцем, но уже в другую сторону.

«Или их там много, или один, но быстро перемещается», – подумал Петя.

– Так мы сейчас без тел – или как? – спросил Соломон, рассматривая свои руки и шлепающие по воде ноги.

– Вы пока в теле, и те люди, что на берегу, тоже в теле – вот им кушать и хочется, – ответил один из ангелов, – не отпускают их из тел. Не восприняли они душой проповедь Господа нашего (да будет Он славен вечно!), животы рыбой и хлебом набили и пошли своим путем, жить, как ранее жили. Вот пришли на этот берег.

– Так это они за свой грех страдают, а вы еще говорите, что ада нет.

– И ада нет, и греха нет, – скучным голосом подтвердил ангел, – все люди придумали. А есть мир и путь. И человек по нему идет. И путь этот он сам выбирает. Свобода воли у него. За что человек в трясине тонет? За то, что заповедь какую нарушил или

ногой оступился? А рай, как, впрочем, и ад, может быть и в теле, и без тела. Все от пути зависит. А мы, ангелы, волю Божию выполняем, и только. Нам сказали рыбы наловить, голодных накормить. Вот мы и ловим уже две тысячи лет. Как время пришло – вас к нам послали. Так-то!

Вот так, разговаривая о вещах сложных и запутанных, дошли ангелы с лодкой и путешественниками до берега. Берег уже кишел народом, по сравнению с которым египетская мумия среднего царства выглядела упитанной и жизнерадостной.

По дороге к берегу рыба, лежавшая в лодке, преобразилась. Она прямо на глазах высохла и даже просолилась. Кое-где на чешуе блестели кристаллики соли. Люди на берегу стояли по колено в воде и ждали. Видимо, вода их не держала. Ангелы стали бросать сушеную рыбу в толпу. Казалось, что каждую рыбину разрывают еще до того, как она коснулась протянутых рук. Люди ели впервые за две тысячи лет.

«Если не считать любителей побродить по катакомбам», – подумал Петя.

Наевшись, человек подпрыгивал над толпой, или что-то выбрасывало его в воздух. Затем начинал таять, поднимаясь все выше и выше, и наконец исчезал где-то в дымке над обрывом. Скоро лодка опустела, и на берегу никого не осталось.

– Вот и нам пора, – обратился ангел в шерстяной панаме к путешественникам. – Вы нам здорово помогли. Можем ли мы для вас сделать какое-нибудь доброе дело?

– Что вы, что вы, – забеспокоился Соломон, – уже познакомиться с настоящими ангелами – это для нас так много значит…

– Соломон, – остановил его излияния Петя, – видишь, люди спешат, простите, ангелы, – поправился он. – Извините, не подскажете, куда нам плыть, чтобы попасть на ту сторону? Очень нам надо.

– Конечно, конечно, – отозвался ангел в клетчатой кепке. – Плывите вдоль берега. Если кто-нибудь будет с вами из моря заговаривать – не отвечайте. Мало ли кто там может быть, – ангел сделал неопределенный жест рукой. – С берега в море будут прыгать свиньи. Они всегда так делают, давно так повелось. Прыгать-то они прыгают, но тонуть категорически отказываются. Вот

и плывут на ту сторону. Они там пасутся, а затем опять в море бросаются, чтобы утонуть, и плывут на эту сторону. Вот за ними и плывите. А нам пора. Труба зовет.

Ангелы стали превращаться в облака чего-то белого и хлопающего в воздухе. Как будто облако из тысячи полупрозрачных голубей взлетело над водой и растаяло в голубом небе.

– Видишь, а говорили, у них крыльев нет. Чем же они в таком случае хлопали? – спросил Петя.

Соломон ничего не сказал. Он только стоял в полном обалдении и смотрел на то место, где только что хлопало крыльями и исчезло ангельское облако.

– Ангелы, настоящие ангелы… – произнес он таким тоном, как будто эта истина дошла до него только что. – А говорили, что крыльев у них нет!

– Всем верить… – начал Петя, но тут он и Соломон провалились по пояс в воду, благо дело было возле берега.

Ковчег Завета

Воспоминания Соломона прервало легкое движение воздуха, и рядом с ним появился Менелик. Он был выше отца ростом и шире в плечах, настоящий великан, но темной кожей, тонкими запястьями и длинными пальцами рук походил на мать.

– Здравствуй, сын! – сказал Соломон, давая понять царевичу, что заметил его в темноте.

– Здравствуй, отец, – отозвался Менелик. – Зачем такая осторожность?

Соломон улыбнулся, вспоминая Македу.

– Сначала мы сделаем то, чему тебя учила мама, а потом поговорим.

Соломон с удовольствием слушал, как сын пропел слова для птиц, животных и насекомых. Смолкли цикады, с шумом взлетели и покинули сад птицы. Мелкие зверушки зашуршали в кустах, заволновался слон, но Соломон успокоил его. Затем Менелик отослал джиннов своей матери и посмотрел на отца. Но Соломон сам отправил своих джиннов прочь, не захотев, чтобы джинны,

обиженные самоуправством сына, потом ему пакостили в пути. Наконец они прослушали все вокруг и поняли, что ни в храме, ни в саду, кроме слона, нет живых существ.

– Я позвал тебя, сынок, чтобы поручить тебе важное дело. Завтра в полдень ты уезжаешь к матери и увезешь особо ценный груз.

– Но почему? Почему я не могу быть твоим наследником? Моя мать – великая царица. Я не глупее, не слабее, не грубее своих братьев. Я обучен искусствам и наукам, очень хорошо владею оружием, я понимаю язык птиц и зверей – почему ты гонишь меня?

– Не обижайся, мою страну ожидают трудные времена.

– Тем более, отец! Кто из этих неженок справится с бедой, если за них решают, когда им обедать и какой ложкой?

– Царевич Менелик, твоя миссия больше и важнее, чем править маленьким государством на перекрестке. Твоя мама говорила о Ковчеге Завета. Ты прошел уже все посвящения. Как я просил, ты постился и надел чистую одежду. Пойдем!

Они вошли в храм, и бархатная темнота окутала их. Темно, тепло и тихо было так, что Менелику показалось, что тело его исчезло. В руках у Соломона засветилась свеча, он поставил ее в подсвечник у входа, зажег вторую и с нею повел сына вглубь храма. Потолок терялся во тьме и до стен маленький освещенный круг тоже не доставал. Иногда из темноты выплывал узор каменного пола, или мерцающим огнем отзывалось золото росписи. Они шли долго, их шаги отдавались эхом, а за кругом света шевелилась тьма.

Соломон привел Менелика в небольшое помещение, достал из дубового сумрачного шкафа расшитое золотом облачение и стал надевать на Менелика, произнося нараспев молитву. Он надел на него пояс, покрывавший ему бедра вплоть до чресел, и нижнюю одежду из белого льна, а сверху облек в облегающую тело и спускающуюся до самых пят гиацинтовую одежду, обшитую кистями. На этих кистях висели, чередуясь друг с другом, золотые колокольчики и гранатовые яблоки: первые долженствовали служить символом грома, а вторые – молниями. Верхняя одежда прикреплялась к груди разноцветной повязкой, сплетенной из пяти лент тех же самых материалов:

золота, пурпура, багряницы, виссона и гиацинта, из которых были сотканы храмовые занавески. Из них же было сделано и наплечное одеяние, но золота в нем было больше, чем остальных материалов. Поверх него был надет золотой наперсник, украшенный двенадцатью драгоценными камнями с вырезанными на них именами двенадцати колен Израилевых, и перевязанный ефодом – поясом из тонкого льна, украшенного вышивкой. Голову он покрыл тиарой: она была из виссона, а сверху увенчивалась гиацинтовой тканью; вокруг нее шел еще один золотой венец, полностью закрывающий лоб, с вырезанными на нем священными буквами, именно – четырьмя гласными. Потом также с молитвой облачился сам.

– Сынок, ты должен всегда надевать на себя это облачение, когда подходишь к Ковчегу Завета, и тогда ты доживешь до глубокой старости. Нет никаких уважительных причин этого не делать, Господь ужасно карает святотатство.

Потом он взял Менелика за руку и повел к завесе, которая отделяла храм от Святая Святых. Помолившись у завесы, он ввел сына в Святая Святых. Ошарашенный Менелик с ужасом смотрел на отца.

– Господь благословил это решение, ты посвященный, и тебе быть первосвященником у Ковчега Завета. Запоминай все, учить тебя будет некому.

В свете свечи Ковчег таинственно мерцал, а лица ангелов на его крышке, казалось, наблюдали то настороженно и грозно, то благожелательно. Соломон подошел к стене храма и поднял с пола большой тяжелый ларец палисандрового дерева. Внутри ларца лежало семь пар ключей с большими причудливыми головками в виде сложных, словно кружевных крестов. По очереди он вынул семь ключей и вставил их в прорези крышки ковчега, причем никто бы и не заподозрил, что это замочная скважина, а не просто прорезной орнамент. Каждый замок отзывался своим тихим мелодичным звуком.

Соломон отложил ключи в сторону.

– Теперь Ковчег закрыт, и его можно открыть только всеми семью ключами сразу. Ты увезешь его домой и будешь хранить его в тайне. Никто, кроме твоей матери, не должен знать, что

он у тебя. Открывать его нельзя – он несет открывшему смерть. И приблизившемуся к нему с нечистыми помыслами он тоже несет смерть. Но придет время его открыть. Ключи останутся у меня. Но когда настанет время открыть Ковчег, к вам придут люди, каждый принесет по ключу. Чтобы вы их узнали, я отдам тебе вот этот ларец, в нем не ключи, а только головки к ним. Ты насадишь их на посохи, с которыми будут ходить священнослужители. Всякий раз, когда прибудет человек с ключом, вы сравните головки и поймете, что он отсюда. Сделай еще похожие посохи, береженого Бог бережет. Никто не должен знать, кроме посвященных, как выглядят настоящие ключи. И помни, мальчик, тебе дана великая власть и великая благодать, но только на хранение.

После этого Соломон отодвинул завесу и, сгибаясь от непомерной тяжести, они вынесли ковчег из храма. Менелик привел слона и велел ему опуститься на колени. С большим трудом они погрузили ковчег ему на спину. Потом они закутали ковчег полотнами и одеялами и обвязали его веревками с таким количеством узлов и переплетений, что распаковать его было немыслимо. Когда они закончили, на востоке небо начало сереть, и вдали первые птицы уже объявляли рассвет пронзительными трелями. Соломон выпустил сына через тайный ход, и Менелик словно растворился в темноте. Налетел и зашелестел листьями предрассветный ветер. Соломон произнес заклинание, и снова запели цикады. Он зябко поежился и пошел в опочивальню.

За три часа до полудня под барабанный бой из городских ворот выходил караван. Впереди каравана на вороной кобыле ехал Менелик в окружении придворных на белых лошадях. За ними, покачивая серыми боками, вышагивали слоны, нагруженные дарами и беседками, в которых сидели дамы и знать. За слонами выступали навьюченные верблюды. А за ними отряд вооруженных всадников, это были телохранители Менелика и старшие сыновья городских старшин. Замыкал шествие отряд огромных воинов на лошадях с копьями и луками. Горожане высыпали на улицу. Плакали женщины, провожая сыновей и дочерей в чужую страну. Мужчины, оглаживая бороду и покачивая головами,

рассуждали о том, что сын Соломона, конечно, должен исповедовать веру отца, но не велика ли жертва – столько знатных юношей из лучших семей и левитов отдать в чужие земли!

А на крыше дворца стоял царь Соломон и глядел вслед. Сердце его сжималось от гордости и горя.

Караван растянулся по дороге и переправился через реку. Соломон увидел, что Менелик спешился у холмов, и, как когда-то его мать, идет по траве, напевая и наигрывая на свирели.

«Напоите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я умираю от любви…»

Соломону показалось, что эти слова принес ветер.

Продолжение следует

192 слова

176 **Анатолий Горбатюк**
Вот так встреча!..

177 **Сергей Осташко**
О программе «Время» и брежневской конституции

178 **Виктория Коритнянская**
Ангелочек

179 **Алексей Гладков**
Гонки

181 **Евгений Перемышлев**
Стул деревянный одомашненный

182 **Наиль Муратов**
Не убивайте любовь

183 **Антон Семенюк**
Аппетит

184 **Эрлен Бейлис**
Кофе с молоком

Анатолий Горбатюк

Вот так встреча!..

…Я его заметил издали – он стоял на углу в ожидании зеленого света светофора. «Постарел Илюха, – подумал я, приближаясь к приятелю, которого не видел несколько лет. – Видимо, в Австралии жизнь не сахар. Он относительно молод – около шестидесяти, а морщин сколько, прическа поредела, только усы и бородка не изменились…»

Я приблизился к своему приятелю. Загорелся зеленый свет, Илюша ступил на «зебру», я пошел рядом.

– Привет! – заговорил я, предвкушая радость Илюши от встречи.

Он вздрогнул и буркнул:

– Привет!

Восторга я не уловил, но не удивился. Была у нас такая игра: когда приятель при встрече кричит «Здорòво!» – зевнуть и вяло ответить: «А, это ты…».

«Ладно, – думаю, – продолжим…»

– Что, старый козел, – заговорил я, – приехал и не позвонил?!

Молчит Илья, даже голову не повернул. Вот он – высший класс!

– Рад тебя видеть! – сдаюсь я. – Когда прилетел?

– Чего привязались?! – звучит незнакомый хриплый голос. – Отчепитесь! Нет у меня ничего!..

Поворачиваю голову и с ужасом обнаруживаю: это не Илья Баер из ансамбля «Бородачи» – совершенно незнакомый человек!

– Простите! – бормочу я. – Обознался…

Разворачиваюсь и иду – совсем не туда, куда собирался идти. Настроение отвратительное: назвал незнакомого человека старым козлом.

…Вечером звонит телефон.

– Привет! – раздается знакомый голос. – Илья Баер говорит. Утром прилетел из Сиднея. Когда встретимся?..

Сергей Осташко

О программе «Время» и брежневской конституции

Может быть, кто-то еще помнит, как в далеком 1977 году нагнеталась атмосфера в связи с брежневской конституцией. И довелось мне как раз в это время быть в Москве в командировке.

Выхожу я из метро, подхожу к бордюру, и вдруг рядом со мной с визгом тормозов останавливается серая «Волга». Из нее выскакивает мужичок с камерой и направляет ее на меня. Второй мужичок – с микрофоном – тычет мне его под нос и скороговоркой выпаливает:

– Извините, пожалуйста, программа «Время». Скажите, что вы думаете по поводу новой конституции?

Боковым зрением вижу, что на камере у первого зажглась красная лампочка, то есть я уже если не в эфире, то, по крайней мере, на видеопленке. Ситуация, как вы понимаете, абсолютно дурацкая. Скажу правду – посадят, скажу неправду – буду выглядеть идиотом на всю страну. И тут меня спасла кавээновская реакция. Даже не трехсекундная, потому что паузы между вопросом и ответом практически не было.

Весь диалог звучал так:

– Извините, пожалуйста, программа «Время». Скажите, что вы думаете о новой конституции?

– Я считаю, что новая конституция – это слишком серьезная вещь, чтобы о ней говорить в программе «Время».

У обоих мужичков отвисает челюсть, и я, насладившись этим зрелищем, продолжаю:

– Извините, я спешу, – и гордо удаляюсь.

Виктория Коритнянская

Ангелочек

Мы редко ходили на это кладбище. Оно было давно закрытым и запущенным. Но когда там бывали, бабушка всегда подводила нас к двум едва заметным холмикам.

– Здесь лежат мои сыночки, – говорила она, приостанавливаясь. Потом тяжело вздыхала и быстро шла дальше. А придя домой, долго молчала, хмурилась и сердито гремела кастрюлями…

Я приставала с расспросами. Вот что узнала.

Первый сын бабушки умер от туберкулезного менингита в девять месяцев. Второй – Витя – родился спустя год.

– Ангелочек! – в восторге шептала кума Люся, играя с мальчиком.

– А потом, – перескакивала бабушка, – было уже Вите два года. Я искупала его, рубашечку красную одела. А он вдруг как выгнется, как закричит… Доктора позвали. Тот с порога глянул – туберкулезный менингит… Мучился дня четыре… Кричал сильно… Как взрослый мужчина… Так кричал, что люди, проходя, крестили наши окна… А потом… – надолго замолкала она. – Под утро затих… Я заснула, а когда проснулась – он холодный уже… Люся сшила ему белое платьице, сколотили гробик. Лежал в нем… Такой красивый… Как ангелочек…

На кладбище несли на руках. Как в могилку опускали, не помню. Помню только, как Люся вскрикнула:

– Ангелочек!

И с неба полил дождь…

Алексей Гладков

Гонки

Монако. Гоночная трасса блестела после прошедшего дождя. Машины выстраивались на старте, занимая места по жребию. Рев моторов заглушал голоса. Периодически низкий басистый рокот учащался, переходя в завывание, – машины прочищали голосовые связки.

Раздался громкий гудок, и обслуживающий персонал быстро покинул место старта. Светофор над трассой загорелся красным. Гонщики напряглись. Желтый. Двигатели подняли голоса. Зеленый. Десяток машин рванули вперед!

– Здесь прямой участок – гони.

Стрелка тахометра поползла вверх, и машина быстро проскользнула сквозь впереди идущую пару.

– Отлично. Мы пятые. Впереди поворот.

Водитель сбавил скорость.

– Через двести метров еще поворот – обгонишь зеленого.

Вошли в поворот.

– Четвертые. Прямой участок – гони.

Медленно обогнали желтого и красного.

– Вторые. Остался только синий. Поворот. Сбавляй. Сбавляй! Черт!

Машину понесло, и она ударила о заграждение.

– Разгоняйся! Прямой участок. Нужно догнать синего.

Двигатель взревел, и машина понеслась. Габариты синего медленно приближались.

– Плавный поворот – не сбавляй. За ним финишная прямая.

Двигатель работал на полную.

– Есть! Первые!

Впереди показалась клетчатая полоса финиша.
– Отлично! Два сорок! Идем на рекорд!
Внезапно экран погас. Гонщики оказались в темноте.
– Мишка, что это?
– Свет вырубили.
– Черт! На рекорд же шли!
– Ладно, я домой – уроки делать.

Евгений Перемышлев

Стул деревянный одомашненный

Бабель, Исаак Эммануилович, именуемый далее «автор», охотно заключал договоры на создание художественных произведений (рассказ, повесть, роман, сценарий – нужное подчеркнуть), истребовал аванс, но произведение в означенный срок не сдавал. Договор пролонгировался, иногда, случалось, дважды, затем требование поступало в суд, назначавший судебного исполнителя для взыскания долга.

Судебный исполнитель являлся на квартиру Бабеля, Исаака Эммануиловича, именуемого теперь «ответчик», и описывал вещи из разряда тех, что не относятся к личным вещам (полотенце, зубная щетка, одна пара обуви) или к средствам производства (чернильница, вставочка, письменный стол). Стул некоторые судебные исполнители причисляли к средствам производства, тогда как другие считали: довольно и стола, а сидеть можно и на подоконнике.

Бабель, Исаак Эммануилович, вновь заключал договоры и вновь не возвращал авансы, отчего именовался то «автор», то «ответчик».

В конце концов вместе с кое-какой одеждой стул был описан и продан через особый склад-магазин. Купил его другой советский писатель, который знал, что за вещь он приобрел, и это грело душу.

Но тщетно он пытался сесть поудобнее у письменного стола. Стул то и дело взбрыкивал, лягался и норовил укусить седока за лодыжку. Даже как-то встал на дыбы, отчего седок рухнул, глухо ударившись о темно-горчичный, натертый жирной мастикой паркет.

Стулья тоже привыкают к хозяевам.

Наиль Муратов

Не убивайте любовь

Рассказывают, что однажды бесстрашный воин Самгон подъехал к дому Лао-Цзы. Гостившая у него фея Магу поинтересовалась:

– Что тебе нужно, смертный?

– Я хочу убить великого Лао-Цзы, – вежливо ответил Самгон.

– Зачем? – удивилась она.

– Поборов божество, я прославлюсь на века. Реке нужна вода, герою – слава!

– Учитель, я умею дарить жизнь, но не смерть. Что мне делать с этим смертным? – спросила Магу.

– Истинно мудр ничего не делающий, – сказал Лао-Цзы.

– Но он убьет вас, Учитель! – возразила Магу.

– Нет, если ты отдашь ему всю свою любовь!

Магу протянула Самгону красную розу, но он разрубил ее мечом.

– В сердце воина нет места любви! – гордо сказал он, а когда Магу протянула ему белую розу, то разрубил и ее.

Так он уничтожил десять роз, осталась одна – черная.

– Во мне больше нет любви! – заплакав, фея швырнула черную розу в Самгона.

Впившись в кожу колючками, роза туго обвилась вокруг его горла. Спустя минуту Самгон умер.

– Ты жесток, Учитель! – пожаловалась Магу. – Отчего ты позволил мне умертвить этого смертного?

– Не ты умертвила его! – сказал Лао-Цзы. – Это он убил любовь в своей душе, отказавшись от твоих роз. *А убивая любовь, человек убивает самого себя.*

Антон Семенюк

Аппетит

Сначала ты учишься правильно сделать стол, и с пятой попытки он получается. Потом накрываешь его яркой праздничной скатертью. Сервируешь столовыми приборами. Часть из них со временем придется убрать, некоторые навсегда. Но те, что останутся, – самые прочные! Дальше добавляешь бокалы, все больше и чаще для алкогольных. Появляются тарелки, на них еще тарелки и еще, и еще. Не все из них останутся не разбитыми. Появляются салфетки, чтоб убирать лишнее. Вдруг из кухни начинаешь чувствовать аромат вкусно приготовленной еды. Сначала он еле заметен, но с каждым вдохом ощущаешь его все лучше. Ты проголодался. Вот аромат уже такой, что терпеть голод нет сил. Но нужно ждать. Немного, но ждать. Это всегда так раздражает… Появляется постоянное желание есть. Что угодно. И ты ешь, ешь, ешь… Никак не можешь насытиться… Но тарелки пустые! Ты ел пустоту! И вот только после этого, наконец-то именно сейчас, и только сейчас, начинают приносить первые закуски! И ты готов! Готов ценить каждый кусочек и глоток! Начинаешь есть осмысленно, не оглядываясь, не смотря на остальных. Хочется еще, но ты не спешишь. Ты уже знаешь, что остальные блюда обязательно будут. Обязательно! И их будет так много, как захочешь только ты! Аппетит пришел! Приятного аппетита!

Эрлен Бейлис

Кофе с молоком

Я вам так скажу, без английского нечего по заграницам шастать. Ничего хорошего из этого не выйдет. Вот были мы как-то в Сан-Диего. Небольшой американский городок. Ни промышленности, ни дыма, ни гари. Воздух чистый, океанский. Дома не выше трех этажей.

Но я не об этом. Я о владении английским. Так вот сижу я как-то в баре гостиницы, где мы остановились, и наслаждаюсь вкусом местного кофе и видом прелестной молодой девушки с кожей цвета жареного кофе, стоящей за стойкой. Вижу, подходит к ней наш соотечественник: «Кофе с молоком!».

Красавица за стойкой пытается уточнить: «What is malakom?».

Наш земляк углубился в разъяснения: «Молоко!.. Корова!.. Доить!..». Каждое слово он произносил с какой-то вопросительно-восклицательной интонацией, надеясь, что она вот-вот поймет смысл такого простого понятия.

Американка внимательно вслушивалась в его слова, всматривалась в движения его губ, стараясь угадать его желание. Она затаила дыхание, отчего ее пышная грудь напряглась.

Громко, по слогам, отчетливо повторяя слово «До-ить!», он сопровождал его вертикальными возвратно-поступательными движениями рук, имитируя процесс доения.

И она поняла! В ее глазах загорелся огонек, она покраснела (вы видели, как краснеют афроамериканки?) и, опершись руками о стойку бара, спросила: «Ме? (Меня?)».

Я вышел из бара, чтобы совершенствовать свой английский.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Поэзия

186 **Евгений Ушан**
Иронические стихи

191 **Игорь Потоцкий**
Из разных тетрадей

196 **Наталья Казанкина**
Счастье это тишина

200 **Вера Калмыкова**
Прощай, риторика

206 **Леонид Якубовский**
Краткий поцелуй

Евгений Ушан

Иронические стихи

Новая Гвинея

В джунглях жил Маклай-Миклухо,
Книжки умные писал,
Мол, в Гвинее, там житуха,
В шоколаде стар и мал.

И еда там дармовая,
Нет ни тюрем, ни ментов,
Море, пальмы, попугаи
И девицы без понтов.

Но прислал дружок маляву,
Гонит твой Маклай понты.
Пусть еда там на халяву,
Но едою станешь ты.

Папуасам в кайф мокруха,
Каннибалят млад и стар –
Жаль, что помер тот Миклуха,
Не ответит за базар.

* * *

Возле моря, былины слагая,
Постигая словес глубину,
Я увидел, как дева нагая,
Не мигая, глядит на волну.

Может, хочет она утопиться,
Может, грех с ней случился какой,
И спросил я: – Скажи мне, девица,
Что ты ищешь в пучине морской?

Грустно молвила дева нагая:
– Я кольцо потеряла на дне,
На волну я гляжу, не мигая,
Может, что-то блеснет в глубине.

– Но зачем наготою ты манишь,
Сняв свой девичий скромный наряд?
Ты же все-таки, дева, не в бане,
В окружении юных наяд.

Дева глянула взором лучистым
И сказала, улыбку тая:
– Это, дедушка, пляж для нудистов,
Здесь все девы такие, как я.

Ох, лихие годины настали,
Мир в бесовский вертеп вовлечен.
Жаль, не дожил до этого Сталин,
Он бы вам показал, что почем.

Дева прыгнула в море с помоста,
Не стыдясь загорелых телес, –
Ах, как грустно, что мне девяносто,
Сам бы с нею плескаться полез.

* * *

Петров стихи писал по ночам,
Но ему не давалось это.
И он в Интернете рецепт скачал,
Как стать знаменитым поэтом.

Он выпил зелья полный флакон,
Но подвел Интернет Петрова –
В коня крылатого превратился он,
Типа, пегаса ручного.

Теперь на любой писательский слет
Его приглашают поэты.
Он машет крыльями и громко ржет,
Вдохновляя их на сонеты.

И даже критики любят его,
И кормят овсом пииты –
Но сам он не пишет уже ничего –
Мешают очень копыта.

* * *

Жили-были дед и баба
На околице села.
И на Спас несушку Рябу
Внучка с рынка принесла.

Срок пришел, снесла несушка
Им яичко на обед.
– Боже! – крикнула старушка.
– Чудеса! – воскликнул дед.

Всё в алмазиках горящих,
Словно солнце в витраже,
А на золоте блестящем
Надпись вязью «Фаберже».

Дед смекнул: да тут налички
Два автобуса и воз.
И на первой электричке
В скупку он яйцо отвез.

Только тут не пофартило,
Не туда дела пошли.
В розыске яичко было,
И дедулю замели.

И уже что было духу
На него кричит следак:
– Всё, старик, пиши чистуху,
Где украл, откуда, как?

Что толочь водицу в ступе?
Плачет бабка на печи,
Внучка в шоке,
Курка в супе,
А дедуля на кичи.

Понял, старый, в чем разгадка,
Только поздно горевать –
Яйца нужно кушать всмятку,
А не в скупку их сдавать.

* * *

Отчий край, девчата в вышиванках,
На воде краснеют поплавки,
Как отрадно, выйдя спозаранку,
Собирать бутылки у реки.

Месяц май, то свадьбы, то поминки –
Для бутылок самая страда.
Вот уже одна лежит в корзинке,
Вот блестит вторая у пруда.

Это вам, друзья, не трали-вали,
Грязь месить с поклажей на спине.
Мне медаль за труд дадут едва ли,
Но на пляшку хватит мне вполне.

А потом на пункте стеклотары,
От вина и солнца разомлев,
Разводить с соседкой тары-бары
Под могучей кроною дерев.

И балдеть, вдыхая понемногу
Ароматы скотного двора, –
Даль светла, природа внемлет Богу,
И дрозды свистят, как мусора.

Игорь Потоцкий

Из разных тетрадей

*

Я родился на улице Прохоровской – напротив сквера,
где в 41-м собирали евреев
и вели на расстрел, – день был бледным и серым –
а полицаи орали: скорее, скорее!
Били стариков по спинам и лицам,
женщин обкладывали трехэтажным матом,
и евреи вытянулись вереницей,
ангел смерти над ними повис совсем рядом.
Он, наверное, плакал, находясь над ними,
и сквер плакал, и ветер плакал осенний,
а колонна с будущими мертвецами
вытянулась на три километра.
Трехкилометровая эта колонна,
вытянувшаяся змеею без жала,
шла на убой тяжело, обреченно,
от безысходности вся дрожала.
Вот-вот заговорят пулеметы,
вот-вот покроют трупы овраги,
вот-вот глаза обреченных погаснут,
будто они – поминальные свечи.
Мой дядя Борис, моя тетя Роза
в этой колонне бредут на убой
и вырваться из нее слишком поздно,
и дым над ними пороховой.
…Потом мне скажут, что устали
евреи читать про войну и смерть,

что румыны совсем другими стали,
немцы совсем другими стали,
полицаев давно уже перевоспитали,
они выбыли из списков живых – их нет.
И только ангел смерти суровый
мне шепчет по ночам: не сдавайся – пиши!
В черновике кровоточит слово,
над сквером не летают голуби и стрижи.

Картинки из одесского детства

Моя бабушка Циля готовит чай,
добавляя айву на вкус.
А за окнами май, и ушла печаль,
а за ней побежала грусть.
И цветет сирень. И стоит ясный день.
Солнце в небе глаза слепит.
А у бабушки Цили так много дел,
и все сделать она спешит.
И на кухне сейчас настоящий бедлам –
там готовится вкусный обед.
Ах, за эту тюльку я жизнь отдам,
ее лучше на свете нет.
Ах, какой у бабушки красный борщ,
он на клоуна нос похож.
Этот борщ, разумеется, всем хорош,
а за окнами дождь-и-дождь.
И по стеклам капли, будто смешки,
и по клавишам жизнь течет.
Как обычно, бабушка ищет очки,
и мурлыкает песенку кот.

*

Вновь бабушка приходит поздней ночью
и говорит: – Тебе не страшно, Гарик?

Ты почему смеешься очень редко
и слишком мало пишешь, не пойму.
На бабушке потрепанная шубка,
у бабушки прекрасная улыбка,
она сейчас летит вдоль Молдаванки
и снова возвращается ко мне.
Попал я снова в детство. Так случилось.
Отринул много лет я, как философ,
а бабушка смеется совсем тихо
и что-то очень долго говорит.
Потом мы с ней гуляем Молдаванкой,
где все друзья кричат:
– Спокойней, Гарик!
И я уже спокоен, как картинка,
где дерево и больше ничего.
И я любуюсь деревом и морем,
и Молдаванкой, и от счастья плачу,
хоть раньше я не плакал никогда.
А бабушка уходит по ступенькам,
что сразу исчезают. Ее голос
пророчит мне, что снова буду счастлив,
а я иду со школы и смеюсь.

Одесса после дождя

Облако рисует сказочный город,
необыкновенный город у Черного моря,
а для его создания нашелся внезапный повод –
дождь отзвучал, нет печали уже и горя.
На улице Дерибасовской заполнены все кафешки,
дороги не имеют рытвин, только яркие краски.
И у этого города божественная усмешка,
будто у королевы из андерсеновской сказки.

*

Ты бежала по лестнице, самой крутой
и шумела травой, и звенела листвой,
и кружилась пластинкой, где ноты звучат,
но сегодня звучали они невпопад.
Ты – свеча, ты – огонь, ты – печали на слом
и когда остаемся с тобою вдвоем,
сто зигзагов судьбы проявляются вмиг.
Они – радуга в небе, я это постиг.
И волшебник приходит, он чуточку пьян.
Он роман дописал. Получился роман.
В нем сто строк о тебе. О тебе в ноябре.
А еще в том романе эссе о добре,
о светящейся линии наших удач.
Ты, смеясь, говоришь: не волшебник – трепач.
Я люблю трепачей, трубачей, сто свечей
и мерцание женских прекрасных очей,
а еще робкий взгляд – взгляд не ради наград,
обещающий мне снегопад, звездопад.
Я бегу за тобой, я весь полон тобой,
что шумела травой и звенела листвой,
пропадая, как тень, возвращаясь, как день,
предвещая всегда мне волшебную звень.

*

Вот сумерки с тобою говорят,
да и со мною. И непредсказуем
твой робкий взгляд, где светлячки горят,
где рисовать друг друга мы рискуем.
Невидимые облака скользят,
и звезды загораются, как свечи,
и я поверил: время раны лечит
сердечные неделями подряд.
В тех сумерках нет грусти и тоски,
когда строка, что чиркает, как спичка,
проносится, и дальше катит бричка,

и мы с тобою в сумерках близки.
В тебе славянки кровь, я – иудей,
и ветер возникает вдруг не резкий,
и я весь помещен в горсти твоей,
и бродит во мне долго дух одесский,
свои стихи слагая наугад
про маленьких собачек и котят.

Наталья Казанкина

Счастье это тишина

* * *

На берегу усталого зимовья
еще потянешь руку ко виску,
и облака, спускаясь к изголовью,
да облегчат и память, и тоску.

А ветер там твою не горбит спину,
а выпрямляет, силу дав и рост.
И вот уже и дочери, и сыну
ты промолчишь на взоры и вопрос.

И вот уже, свою ль весну встречая,
ты отдаешь им право на ответ.
И вот уже, тебя не замечая,
они идут, бегут, летят – их нет.

Два стихотворения

Е. Г.

Больные нервы – серебром,
тончайшим током, шоком, гарью.
Ах, где ты, где, приютов дом
над бледно-голубой эмалью!
Где только мертвая трава

большому солнцу в оправданье,
где только кажется – зима,
а оглянешься – мирозданье.
И руки вольные чисты,
и слезы сладкие прекрасны,
где пепел моря, да, и ты,
и ты, жива еще, причастна.

В. Г.

И каждый корень дерево само
И дерево уходит, прочь уходит
Вот комната, и вот она в трюмо
и зеркало различья не находит
К тебе деревья руки тянут здесь
И там деревья руки свои тянут
И все деревья
В этом смысл весь
и скрипа, и звучания упрямо
По осени считают медяки
последние
тебе
стеклу
деревьям
Последние звонки и сквозняки
И отраженье зеркалу: не верь им
И отраженье зеркалу само
прозрачная древесная завеса
Вот комната и вот она в трюмо,
без зеркала, без маленького веса

* * *

счастье это тишина о нем
полое заполненное целым
утро или вечер пред дождем
дождь и отражения на белом

тихо и обрывисто, легко
просто и ничем не принужденно
капли, поднимаясь высоко,
только опускаются бездонно

в угол совершившихся потерь
преломленьем бережного света
там, где начинается теперь
новое невидимое лето…

* * *

О. М.

На солнцепеке у ограды
с турецкой чашечкой пустой,
в ушах жужжание цикады,
что слух оттачивает твой,

блаженно так, так сиротливо,
задравши птичий хохолок,
высокомерно, горделиво,
ты остров мира, островок.

Ни ветер, порванный, плененный,
ни время зыбкого песка
не прикоснулись, обделенный,
и мировая скорбь, тоска.

И Каффа, звездная, ночная,
и втоптанный ногою ритм
в сухую пыль остатков рая –
разъединяет и роднит.

Как тяжелы твои приметы,
и как легки они теперь.
И столько моря! столько света!
Не захлебнись слюною, зверь…

Синие льды

1.

Но вспоминать о нас не будут,
ибо не узнаны идем.
Там снеговые тают путы
и леса стонет окаем.

От нас останется в итоге
роса, вплетенная в листву,
у наикрайнейшей дороги,
и не во сне, не наяву.

А осень вечна. Постоянство –
это великая судьба.
Какое долгое упрямство –
летит и падает листва.

Летит и падает, рождает
сухое ветрие зимы.
Но ни к чему не принуждает.
И вечны и свободны мы.

2.

любая боль когда-нибудь пройдет
когда-нибудь последней будет осень
и там где небо чертит долгий взлет
и далеко и бережно уносит
и там где свет во тьме неразличим
над тишиной склонившихся итогов
и там где сон и ветер лишь один
и там где так всего несметно много

стареет день, гранит теряет твердь
за красотою тихо ходит смерть
крыло птенца грубеет и растет
и тает лед
последний тает лед…

Вера Калмыкова

Прощай, риторика

* * *

А.М. Ревичу

Не знает никто, а ляжем в одну колоду,
и станет нас тасовать неуемный зодчий.

Дочка Дантеса свихнулась на почве любви к поэту.
Внучка Мартынова пожизненный срок мотала
в Тарханском музее (должность – зам по науке).
Директор совхоза представился: «Аракчеев».
«Бенкендорф», – инструктор райкома пожал дружелюбно руку.

Муромский антиквар, Ильи некровный потомок,
мне вазочку продал,
точь-в-точь такую,
как была в доме моего прадеда,
когда в Оршу пришли фашисты.
Может, это она и есть.

* * *

Так боязно решиться быть счастливой.
Какой же это труд – держать себя
на волоске и, чувств не торопя,
событьям разрешить ползти лениво.

Скрипят, кренясь, сердечные скрижали,
так мягок этот древний известняк,
что странно – не смывается никак
избитый текст о боли и печали.

А будущее – здесь. Оно на грани.
Закрутится немыслимый виток
и нежностью, накопленною впрок,
изменит абрис прежних начертаний.

Ты часть меня, живущая отдельно.
Недаром полюбило сердце ныть:
когда тоска – связующая нить,
порвав ее, разрушу облик цельный.

Сны не-Татьяны

1.

День за днем
сочиняется очень страшная сказка.
Захожу в лес,
иду вглубь,
тропинки, как водится, нет,
вокруг темне-
ет.
Из-за деревьев выходят ко мне
разные звери.
Некоторые ластятся,
иные рычат,
третьи кусаются.
Только это меня не касается.
Мне все равно.
Много деревьев,
разнообразен рельеф,
но мне что за дело?

Иду себе смело.
А чего бояться,
если не понимаешь,
зачем,
даже если идешь ночью.
Очень страшная сказка.
Очень.

2.

…бреду одна в лесу оледенелом.
Прозрачны ветви хрупкие, и солнце
сквозь тонкие ледышки ясно светит.
Я трогаю их пальцами – звенят,
но почему-то ни одна не тает.

Я в шубе, кажется, расстегнутой.
Дорога
ложится там, куда хочу идти.
И всюду ледяные ветви тонко
звенят и ломко бьются о лучи.

К чему бы этот сон
лет сорок снится,
а может, и поболе?
Не пойму…

Ответ

Алексею Ивантеру

Творенье не закончено, покуда
сочится речь, не вымирает чудь,
и с каждый мигом вырастает чудо –
ведь речью мир творится по чуть-чуть.

Когда сказался стих и свиток скатан,
ответ увидишь: в небе, далеко,
разбеленное золото заката –
как солнце, залитое молоком.

Ввинтиться глубже в смыслы вековые,
продлив цепочку, продолжать обмен,
хоть никогда не написать впервые:
«Кузнечик дорогой, коль много ты блажен…»

* * *

Попрощаться с тобой?
Вот еще не хватало!
Без того мне секунд
остается так мало,
мне с земли ничего
не забрать бы украдкой,
здесь бы вылюбить эту любовь
без остатка,
чтобы все, что она
вобрала и впитала,
растворилось бы в мире,
больном и усталом.

Я так много присвоила,
часто – без права,
что мне выбор – тюрьма
и надежда – отрава,
мне с долгами б успеть
расплатиться вчистую,
чтобы в час возвращенья,
звеня и ликуя,
улетать, ничего
не похитив отсюда.

Кроме этого чуда.

* * *

Сегодня день для этого стиха,
для протяженности его телесной.
Позволь ему родиться и вдыхать,
пускай продлится и воскреснет.

Прощай, риторика. Грамматика, прости.
Меня косноязычнее не сыщешь.
Но кто еще зовет его расти
и стать готов кровавой пищей?

Ведь только кровью насыщаются слова,
чтоб засверкать единственною гранью,
новорожденной сутью вещества,
простой, как жизнь.
Прозрачной, как дыханье.

* * *

Речь творить – это такая работа,
необходимая всем, не нужная никому,
штопка пространства, чтоб залатать пустоты.
Роковое счастье, я бремя твое приму,

чтобы речь тянуть, нарочно не видя края,
на пустоту обращать внимание перестав,
из молчанья слова доставая,
корявые буквы – из глубины листа.

* * *

Так хочется выдохнуть,
выкрикнуть, вы-
расти и сознанье тянуть наизнанку,
чтоб полною грудью глотнуть синевы –
наживку, насадку, ловушку, приманку.

И так невозможно на месте стоять,
толпиться, толкаться, слоняться без дела,
беречь про себя обжигающий яд
капризного, нервного, ломкого тела.

И так безответно, что ищешь вокруг
последний, предельный момент разрешенья,
какой-нибудь слабенький, хиленький звук –
иллюзию, видимость, призрак движенья.

И нет его, нет, хоть разбейся навзрыд,
и снова вовне убегаешь бессрочно…

Душа хладнокровно на месте стоит,
в себе обретая опору и точку.

* * *

Для каждодневного страданья нет мелодий,
напева нет для боли бытовой,
и не сочтешь, который шаг не пройден
Русалочкой – соломенной вдовой.

Какой ей смысл, освобождая сети,
самой все в тот же невод попадать,
в нем счастья нет как нет, покой запретен,
а возраста невыносима кладь.

И ей, безногой, только и осталось –
застыть во льду, от дела уклонясь,
ведь у живущих ветреная старость
пройдет быстрей, чем медленная страсть.

Леонид Якубовский

Краткий поцелуй

...

Все лето шпателями правлю стены,
Правилом бы вот так – да по судьбе…
Под штукатурной сеткой, под сатеном
Воспоминанья прячу о тебе.

Теперь все просто, пережить жару бы,
А к ночи дождь – слезами на престол…
И дождь стучит, как падают шурупы,
Летя из рук на деревянный пол.

Так просто быть не магом, а маляром,
Накладывая свет и тень в слои.
Играть земным или воздушным шаром
Без разницы искусству и любви.

Я забываю о тебе. Шлифую стены,
Чтоб сделать их подобием зеркал.
Под сеткой штукатурной, под сатеном
Твой образ я, как клад, замуровал.

...

Ничего нет вечного
В памяти планет.
Рая безупречного
Нет, и ада нет.

Святости и грешности
Небольшой урок.
Даже нашей нежности
Обозначен срок.

Ветра дуновение –
Веткой по стеклу.
Наша жизнь – мгновение,
Краткий поцелуй.

Красота печальная,
Чувствуя свой прах,
Нервно и отчаянно
Светится в руках…

И когда вселенная,
Кончив смертный бой,
Что и вспомнит тленное,
Думаю – любовь!

…

Облетают листья, словно чувства,
И ложатся в холод умирать.
В том и проявляется искусство –
Отдавая, ничего не брать.

Я теперь и сам не отгадаю,
Женщину любил или ее
Образ. Осень золотою данью
Платит за земное бытие.

Нас не станет, не устанет литься
Светом – звезд сияющая рать…
Облетают чувства, словно листья,
И ложатся в сумрак умирать.

Ан. Е.

Хотел бы тебе я устраивать отдых,
Снимая усталость твою, как рукой,
В кафе возле моря… А лучше на звездах,
В беседке хрустальной над синей рекой.

Ну, в общем, подальше от шума и мира,
За облаком белым, за света стеной –
Мы будем пить кофе, и звездная лира
Слезами прольется у нас за спиной.

Мы будем, забыв о печалях на свете,
Беседовать тихо, смотреть на луну…
А если прохладный подует вдруг ветер –
Я пледом колени твои заверну

И, если позволишь, возьму твои руки,
Дыханьем согрею, к губам поднесу.
Но ветра не будет. Не будет и скуки –
Покой и слова. И звезда на весу.

Из слов и созвучий, старанья и страсти
Тебе я придумаю лучший свой стих.
Мы будем смотреть на воздушные трассы,
Как звезды на землю срываются с них.

Мы скоро вернемся, допьем только кофе,
Примеряешь легкость небесную тут,
И снова земные дороги, как строфы,
Тебя от меня уведут, уведут.

…

Деревьев воздушные зимние кроны
Одеты в холодный прозрачный хрусталь,

И в воздухе города их перезвоны
Молитвенно льются, как чья-то печаль.

Искристыми ромбами или шарами,
Раскидистой вязью в сиянии льда
Горят лучезарно они перед нами,
В январские смело войдя холода.

Сверканье их звонко, горенье их нежно.
И в мех завернувшись, сквозь дрему душа
Так заворожено и так безмятежно
Все смотрит и смотрит на них, не дыша.

...

Она склонилась, задремала будто,
Остановив на телефоне тень руки,
И поняла, что ничего уже не будет –
Ни лета, ни ответов на звонки.

Летела ночь. И Будду золотого
В зеркальной пудренице видела она…
А телефон звонил из измерения другого,
Из долго снившегося сна.

И было ей спокойно. И горела
Над нею люстра темного стекла,
Но не могла она и не хотела
Признать, что этой ночью умерла.

Шахматы

Вот так на шахматной доске,
Построившись полками к бою,
Во всей отваге и тоске
Играли жизнью и судьбою

Народы, страны, племена.
Какие конницы летели!
Мелькали копья, стремена
Рвались, звенели стрел метели.

Тура брала полцарства в плен.
Подобно сумасбродству, бреду,
Жизнь королевы шла в обмен
На гениальную победу!

Плелись интриги там и тут,
И вмешивалось провиденье,
Любовь рождалась на лету
И умирала за мгновенье.

И трепетали короли,
И по сей день они трепещут
На шахматных полях земли,
Величьем тешась, точно вещью.

Первые шаги

212 Одесское «Море талантов»

Одесское «Море талантов»

Одесский литературный конкурс «Море талантов» в шестой раз собрал юных авторов. На конкурс было подано более 300 произведений: стихотворений, сказок, рассказов, отрывков из повестей и романов. Мы продолжаем представлять наилучшие работы участников, которые вошли в альманах «Море талантов».

Инна Ищук, член Национального Союза писателей Украины,
председатель Объединения детских писателей Одессы

Спартак Алиханиди, Черноморск

Украина

Какая же наша страна Украина?
Украина – это просторы.
Уютная хатка, рядом калина,
Леса, водоемы и горы.
Украина – как свечки, стоят тополя,
И статный колос пшеницы.
Украина – наша родная земля,
И летящая аист-птица.
И Днепр могучий гордо течет,
И синий лен зацветает.
В поле гречиха и просо растет.
И солнце в небе сияет.

Олеся Алиханиди, Черноморск

Апрель

Месяц наступил апрель,
Он сиренью пахнет!
Кто пойдет сейчас гулять –
От восторга ахнет!
И теперь понятно все же:
Раз пришел апрель,
Скажет нам любой прохожий:
«Началась капель!»
Тают длинные сосульки,
Капельки блестят:
Кто подальше, кто повыше –
Улететь хотят.
Птицы гнезда вьют, с отрадой
Щебеча вокруг,
Им совсем гвоздей не надо
И не надо рук…
Одуванчики, тюльпаны,
И нарциссы всех сортов,
И сирень, в цвету каштаны –
Вдохновляют нас без слов.

Андриана Бондаренко, Одесса

Одесса – пробужденье сказки

Мой город – это часть меня.
Одесса – география рожденья.
Мой город самый лучший для меня,
Для старта, роста, продвиженья.

Таланты славят город наш родной,
На всей огромной радужной планете.

Ты одессит, а значит, всюду свой,
Одессу знают хорошо на свете.

Бульвары, улицы, дома, дворы…
Люблю тебя, мой город дорогой,
Где одесситы на язык остры,
И где мне можно быть самой собой.

Скромны мои на улицах шаги,
Но верю – время вырасти поможет!
Меня своею силою зажги,
Путь покажи, возможности умножив.

Хочу я в жизни многое успеть!
Пусть заиграют ярче солнца краски.
И город мой, как прежде, будет петь.
Одесса – это пробужденье сказки.

Анна Скрипальщикова, Одесса

Светлячок

В преддверии стихийного волненья
Янтарной каплей лунного свеченья
Спустился кротко на мое плечо
Трепещущий пред бурей светлячок.

Холодный ветер плавно, не спеша,
Касался хрупких крыльев малыша,
А он тревожно путался средь кос,
Укутываясь бархатом волос.

Как уголек, вновь жаждущий тепла,
Душа желаньем пагубным смогла
В обидах отыскать былой уют,
Где принципы над разумом встают.

Пронзал до слез его несчастный вид,
Пока бедняжка вовсе не поник,
Я протянул к нему свою ладонь,
Однако, будто говоря: «Не тронь!» –

Он вспыхнул, отрекаясь от поддержки,
Все потому, что раньше был отвержен,
И понесли жучка неторопливо
В чужую даль воздушные порывы.

Хоть иногда неимоверно трудно
Нести предательств каменную груду,
Но хуже, коль не хочется любить,
Ведь без любви невыносимо жить…

Ян Омельян, Одесса

Беседа с котом

Сегодня дождь;
На улице печально.
Я смог помочь
Коту в своем дворе.
Я дал свой зонт;
Все было на заре.
Тот кот
Вгляделся в горизонт.
Он мне сказал:
– Все в жизни изначально,
Все изначально создано добром.
Но зло и тут, не дремлет враг лукавый.
Бессилен я вести войну со злом.
Закапали с дождем кошачьи слезы;
И навернулись слезы у меня.
Ведь даже кот с цветочками мимозы
Сказал мне правду всю сегодняшнего дня.

Люба Мельниченко, Одесса

Книжная страна

Книжная страна меня манит
И притягивает, как магнит.
То плывешь с Ассоль на парусах,
То паришь с драконом в небесах,

Вот, беседуешь с Экзюпери,
Пушкина читаешь до зари,
С Конан Дойлем пишешь детективы,
А с Некрасовым рисуешь нивы.

В сказке день у нас, словно миг,
Прочитать хочу море книг.
Книжная страна, ты прекрасна!
Пусть живет она, не погаснет!

* * *

Одесса бывает разная –
Веселая и праздная,
Простая и рабочая,
Смотрю на все воочию.
Тут в улице – сто улочек
И десять переулочков.
Вот вол железный – то трамвай бедняк.
И мы живем здесь как-то просто так.

Жилье здесь строят, тут дворы,
Театры дивной красоты!
Здесь шумный люд стекается на пляжи,
Спешит узреть приморские пейзажи…
Такого не найдешь, проедь полмира,
Одесса-мама, Южная Пальмира,
Жемчужина у моря – это ты!
Ты рай для детства, юности, весны!

Лев Белоконь, с. Нерубайское

Паровоз

Жил-был маленький паровоз по имени «Звездочка № 1». Он жил на станции возле города. Каждый день к станции приходили люди. Они садились в поезд и ехали в другие города. Паровозу нравилось кататься, перевозить людей. Он был веселым и жизнерадостным. А еще он был очень воспитанным и вежливым.

Но на станции не было ночных рейсов. «Звездочка № 1» боялся темноты! Сколько бы его ни уговаривали ехать ночью, он всегда отказывался. Поэтому люди, которые возвращались из другого города, должны были успеть на поезд до заката.

Однажды вечером, когда паровоз вернулся из другого города, он увидел на станции ребенка.

Все пассажиры вышли и разошлись по домам, а мальчик все стоял и ждал. «Звездочка № 1» спросил:

– Ты кого-то ждешь?

– Да, должна приехать моя мама, – ответил мальчик.

– Но все пассажиры вышли. Наверное, она не успела на поезд.

– А ты можешь вернуться за ней?

– Нет! Никуда я не поеду! – ответил паровоз.

– Ну пожалуйста, – попросил мальчик.

– Отстань! – крикнул «Звездочка № 1».

Но потом маленькому паровозу стало стыдно за то, что он так резко ответил.

– Извини, что я был груб, – застенчиво прошептал он. – Я просто очень боюсь темноты.

– Я тоже, – ответил мальчуган,– и еще я боюсь один оставаться дома. Давай поедем и найдем мою маму.

– Хорошо, – ответил поезд.

Маленький пассажир сел в поезд. Внутри было тепло и уютно. Он посмотрел в окно и увидел темноту. Поезд медленно поехал. Мимо проплывали поля, кусты и деревья. Ветер завывал, и казалось, что в темноте за каждым деревом прячутся монстры.

Мальчику было очень страшно, но он не плакал, потому что не хотел пугать и отвлекать приятеля. Паровозу тоже было страшно, но он не показывал этого перед таким смелым ребенком и все ехал и ехал вперед. Просто иногда, когда было особенно страшно, «Звездочка № 1» крепко зажмуривал глаза.

А потом они приехали и увидели на платформе маму мальчика.

Мальчик выпрыгнул из поезда и побежал к маме, а маленькому паровозу стало хорошо и радостно. И они вместе поехали домой.

Паровоз бежал, весело подпрыгивая, насвистывая песенку, и ничего не боялся.

Антонина Белоконь, с. Нерубайское

Дерево с большими ушами

Жил в лесу на опушке Дуб, и у него были большие уши. Он мог слышать все, что происходит в лесу и за границей леса. Его уши могли услышать разговоры на несколько километров вокруг. Но жители леса его не любили, потому что он подслушивал чужие разговоры и сразу же рассказывал их. Он был сплетником.

Однажды заяц по имени Быстроног подвернул правую лапу, а зайцы гордились своими лапами и считали, что заяц с подвернутой лапой – это не заяц. И когда он пробегал мимо Дуба, тот закричал на весь лес:

– Что, лапу подвернул? Бегать не можешь? Хромой заяц!

Ничего не ответил Быстроног, а только похромал прочь. Но с того дня не разговаривал с ушастым Дубом.

В этом же лесу жила лисица. Она была доброй, приглашала цыпленка в гости, играла в своей норе, а потом провожала его обратно на ферму. Лисица дружила с цыплятами и зайчатами, но боялась, что кто-нибудь узнает об этом.

– Ха-ха! – смеялся Дуб. – Лисица играет с цыпленком, а потом относит его на ферму, даже ничего плохого не сделав ему.

– Не лезь в чужую жизнь! – сказала лисица и убежала.

А Дуб все продолжал сплетничать и выдавать чужие секреты.

Скоро никто не хотел разговаривать с этим деревом. Жители этого леса приняли решение построить высокую и толстую стену вокруг этого дерева. Они выбрали лучших бобров-строителей и начали строить. Строительство стены было окончено через месяц. Жителям леса стало жить легче без сплетен и наговоров.

А Дубу за высокой и толстой стеной стало скучно: он ничего не слышал и не мог никому ничего рассказать. Его уши потихоньку сохли, а потом совсем отвалились.

Семен Моргенштерн, Одесса

Ковер

Однажды я ехал в пустыню Гоби…

По Монголии я ехал поездом, по пустыне на верблюде. И вот я увидел перед собой небольшую «деревню» из шатров. Меня встретил очень вежливый пожилой монгол и провел в один из шатров. Шатер меня поразил! Он был очень нарядный, весь устлан коврами, но не на полу, как вы могли бы подумать, а наверху, вместо крыши, и по стенам вместо обоев. Внутри было очень уютно, по-домашнему. Меня угостили горячим чаем и предложили прогуляться по пустыне. Я радостно согласился и пошел за монголом. Шли мы довольно долго, не знаю, как это получилось, но я отстал от моего спутника, стал искать его повсюду и не находил. Я шел назад, но ничего не указывало мне на то место, где находились шатры. Было жарко, и я довольно прилично устал. Вокруг простирались только желтые пески.

Я почувствовал, что хочется пить, а воды с собой не захватил. И вдруг вижу вдалеке небольшой зеленый оазис. (Кто не знает, что такое оазис, я расскажу. Оазис – это такой маленький островок посреди пустыни, где можно выпить воды из ручейка и отдохнуть под раскидистой пальмой.)

Вижу и радуюсь, что будет мне и питье и отдых. Я бежал из последних сил под палящим солнцем. Но не тут-то было. Подбежал я к оазису, а он пропал… Упал я в обморок… Очнулся – и первое, что вижу, – ковер. Ковер на стене.

Так это же бабушкин ковер! А я дома! Лежу на диване, и глаза мои смотрят на такой родной, знакомый мне с детства ковер.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Искусство – жизнь – искусство

222 **Александр Мардань – Виктор Ерофеев**
«Вся культура – это борьба с энтропией...»

239 **Валентин Максименко**
Чайковский, Одесса, автографы

245 **Галя Маркелова**
То, чему нужно учиться всю свою жизнь

250 **Белла Верникова**
Пришедший из забытья писатель и драматург
Семен Юшкевич

259 **Евгений Перемышлев**
Остролябия, сиречь – феодолит,
и антоновское яблоко весной

267 **Анна Михалевская**
Все начинается с тишины

270 **Леонид Авербух**
Одесские музы поэтов

290 **Евгений Голубовский**
Вслед за классиками

291 **Владислав Кураш**
Трогательная история одной огромной любви

294 **Елена Шевченко**
Джаз: времена года

Александр Мардань – Виктор Ерофеев

«Вся культура – это борьба с энтропией...»

Драматург, заслуженный деятель искусств Украины Александр Евгеньевич Мардань беседует с писателем, литературоведом, теле- и радиоведущим Виктором Владимировичем Ерофеевым.

М.: – Виктор Владимирович, среди прочих наград вы награждены орденом Искусств и литературы в 2006 и орденом Почетного легиона в 2013 году. За что вы эти ордена получили, и что в вашей жизни значит Франция?

Е.: – В одном из рассказов, который так и называется, «Орден Почетного легиона», я представил реакцию моих родителей. Они к тому моменту уже умерли, хотя жили долго и красивой жизнью. Они умерли, а я получил орден. Папа бы мой сказал: «Тоже мне, дали орден, ему уже давно пора было дать, столько много он сделал для Франции. Там была история французской послевоенной литературы, даже маркиза де Сада представил. Первое эссе его на русском языке, до этого не было». Папа к этому бы отнесся как к запоздалому явлению, запоздалой награде. А мама бы сказала: «Странные французы. Почитали бы, что он пишет, никогда б тогда он этот орден не получил».

Мне французы, когда я получил орден, сказали: «Мы живем таким образом, чтобы этого ордена не получить».

На что я сказал: «Ну, я, наверное, так же живу, чтобы ничего не получить в России». Ничего и не получил в России.

Орден Почетного легиона – наверное, самый крупный в мире. Даже Битлз и другие великие музыканты этим орденом хвастаются. Считается, что выше его нет. Это международный орден, учрежден еще Наполеоном. Но для меня он главным образом це-

нен тем, что я получил вместе с ним такую карточку, которая дает мне возможность спокойно ездить по Европе без всяких виз. Так что в этом смысле украинцы вот только что меня догнали.

М.: – Часть вашего детства прошла во Франции. Отец был дипломатом, работал в Париже. Расскажите немного об этом. Какое влияние Франция и время, проведенное там, на вас оказали?

Е.: – Огромное влияние. Даже климатическое. Я приезжаю в Одессу, и для меня белая акация и платаны – это встреча с детством, встреча с жизнью. Осины и березы как-то так и остались у меня где-то на заднике. И потом, мы жили во Франции второй половины 50-х годов, это была поразительная Франция, Франция возрождения. Прекрасная литература, Сартр, Камю. Я был знаком с Луи Арагоном. Это была невероятная Франция – по своему духу, ценностям, по своему вкусному эстетическому чувству. Они одинаково вкусно делали сады, сажали цветы, вкусно ели.

А еще – мне было тогда десять-одиннадцать лет – меня невероятно тянуло на марочный рынок на Елисейских Полях. Коллекционирование марок в Москве – это подворотни, барышники, криминал. А там во всем размахе были представлены марки всех стран, и возникало ощущение, что ты как-то входишь в систему всего мира.

Мы ездили на Каннский фестиваль. Я познакомился с Пикассо – в местечке на юге Франции в ресторанчике, – он даже разукрасил рисунок моей пятерни.

Из-за этого я не смог стать советским человеком.

Парадокс заключался в том, что мой папа, советник по культуре, признался в этом позже, но я об этом знал – он возил чемоданами деньги для французской компартии и передавал их через Пикассо – якобы покупали картины. На самом деле везли черный нал. И это все было для того, чтобы разрушить прекрасную Францию, чтобы пришли коммунисты или чтобы просто ослабить ее. А с другой стороны – и мама, и папа, и я, и брат, который родился во Франции, – мы настолько пропитались Францией, что без нее никак не могли обойтись.

М.: – Вы учились во французской школе?

Е.: – Нет. Это мой брат учился. Во французской школе было запрещено учиться детям дипломатов, а вот детям журналистов можно было. Так что я учился в маленькой советской школе возле Булонского леса.

М.: – Виктор Владимирович, конечно, Украина не может занимать в вашей жизни такое же место, как Франция, но все-таки расскажите – что для вас Украина вообще и Одесса в частности?

Е.: – Украина как раз занимает достаточно большое место в моей жизни, даже в частном порядке. Потому что у меня первая жена – полька из Варшавы, вторая жена была из Черновцов, семья их жила в Феодосии, третья жена русская. Видите, как я откатываюсь на восток, – наверное, скоро будет японка.

Но если говорить всерьез, моя дочка Майя Викторовна Ерофеева наполовину украинка, и все мои издатели западные смеются, потому что запомнили фразу немецкого издателя: «Как она на тебя похожа, но при этом такая красивая».

Она, естественно, каждый год ездила в украинский Крым, и вообще, ходит в украинское посольство голосовать со своей мамой, мама поддерживает связи с Украиной.

Так что в частной жизни это был большой кусок, десять лет. Мы строились на берегу Черного моря, в Коктебеле. Приезжали и сюда, были на Западной Украине.

Моя любовь начиналась с частной жизни, а потом я увидел, что страна интересная, красивая, яркая.

Я открыл для себя красивейшие места деревенской части Западной Украины.

Бруно Шульц жил и был убит в Дрогобыче. Я как раз писал о Бруно Шульце – как о писателе, который превратил своего отца в бога, и бог явился ему в форме отца. Такая вот история, связанная с еврейской культурой, польской культурой и патриархальной вообще. Для меня это было очень важно, и Бруно Шульца я до сих пор очень люблю.

Что касается Одессы – первым впечатлением было то, что меня здесь обокрали цыганки. Я поднимался по Потемкинской лестнице, они подошли погадать, и я почему-то решился.

М: – Видимо, вы поддались гипнозу.

Е.: – Наверное. Они украли у меня всё, все деньги. Карточек тогда не было, я остался без денег в чужом городе. Но тут ко мне подошел какой-то одессит, с которым мы потом долгое время общались, он снабдил меня деньгами, я смог улететь в Москву.

Город, конечно, с самого начала производил очень сильное впечатление, хотя был в лохмотьях. Сейчас он гораздо лучше выглядит. Мне красота Одессы напоминает объективную красоту Парижа или Петербурга. Она как красавица, которая не требует особого внимания.

М.: – Которая не торопится замуж.

Е.: – Она может вести разгульный образ жизни, но она знает, чего хочет. Я здесь живу в Лондонской гостинице, в номере Луи Арагона. Я знал его по Парижу, теперь он умер уже. Получается, что все закольцовывается. Так что все правильно. И получается, что Одесса втягивает в себя для того, чтобы каким-то образом осуществить мечту теплого климата в ближайшем пространстве. Одесса это Средиземноморье, безусловно. Здесь люди говорят на том языке, который для меня является рабочим языком, это мой, что называется, трудовой язык. И с другой стороны, люди в целом очень доброжелательные, гораздо более мягкие, чем у нас в России, где борьба за существование очень жесткая.

Так что Одесса меня притягивает и ничем не разочаровывает, а видите, началось все с ограбления.

М.: – Наверное, самый известный из живущих ныне одесситов, Михаил Михайлович Жванецкий сказал, что история России это история борьбы невежества с несправедливостью. А с чем вам в жизни больше приходилось бороться?

Е.: – Надо сказать, что невежество это не русское понятие. Вообще, сейчас в мире эпидемия глупости, и она распространяется со страшной скоростью. Она исходит из разных стран.

Англия, которая всегда считалась цивилизованной страной, сейчас проголосовала за выход из Европы, что абсолютная глупость, со всех сторон глупость.

И понятие демократии, которая давала возможность людям быть свободными и чувствовать себя личностями, – вырождается, превращается в невежество. Потому что большинство никогда не может быть право. Если бы большинство было право, мы бы до сих пор считали, что Земля это центр Вселенной, и вокруг нее Солнце крутится. Мне страшно подумать, но говорят, что 20 процентов населения России считают, что так и есть, что Земля центр Вселенной.

М.: – Помните, «сверстник Галилея был Галилея не глупее. Он знал, что вертится Земля, но у него была семья».

Е.: – Да, это Евтушенко. В данном случае он сыграл в либеральную игру. На самом деле тут больше, тут рушилось все представление христианской теологии о мироздании. Если Земля просто болтается в небе, где же наш бог, и так далее. Евтушенко все-таки тогда больше работал на оттепель, чем на философию. Так что невежество не чисто русское явление. И во Франции тоже. Они, правда, сейчас одумались. Я туда езжу часто, живу там время от времени. В Нормандии, например, более половины людей верили в Марин Ле Пен, которая тоже развалила бы Европу, как это сделали англичане. Это чудовищная глупость.

Что касается несправедливости – дело в том, что в каждой стране свое понятие справедливости.

Русское понятие справедливости сильно отличается от английского, если брать в классическом варианте. Или от японского. Здесь бы я так не спешил. У Жванецкого это красивая фраза, но она, честно говоря, ничего не определяет.

Справедливость русской соборности, православной, она как раз заключается в том, что местоимение «мы» важнее местоимения «я». Но пойди с этим к французу – и он тебя высмеет, потому что для него «мы» – исключительно тогда, когда объединяются в борьбе за повышение зарплаты или за то, чтобы не было каких-то глупостей сделано мэрией или страной, а главное – это «я». И если в русской системе ценностей государство важнее человека, то в западной – человек важнее государства, и давайте спросим, где тут справедливость. Понятное дело, что справедливости мы никогда не найдем, потому что это разные системы ценнос-

тей. И если мы возьмем японский вариант, то это будет совершенно не связано ни с западной системой, ни с нашей.

М.: – Мне показалось, что его мысль заключалась в том, что когда приходят более справедливые, они менее компетентны. Когда приходят более компетентные – они менее справедливы. Наверное, он имел в виду это противоречие. То, что мы, может быть, наблюдаем в Украине. Те крайности, которые привели к революции Достоинства, отошли на второй план, но совершается множество ошибок. Именно в силу некомпетентности тех или иных людей, которые пришли.

Е.: – Знаете, когда мой польский друг Стефан Меллер, после того как был послом в Москве, стал министром иностранных дел, мы продолжали дружить. Однажды мы сидели в ночном баре в Варшаве, где он уже прятался от людей, потому что был узнаваем, и я его спросил: «Стефан, скажи, пожалуйста, вот ты видишь сейчас президентов, министров – кто в Европе умные люди, и есть ли они, те, кто знает стратегическое назначение Европы?». Он сидел-сидел, думал, потом ответил: «Да, есть один, в Люксембурге». Поэтому, мне кажется, то, что происходит здесь, в Украине, – конечно, по-русски надо говорить «на Украине», но я уже настолько наслышался, что надо говорить «в Украине», так и говорю теперь – так вот, это миф о Европе… Как мы берем миф о Японии или Китае. Реальность никогда не соответствует мифу. Но идти в Европу надо обязательно, другого пути нет, и мы в какой-то момент тоже придем. Хотя мы сейчас делаем ровно противоположные шаги.

Не надо думать, что Европа компетентна и находится в своем расцвете. Наоборот, она сейчас находится в состоянии опустошенного чердака. Метафизика ушла из Европы. На чердаке не живет бог.

Могу вспомнить польский пример. Поиски примера очень важны для наших стран.

У меня была передача, беседа с самыми интересными людьми мира. И я для начала сделал с Вайдой, потому что мы дружили. Анджей – представляете, вот европеец был – он предложил мне написать сценарий о Катыни, где его отец был расстрелян. Мне, русскому писателю. Не поляку, не французу, не американцу, а мне.

Но там было все настолько радикально, что продюсеры его решение не приняли, хотя некоторые вещи, которые я разработал, остались.

Вайда, один из самых сильных режиссеров XX века, хотел сделать фильм о хорошем Сталине по моей книжке. Тоже не получилось.

Когда мы встретились с Вайдой на этой моей передаче, за год до его смерти, он сказал: «Знаешь, Польша сохранила себя как Польша благодаря католической церкви, потому что во время немецкой оккупации церкви помогли сохранить полякам достоинство».

Теперь для Украины это слово звучит тоже важно.

Утрата метафизики, утрата тех абсолютных ценностей, на которых стояла Европа еще лет 30-40 назад, разрушение их, это очень опасно.

Вы не в пустоту идете, вы идете в классическое представление о Европе. И не удивляйтесь, что вас там встретят не те тени, на которые вы рассчитываете.

А с другой стороны, почему здесь должны прийти компетентные люди? Где вы их тут нашли?

М.: – Как когда-то говорил, не к ночи будь упомянутый, товарищ Сталин: «А других писателей у меня для вас нет». Нет других деятелей, нет другой Европы.

Е.: – Распад христианства европейского это довольно болезненное явление, с другой стороны – и не удивительное. Потому что символы, которые характеризуют эту религию, безнадежно устарели. Эти символы ушли на пенсию, как ушли греческие боги. Мы же не можем сказать: «Верните нам их». И Христос тоже уходит. Потому что соединение современного мира с метафизикой христианства очень трудно. Если все это отдавать в руки символизма, то слишком много символизма. А буквально с этим справиться трудно. Получается, что этот металл разрушается естественным образом. Значит, должна прийти новая религия, глобальная религия, которая принесет те символы, с которыми мы сможем согласиться, так же, как греки согласились с христианскими символами, когда их боги оказались слишком мате-

риальными и человекоподобными. Так что мы сейчас в ожидании будущего бога. Как в Древней Греции стояли памятники неведомому богу.

М.: – Но Федор Михайлович утверждал, что людям не нужен бог, людям нужны гарантии. «Дайте людям гарантии – и вы станете для них богом».

Е.: – Это он насчет Великого инквизитора говорил. Здесь как раз Достоевский лукавил. Поскольку я писал диссертацию о Достоевском, то позвольте разъяснить. Он совершенно справедливо говорил о том, что католическая церковь превращается во властную структуру. А властной структуре нужен не бог, а только понятие власти. Надо сказать, что у нас православие еще больше превратилось во властную структуру, прямо у меня на глазах. Поэтому его выпад против христианства был нелеп, так как любая религия, приближаясь к власти, обретает властный кулак. И бог уходит на другой план.

Я помню, когда мой друг Дима Киселев был либеральным мыслителем, я у него был на передаче по поводу религии. Тогда вот только-только поднималась волна православия, в студии сидели религиозные деятели и говорили, кому должна служить церковь православная. Рассуждали, разные варианты были. Я сказал: «Как кому? Богу, конечно, кому ж еще?». И это было как откровение.

Так что совершенно здесь не обязательно с Федором Михайловичем договариваться. И потом, Федор Михайлович находился как раз в таком историческом периоде, когда вера утрачивалась в России. У него в «Бесах» Шатов как раз ловит бога, как зайца, за задние лапы. Достоевский очень жестко об этом пишет. «Если докажешь, что истина принадлежит не Христу, то я все равно пойду за Христом, а не за истиной». И эти слова можно считать лозунгом XX века тех людей, которые тоже сомневались, но, тем не менее, понимали, что с Христом можно как-то справиться в плане морали. А сейчас этот постмодерный распад заключается в том, что все становится относительным, но это как раз хорошая почва для принятия идеи ожидания нового бога. В Древней Греции стояли памятники новому богу, о чем Плотин писал, в конце концов он и пришел.

Сейчас в Америке говорят: «Если тебя пригласили в гости, и ты во время обеда стал рассуждать о боге, то тебя больше не пригласят». Потому что это ни к чему.

Все эти системы плохо отточены, мы блуждаем в потемках. Но, в конце концов, если человечество хочет дальше продолжать жить, нужна такая закрепительная религия. Неизвестно, когда она возникнет и где. Может, в Калькутте. Или у каких-то наркоманов в Гарлеме. В конце концов, христианство, как известно, зародилось среди таможенников и рыбаков.

М.: – Горький когда-то называл писателей инженерами человеческих душ. Вы в одном из своих интервью говорили, что считаете себя стоматологом, который занимается проблемами души, лечит черные пятна, удаляет зубы без боли. Есть еще определение, что писатель – не тот, кто пишет, а тот, кого читают. От вас я слышал, что писатель – тот, кто находит нужные слова и расставляет их в правильном порядке. Какое, на ваш взгляд, сегодня наиболее точное определение этого понятия?

Е.: – Писатель это такое подразделение общего культурного потока. Давайте лучше зададимся вопросом, что такое культура. Я для себя определил, что это борьба с энтропией. Мы ехали с вами по Одессе, и энтропия была видна – осыпающийся ракушечник и прочее. Чем должна заниматься культура? Решать вопросы, чтобы не развалились эти дома. И это в разных проявлениях – это связано с личностью человека, с личностью президента. Чтобы и он тоже не падал от глупости своей. Это не кулачная борьба, а оказание сопротивления и поиск выхода. Если есть творение, есть и антитворение. Если ты включаешься в борьбу, то становишься со-творением. Вся культура – от газонов английских и цветов, и заканчивая Достоевским или другим великим писателем – это борьба с энтропией.

Энтропию можно побеждать энтропией.

Например, роман Кафки «Замок» – это абсолютная энтропия. Но, читая, ты лучше понимаешь, что такое энтропия, и стараешься этому не подвергаться.

Что касается слова, то здесь я бы сказал так: если журналист является мастером слова, то писатель – раб слова. Писателю надо

выпустить слова на свободу. Эта теория находит подтверждение у каждого интересного писателя. Но проще всего сформулировала Цветаева: «Поэта далеко заводит речь». То есть не поэт заводит речь, а поэта. Он открывает возможность слову самопроизводиться. И тогда слово становится более значимо, чем он, и тогда что-то получается с литературной тайной. А журналист берет слово под уздцы, как лошадь, и ведет от пункта А к пункту Б. Здесь нет ничего плохого, это просто другое отношение к слову. И если сравнивать, то, может, в общественном плане журналист находится в более ответственной позиции, чем писатель, потому что он хочет каким-то образом сохранить общественный порядок. В хорошем смысле этого слова. А писатель может быть безответственным, но, отпуская слова на свободу, он как раз и борется с энтропией. Журналист понятие энтропии может игнорировать, потому что это не его дело. Тут разные колебания происходят, но я думаю, что нужны и те, и другие. Процентов девяносто писателей сейчас даже не понимают, о чем я говорю. Они думают, что писательство – это продолжение журнализма: вот, напишу-ка я про войну на Донбассе, и стану как Ремарк, у него «На Западном фронте без перемен», я назову «На Восточном фронте без перемен», и будет хорошая книга.

Наверное, будет хорошая.

Но если ты изначально знаешь, что сделаешь, то это журналистская работа, которая может прославить героев, описать ситуации. Но это не писатель. Писатель, например, Кафка. Ну не только он, Цветаева, безусловно, и вообще, много других. Но этих многих на самом деле очень мало.

М.: – Кто из них оказал наибольшее влияние на ваше творчество?

Е.: – Я начинал с Достоевского. На втором курсе университета я написал курсовую «Религиозный идеал Достоевского в «Бесах». Мне мой профессор сказал: «Ты не возражаешь, если я тебе 4 поставлю? Потому что работа получилась не очень идеологически выдержанная, и если я 5 поставлю, то будут проблемы».

А первая моя работа была «Неологизмы Хлебникова». Меня очень волновала идея словотворчества. Из этой работы, кстати говоря, произошел мой вход в литературу.

Дело в том, что мой отец был на тот момент послом Советского Союза в Сенегале и в Гамбии. Мы туда ездили, брат учился там во французской школе. В какой-то момент туда поехали Евтушенко и Долматовский, на конгресс «Негритюд» по культуре черной Африки. Там моя мама в Евтушенко влюбилась, он тогда был красавец и всех очаровывал. Мама ему сказала, что сын занимается литературой. Ну, как я занимался – мне было восемнадцать, я окончил первый курс, писал восторженно о Хлебникове. И вот мне звонит Евтушенко. «Здравствуйте, это говорит поэт Евгений Евтушенко»… Недавно я подумал, кто бы сейчас мог такое сказать. Тогда «поэт» звучало почти как «министр». Даже больше. Он был абсолютным кумиром, и если бы мне позвонил Брежнев, я бы меньше удивился. «Ваша мама сказала, что вы написали про Хлебникова. Можете дать почитать?» Я отнес свою работу в Центральный дом литераторов, он ее прочитал и через какое-то время позвал к себе поговорить. Я поехал к нему в Амбулаторный переулок. Был дождливый июнь, в прихожей с моих ботинок натекло много воды. Он сказал подождать, пока он закончит урок испанского языка. Испанский язык ему преподавал кубинец. Я сидел почти в луже и страшно переживал, что пришел к своему кумиру и залил весь пол. Как только кубинец ушел, тут же, как в театре, сменились декорации, раздался звонок, и на пороге возникли Аксенов и Бродский. Евтушенко сказал: «Знакомьтесь». Аксенов протянул руку и доброжелательно произнес: «Вася». Бродский строго сказал: «Иосиф». Евтушенко показал на меня и представил: «А это гениальный исследователь Хлебникова». Они все ахнули, обалдели совершенно. Мы провели вместе всю ночь, потом мы с Васей стали друзьями и сделали альманах «Метрополь».

Такой вот был мой вход в литературу.

Мы пили всю ночь джин с тоником, чего в Советском Союзе можно было пожелать только каким-то эстетам и снобам, курили сигареты «Winston» и рассуждали о литературе. К концу ночи Евтушенко достал толстый американский журнал «Free Quarterly», это издательство «Artists» стало издавать книгу о русской литературе. Выяснилось, что там есть статьи про всех, но только никто из них не говорил по-английски, кроме меня. И я им читал

и переводил. Причем у меня был такой избыточный восторг, что я преувеличивал во время перевода все их успехи и достижения, давал им такие эпитеты, которых в журнале не было. Они были очень довольны.

Так что все это случилось через Хлебникова.

Если говорить чисто хронологически, то Хлебников, Достоевский.

Третьим моим учителем был маркиз де Сад. Он мне многое объяснил.

М.: – Вы выросли в элитной советской семье. Отец был какое-то время личным переводчиком у товарища Сталина. Вы провели детство, о котором мечтало все многомиллионное население страны. И при этом вы входите в «Метрополь».

Е.: – Я его создаю.

М.: – Да, вы его создали. Вы понимали, что это могло закончиться не только исключением из Союза писателей? Или времена уже были достаточно вегетарианские?

Е.: – Мы делали его в 1978, а в 1974 была знаменитая бульдозерная выставка, когда бульдозерами снесли картины. Потом власть одумалась, и была выставка на ВДНХ и в Измайловском парке. Получилось, что власть попятилась. Я подумал, что могу организовать такую выставку литературы, чтобы поставить власть в такое же положение, чтобы она попятилась и дала свободу литературе.

М.: – Сколько вам было тогда лет?

Е.: – Мне было тридцать, когда я начал разрабатывать это, а в тридцать два меня уже отовсюду выгнали. Я соблазнил сначала Аксенова, это вообще была история соблазнения. Я придумал все, я понимал, какие авторы нам нужны, какие не подходят. Я жил тогда напротив Ваганьковского кладбища, и каждый день похоронная музыка вливалась в окно, я понял, что надо похоронить советскую литературу вместе со всеми. Так что сначала я соблазнил Аксенова просто сделать такой альманах. Потом я ездил соблазнять Битова в Переделкино.

М.: – Все понимали тогда, что это будет расценено как антисоветская акция?

Е.: – Мы попытались сделать так, чтобы расширить возможности литературы. Антисоветская акция сразу бы захлебнулась. Там были не дураки и понимали советскую власть лучше, чем она сама себя понимала. Это была игра на грани. И можете себе представить, мы почти выиграли. КГБ сказал, что, может быть, действительно надо напечатать, во избежание международных скандалов. Об этом потом писали в перестройку.

Но победила охранительная позиция. И они нас закатали.

Больше всего досталось нам с Поповым и моему отцу. Его выгнали с работы.

М.: – На тот момент он был вице-президент ЮНЕСКО?

Е.: – Нет, он на тот момент он был советским послом в Вене при международной организации, это было атомное агентство, очень большая должность. Он должен был вернуться в Москву заместителем министра иностранных дел, и тут случилось все это.

Отца вызвали из Вены и сказали: «Если сын напишет покаянное письмо, которое напечатают в «Правде» и «Литературной газете», то можно будет вернуться в Вену, а если не напишет – то конец тебе». Это папе сказал Громыко.

Мы тогда попали в сложную ситуацию. С одной стороны, отец, который мне сделал «золотое детство» и вообще всё, а с другой стороны – эти люди. Написать такое письмо, конечно, значило поставить на себе крест.

Тогда политбюро, вернее, Зимянин, который был…

М.: – …секретарь по идеологии.

Е.: – Да, точно. Зимянин папе, с которым они играли в теннис, сказал: «Передай Виктору, что если он не напишет письмо, то костей не соберет». После чего папа, конечно, немного зажался.

М.: – Он не понимал степень буквальности этого предложения.

Е.: – Он понимал, что меня могут просто растерзать. Забрать в армию и уничтожить. Так что все было довольно жестко. А в МИДе ему предложили от меня отречься. Прошло сорок дней,

а мы никак не могли найти решение, потому что понимали, что любое решение может привести к дурным последствиями. Поэтому папа, получая зарплату в долларах как советский посол, сорок дней работал только со мной, ничего больше не делал.

Где-то на сороковой день вечером мы сидели с папой в его квартире на улице Горького, ужинали сосисками (от нас тогда домработница ушла, испугавшись: сказала, что Виктора расстреляют, и ушла в слезах), и папа, советский дипломат, посол в Вене, мне говорит: «Знаешь, в этой истории уже есть один труп. Этот труп – это я. Если ты напишешь письмо, у нас в семье будет два трупа».

И я не написал. Меня тоже отовсюду выгнали. Я не подписал письмо, и это стало основой книги. Я ее написал, естественно, позднее, спустя двадцать лет.

М.: – Виктор Владимирович, в одном из интервью вы сказали, что Россия живет по определенной сказке, где роли постоянны, меняются только исполнители. Роли такие: царь, серый волк, Баба-яга, три брата.

Е.: – И Кощей Бессмертный, это очень важно.

М.: – Ну, кто царь, нам понятно. А вот как сегодня остальные роли распределены?

Е.: – Эти роли не закреплены в классическом порядке, царь может быть и Кощеем, и наоборот. С братьями четкая история, есть Иванушка-дурачок, явно не интеллигенция. Интеллигенция это старший брат. Средний брат – средний класс. Младший, Иван-дурак, это население, которое мечтает иметь больше денег, но при этом не работает. Серый волк – олигархи.

М.: – Знаете, чем отличаются украинские олигархи от русских? У них денег нет.

Е.: – У русских олигархов деньги завязаны на власть, и если они начинают дергаться, как, например, Ходорковский, то на следующий день у них тоже денег нет.

М.: – Почему его отпустили?

Е.: – А потому, что он уже был не нужен власти. Держать его было менее выгодно. Путин человек тактически очень грамотный, и он понял, что перед Олимпиадой лучше девчонок из «Пуси Райот» выпустить, это все снимет какие-то вопросы международные. Потом его отправили за границу. Русская эмиграция всегда превращается в непримиримую оппозицию, и вместо того чтобы решать вопросы развития страны, объясняет, почему в страну ехать не надо, не надо никаких компромиссов с властью. В итоге получается абсолютный тормоз. Потому что если нет никаких компромиссов, куда ж тогда движется страна? Даже Ленин предлагал большевикам участвовать в царской Думе.

М.: – Виктор Владимирович, теперь несколько коротких вопросов. Скажите, какой самый счастливый день вашего детства? Или счастливые дни.

Е.: – У меня все детство счастливое, и парижское, и сталинское. У меня вообще тогда не было никаких горестей. Один из памятных дней – ну кроме того, что Пикассо нарисовал мою руку, – мы ехали в Канны на фестиваль и по дороге я увидел большие кактусы. Они вызвали такой восторг, что я их схватил, и потом все руки были в колючках.

М.: – А самый счастливый день вообще в жизни?

Е.: – Тут могут многие обзавидоваться. Когда «Русская красавица» выходила в Париже, ее сначала французские издатели прокрутили на французской ярмарке. Вообще, представление о том, что ты можешь создать свой успех, – ошибочное представление. Нет сил человеческих создать такой успех. Я никак не участвовал в успехе «Русской красавицы», ничего я не делал. И вдруг после французской ярмарки мне звонит из Парижа мой американский издатель, я лечу туда, меня ведут в ресторан, заказывают шампанское и говорят: «Держись за стул, мы сейчас новость скажем: твою книгу купили четырнадцать самых лучших издательств мира». Самых лучших. Это и престиж, и успех, и деньги. Я, конечно, недели две ходил под впечатлением.

М.: – Помню ваше выражение, что после этого успеха многие ваши друзья растрескались.

Е.: – Потому что друзья познаются не в беде, а в успехе. Я тогда ездил в Америку преподавать, так от меня даже американские профессора разбежались.

М.: – Виктор Владимирович, вы верите в бога или только в себя?

Е.: – Когда пишешь книги, то не можешь не верить в бога. Потому что энергия идет нематериальная.

М.: – А в загробную жизнь?

Е.: – Естественно, если веришь в бога, то знаешь, что загробная жизнь в том или ином виде есть.

М.: – В чем, на ваш взгляд, отличие национализма от патриотизма?

Е.: – Мне кажется, это стертые понятия. Патриот пропагандистское слово. Националист – ругательное. Это стершиеся монеты. Националисты думают, что их родина лучше всех остальных, а это бред. В других странах свои националисты. Собери всех националистов – каждый будет кричать, что его родина лучше.

М.: – Тем не менее у них происходят некоторые союзнические отношения.

Е.: – Это временно. Сталин с Гитлером тоже дружили. Временно. А патриот – это извращенное слово. Этот тот, кому внушили, что государство и страна – одно и то же.

М.: – Как говорил один хороший писатель, не нужно путать отечество с вашим превосходительством. Какой вы бы хотели видеть Украину лет через десять?

Е.: – Такой, как Франция, например. Процветающей страной с четкими хорошими ценностями.

М.: – А вдруг лет через десять во Франции Ле Пен будет президентом?

Е.: – Ничего нельзя исключать. Макрон сейчас, кстати говоря, преобразит Францию довольно сильно.

М.: – В лучшую сторону.

Е.: – Конечно. Я думаю, что после Наполеона такого яркого политика не было. Видите, Европа… Уже, казалось бы, все, придет Ле Пен и накинет удавку, а вышло иначе. Так и здесь, в Украине: казалось – ну как же вы победите, армия развалилась, ничего нет, много дураков, коррупционеров, бездарных олигархов? А все-таки что-то получается.

Наш МИД российский злобно сказал: «Получили «безвиз» – это морковка на веревке».

Я на «Эхо Москвы» сказал: «У них хоть есть морковка, а у нас только веревка».

М.: – Спасибо. Будем стремиться быть, как французы, свободными, грамотными, культурными, и чтобы страна наша была такой, как Франция.

Валентин Максименко

Чайковский, Одесса, автографы

Петр Ильич посетил Одессу дважды. Впервые проездом 11-12 июля 1887 года.

В дневнике и письмах, написанных в Одессе, встречаем: «Одесса очень красивый город», «Гуляли с Алешей (Алексей Иванович Софронов – слуга композитора) по чудесному городу», «Сей город мне ужасно нравится», «Одесса очень хороша», «Одесса мне все больше и больше нравится».

Уклонившись от встреч с одесскими знакомыми, в числе которых были мать композитора А.Г. Рубинштейна, юрист и музыкальный деятель Л.А. Куперник, П. И. покидает наш город.

Второй и последний раз Чайковский посетил Одессу в начале 1893 года. Его приезду предшествовали письма композитора в наш город. В письме члену дирекции Одесского отделения Императорского Русского музыкального общества Льву Абрамовичу Купернику обсуждаются, в частности, программы двух концертов в Одессе дирижера Чайковского, в которых композитор отказывается, в частности, от своих гонораров («Ваше музыкальное общество небогато»). Отказывается и от реализации идеи антрепренера Городского театра И.Н. Грекова дирижировать одесской

премьерой «Пиковой дамы»: «Я должен отказаться раз и навсегда от дирижирования операми, это слишком изводит меня».

На протяжении многих десятилетий в нашем городе бытовала легенда о том, что композитор дирижировал премьерой «Пиковой дамы» в Одессе. Мне удалось не только доказать, что дирижировал премьерой не автор, а Н.Б. Эммануэль, но и найти (это было трудно) редкие сведения о маэстро, которых нет в доступных нам энциклопедиях. Поэтому считаю целесообразным привести их.

Н. Б. родился в Бирмингеме. Образование получил в Гамбурге, Стокгольме, Гельсингфорсе. В 1979 году посетил с Дезиро Арто и Г. Венявским Одессу. «Он счастливое исключение в смысле понимания чисто русской музыки» («Одесские новости»).

В письме одесскому музыканту и педагогу Порфирию Иустиновичу Молчанову Петр Ильич пишет: «Скерцо Ваше я вполне одобряю и охотно исполню».

И действительно, 23 января 1893 года в симфоническом собрании ОО ИРМО «Украинское скерцино» Молчанова было исполнено в программе, включавшей также Первую симфонию Бородина.

В воспоминаниях одного из учеников Молчанова В.А. Швеца приводится грустный факт. Молчанов не мог присутствовать на этом концерте: в это время умирала его жена. К слову, в архиве Молчанова был автограф Чайковского.

Это был второй концерт ООО ИРМО под управлением П. И. А первый состоялся 15 января в Городском же театре, в его программе – фантазия «Буря», Вариации на тему рококо, Анданте кантабиле из Первого квартета, Сюита из «Щелкунчика», Первый концерт Листа (вместо анонсированного Второго фортепианного концерта Чайковского (солистка София Ментер, дирижер Василий Сапельников, который из-за болезни не мог играть, но смог дирижировать). Успех был большой. Арабский танец и Трепак бисировали, Китайский танец также трисировали, повторяли и Вариации феи Драже…

От дирекции ОО ИРМО композитору поднесли дирижерскую палочку из черного дерева с золотой лирой и бриллиантом. Ею маэстро дирижировал на бис Анданте кантабиле.

Незапланированный третий концерт П. И. дал «в пользу оркестрантов». В нем принял участие бас А.П. Антоновский. Вмес-

то заболевшей примадонны А.С. Клямжинской в этом концерте играл «малолетний скрипач» Зисерман, исполнивший концерт Вьетана и «Цыганские напевы» Сарасате. «Одесские новости»: «Он доставил слушателям истинное наслаждение, этого достаточно, чтобы причислить Зисермана к редким в музыкальном мире явлениям». Ни в «Летописи», ни в ПСС Чайковского об этом скрипаче даже нет упоминания.

П. И. дирижировал также благотворительно в концерте «в пользу недостаточных учеников Ришельевской гимназии» и оркестром Народной аудитории Славянского общества. Всего состоялось пять концертов дирижера Чайковского в Одессе вместо планировавшихся двух.

П. И. присутствовал на репетициях «Пиковой дамы». Одесские музыканты горячо принимали композитора. С большим успехом проходили и симфонические концерты. Рецензент «Одесских вестей», например, пишет о поразительной скромности и полном отсутствии желания рисоваться, новизне и свежести идей, оригинальности, изобретательности и остроумии во внешнем их выражении у П. И.

Триумфальный успех премьеры оперы 19 января. Сам автор хвалил дирижера Эммануэля, тенора Супруненко – Германа, Филонову – Лизу, Сюннерберг – Графиню.

При открытом занавесе во время чествования П. И. антрепренер Греков поднес ему клавир оперы в красном плюшевом переплете с двумя серебряными досками. На одной из них надпись «Пиковая дама», серебряный венок и карта дама пик, на другой – развернутые веером три карты: тройка треф, семерка бубен, туз пик.

17 января П. И. присутствовал на сольном концерте скрипача-вундеркинда К. Думчева, которому маэстро подарил свою фотографию с теплой надписью: «Косте Думчеву на память от искренне сочувствующего старого приятеля П. Чайковского».

Многие одесские музыканты просили композитора об автографах. Он никому не отказывал, расписываясь на карточках. Оркестрант Городского театра С.К. Левин позднее рассказывал что «после смерти П. И. стал собирать печатные материалы о композиторе, хранил их долго, но во время оккупации все исчезло».

К сожалению, не всем хватило фотографий, П. И. обещал прислать нужные фотографии. В одном из его бюваров выписаны фамилии одесситов, которым были высланы фотографии, и сделана приписка: «не достало одной карточки: Кутиль». Речь идет о кларнетисте Иосифе Карловиче Кутиле, артисте, педагоге, участнике камерных концертов ОО ИРМО.

На другой день после первого представления «Пиковой дамы» П. И. фотографировался в фотографии В. Чеховского (Василий Григорьевич был признан большим мастером своего дела. Он имел титул придворного фотографа. Его фотография располагалась в то время на Дерибасовской угол Екатерининской. Сделали два портрета – поясной и во весь рост. Они признаны удачными даже самим композитором, который не любил свои изображения. Каждому члену ОО ИРМО подарил портрет с автографом, который П. И. начертал в день отъезда из Одессы 25 января. К сожалению, я не знаю число сохранившихся фотопортретов. Можно предположить, что оно невелико (вспомним о войнах, революциях, землетрясениях и свидетельстве Левина о фотографиях Чайковского).

…Случилось так, что мне посчастливилось защитить одну из выпускниц нашей консерватории Р. Сергиенко. Она призвала меня к себе, рассказала о фотопортрете Чайковского, который хранился у нее. Это был портрет, полученный в 1893 году ее педагогом Виктором Алексеевичем Селявиным. В. А.передал его своей ученице С. И., а она через несколько десятилетий… мне «в благодарность за доброе дело».

Недавно я подарил этот раритет Хобарту Эрлу. С благодарностью за добрые дела в музыкальной жизни Одессы…

Конечно, нам интересно знать, как выглядел Петр Ильич во время пребывания в нашем городе. В Одессе в январе того же года произошла встреча композитора с художником Н.Д. Кузнецовым, задумавшим написать портрет П. И. (Замечу, что он был уже автором портретов Ф.И. Шаляпина, Л.В. Собинова, Д.А. Смирнова, Э.Ф. Направника, А.М. Додонова, С.И. Уточкина.) П. И. согласился не без колебаний. Он не любил позировать. Его одесская программа, как мы уже видели, была и без того очень перегружена. Кузнецов добился согласия П. И., пообещав писать во время

репетиций. Сегодня портрет Николая Дмитриевича – *единственный* портрет Петра Ильича, написанный с натуры.

Этот портрет оказался на редкость удачным, что вынужден был признать сам композитор, не любивший своих изображений. Из публикации «Одесского листка»: «Художник написал его в порыве истинного вдохновения… в нем много жизни. Глаза П. И. говорят»…

Этот портрет ныне находится в галерее Третьякова, а его копия, выполненная Г.А. Захаровым, в доме-музее в Клину рядом со статуэткой работы И.Я. Гинзбурга, единственным скульптурным портретом П. И., выполненным с натуры.

И последнее. В 1984 году сотрудник ОГУ Э. Ч., разбирая архив балерины Рудковской, обнаружил на обороте портрета Чайковского… автограф самого П. И.: «Милому Михаилу Павловичу Деспотулеи, приятному исполнителю моих романсов, на добрую память от автора». И дата, «23 мая 1891 года».

В апреле-мае того года проходило большое турне П. И. по Америке и Европе. Американским дирижером Вальтером Дамрошем он был приглашен на открытие ныне всемирно знаменитого концертного зала Карнеги-холл.

Позднее в этом зале выступал… одесский оркестр под управлением Хобарта Эрла.

Не скрою, было очень приятно после выхода моей книжки «Чайковский и Одесса» получить благодарственное письмо из Клинского дома-музея за сведения, которые мной опубликованы. Оно подписано К.Ю. Давыдовой.

Там же предлагалось выступить на ученом совете Клинского дома-музея с докладом по теме работы. К сожалению, поездка не состоялась из-за материальных соображений.

А еще несколько лет спустя я был польщен и обрадован высокой оценкой моих скромных, но честных трудов самой Полиной Ефимовной Вальдман, внучатой племянницей Ксении Юрьевны.

Постскриптум

Полина Ефимовна Вальдман (1947-2016). Хранитель архива Клинского дома-музея, доктор искусствоведения, заслуженный работник культуры России. Автор книги «Неизвестный Чайковский», отмеченной высоким международным признанием.

Правнучатая племянница Петра Ильича, правнучка декабриста. Заслуженный работник культуры России. Заведующая архивно-рукописным отделом Клинского дома-музея, зам. директора по научной работе. Ее письмо в Одессу датировано 28 октября 1980 года. Вот некоторые его фрагменты.

«Конечно, Ваша работа о П. И. меня очень заинтересовала. Я могу особенно ее оценить, так как мои обращения в одесские организации, такие, как уонсерватория, архив и библиотеки, не дали больших результатов. И мне крайне неприятно, что я не смогла дать основные сведения об Н.Б. Эммануэле, ведущих исполнителях «Пиковой дамы».

Таим образом, Ваша работа для меня особенно ценна… Желаю Вам успехов в Вашей благородной деятельности. Меня всегда поражает, как люди, избравшие специальностью точные науки, так любят искусство. В особенности музыку. Как это хорошо».

Ее отец Юрий Львович скончался в 1965 году, до последних дней работая экскурсоводом в Клину.

Галя Маркелова

То, чему нужно учиться всю свою жизнь

«Уважение к чужой жизни – это то,
чему нужно учиться всю свою жизнь»

Время живет своей параллельной жизнью, если мы его и не замечаем, но вдруг ошарашивает нас какой-то круглой датой (вот смотри – пробило!), взор наш над мирный наклоняя к земле, чтобы напомнить: чему же мы выучились в этой жизни?

И тут неважно, как ты грунтуешь холст, какой мазок кладешь, как умеешь нанизывать слова, посадил ли ты дерево, построил ли дом. Есть очень тонкая субстанция, обучаться которой, приобретать которую, как драгоценную амброзию, нам предписано на земле… И уроки эти трудные, болючие, потные, но пройти их приходится всем, а потом и экзамен сдавать… Только вот где – тут идут разночтения в зависимости от нашей личной наклонности и многих других входящих…

Но вот подоспела круглая дата и в жизни удивительной художницы и поэтессы Аллы Крикун, как-то незаметно пробили эти семьдесят лет многотрудной жизни…

Аллу Крикун я знаю очень давно… В памяти всплывают: и первая выставка в Союзе писателей легендарного Юрия Коваленко с ее портретом. Выставку эту забыть невозможно. Ее на свой риск открыл Боря Нечерда (гениальный украинский поэт, который жил в Одессе). Смело заявила она (эта выставка), что в Одессе есть крепкая группа украинских поэтов и художников, способных понять и донести жизнь того самого украинского народа. И Алла Крикун была в этой группе. Яркая метафоричность, юмор, в крещендо доходящий до сарказма, сочность палитры, поэтичность

подачи, национальные мотивы – это те общие черты, которые присущи творчеству всех троих. Будь то в слове, будь то в красках. Как мы сетовали потом, что последнюю книгу Нечерды оформляла не Алла. Но, думаю, что найдется спонсор, готовый рискнуть и издать книгу стихов Бориса Нечерды, Юрия Коваленко и Аллы Крикун в ее (Аллы Крикун) оформлении. Думаю, это будет знаковая книга.

Помню и наши беседы на кухне у Владимира Васильевича Криштопенко, когда он восхищался умением Аллы придать движение мазку. Перья ее петухов трепетали в первых лучах солнца, волны речушек и заливов готовы были выплеснуться с холстов. А будущее казалось обнадеживающим… Алла тогда рисовала пророческих оранжевых петухов (задолго, задолго до Оранжевой революции). Как потом Алла переживала всю ситуацию крушения надежд! И петухи ее стали красными, гарью запорошенными, – тоже пророческими… Чуткость художницы и ее предвидение всегда удивляли меня. Это, наверное, ей дано от любви к своей земле, к своему народу, ко всему живому…

Помню и наши разговоры на скамейках Горсада во времена, когда все выживали как могли… Помню, холодно, мы сидим, и ребята ждут покупателей. Ребята – это Алла и Ваган (еще один гений Ваган Ананян, прибившийся к одесскому Горсаду). Они признавали уникальную одаренность друг друга и уважали жизненные правила друг друга, отдавая дань честному отношению каждого к искусству. Тут я увидала, каким надежным товарищем может быть Алла…

Вот еще один занятный факт… Выставка в Музее западного и восточного искусства, все залы заполнены флорой и фауной в ее исполнении. На выставку забредают какие-то испанцы и интересуются, можно ли купить картину, так их впечатлила ворона, восседающая в гнезде на раздорожье… И когда Алла узнает сумму (а сумма была высокая), которая была предложена, она повышает эту сумму раз в десять, не имея возможность в данный момент купить еду даже кошкам! Не в деньгах же счастье! Вот такой характер!

Интересно, что написанное мною об Алле (и по поводу ее выставок в Музее западного и восточного искусства, и в ВКО, и в других местах) куда-то исчезло, уничтожилось вместе с компом, восстановить я никак не смогла, и вдруг… я нахожу старую

Старая японская гравюра «Женщина отрезает подол кимоно, чтобы не разбудить кошку»

японскую гравюру, которая точно описывает явление – художницу и поэтессу Аллу Крикун…

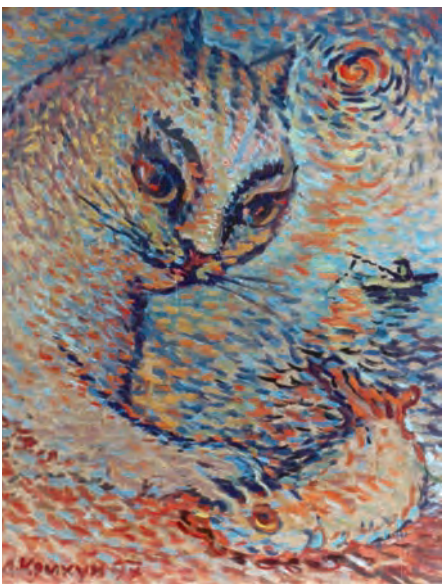
«Женщина отрезает подол своего кимоно, чтобы не разбудить кошку». Как это в характере Аллы! «Уважение к чужой жизни – это то, чему нужно учиться всю жизнь», – гласит японская мудрость… В Алле это уважение к малым сим сильно. Она не может пройти спокойно и мимо шелудивого щенка, заброшенного и испуганного кота, птички, рыбки, сироты и всего, что требует внимания… Появляются какие-то деньги – и Алла бежит покупать еду своим питомцам (причем с учетом вкуса каждого – один ест сухой корм, другой – рыбку, третьему нужно сварить бульон). Да все это видно на ее полотнах! Какие у нее коты! Помню, в музее Блещунова Алла показывала свою графику… Карандашный набросок назывался «Рыжий кот», и ни у кого не было сомнения, что это *рыжий* кот…

А какие рыбки у Аллы! Рыбки – это сакральная тема для одесских художников. Они есть почти у каждого художника, все любители живописи, надеюсь, помнят рыбок Хруща… И в этом ряду рыбки Аллы Крикун занимают не последнее место. У меня возникали подозрения, что коты так видят этих рыбок, как их рисует Алла. Эмпатия – это свойство ей подвластно, то есть видение глазами другого. Тут я не могу не вспомнить ее работу, которая меня потрясла. Две женщины, молодая и старая, переходят пустыню, решена она в охристых тонах, это и есть небольшой посыл к творчеству Дины Михайловны Фруминой. Надо отметить, что Алла всегда считала Дину Михайловну своим учителем. Эту картину я восприняла как метафору жизни этих двух замечательных женщин (Фруминой и Крикун). Да, кстати, когда Михаил Кнобель захотел приобрести эту картину в свою коллекцию, Алла сказала, что никак не может продать, потому что картину подарит своей племяннице… Вот такая вот она!

Все свойства, все эти умения складываются в единую философию жизни и творчества, выстраданную, но единственно приемлемую для нее – уважение к чужой жизни, причем она видит и понимает, где ее участие необходимо и важнее. Образ женщины, отрезающей полу своего кимоно, чтобы не разбудить кошку, это как раз тот символ, который, по-моему, описывает такое стихийное явление, как Алла Крикун – художница и поэтесса, и человек, любящий жизнь во всех проявлениях. Особенная у нее и ее любовь к морю. Ее на море можно увидеть в любую погоду и в любое время года. Думаю, в этом месте стихия ее души сливается со стихией нашего Понта. Она растворяется в звуке, цвете, йодистом духе, чтобы потом все выплеснуть на бумагу. Много лет тому я посвятила Алле эти строки:

…Убежать, поскорей бы, от бухты, от жара, от бреда
театральных подмостков безумного века!
Нам,
возлюбленным древнего Посейдона, поседевшим от соли измен,
от стона прибоя,
от объятий стихий, от прелести воли, от особой юдоли
собирать все крупинки, все блестки,

А. Канеун 95



все вздохи полуночные и дневные … Убежать, улетучиться,
как смех нереид,
что волна то накатит, то смоет, оставляя взамен на арене песка
потревоженных чаек утонченный почерк,
да рдяные раны, наши с тобою.
Превратиться то в йоды, то в брызги, то в соли бессмертного
Понта,
его становясь полноправной водою.

Август 2003

И ничего не изменилось с тех пор… Разве что и Посейдону нужно больше внимая и любви.

С круглой датой тебя, Алла, замечательная художница – дитя стихии!

Белла Верникова

Пришедший из забытья писатель и драматург Семен Юшкевич

Во второй половине 1980-х годов в литературный обиход стали возвращать имена изъятых ранее писателей Серебряного века, и в Биобиблиографический словарь «Русские писатели» 1990 г. была включена статья Б.С. Бугрова о Семене Соломоновиче Юшкевиче, где сказано: «Значения Октябрьской социалистической революции Ю. не понял и в 1920 г. эмигрировал во Францию». Отвечая на советское клише «значения революции не понял и эмигрировал» в публикации в журнале «Слово/Word» № 77 (Нью-Йорк, 2013) «Пили все необычайно, ели как один. К переизданию романа Семена Юшкевича «Леон Дрей», я заметила, что как раз очень хорошо понял. О чем свидетельствуют «мемуары Ивана Бунина и Веры Муромцевой, рассказывающей, что после установления в Одессе советской власти Юшкевич агитировал Бунина участвовать в агитпросвете, так как просвещать людей полезно при любой власти, но к 20-му году, наблюдая происходившее, в том числе еврейские погромы при белых и красных, и не в состоянии прокормить семью, эмигрировал с семьей в Румынию, откуда затем переехал в Париж. В 1921 г. он уехал в США, сотрудничал там с еврейской прессой, издавал свои книги, переведенные на идиш. В еврейских театрах Нью-Йорка ставились пьесы С. Юшкевича в переводе на идиш: «Miserere», «Человек воздуха» (обе – 1925), «Мендель Спивак» (1926) и др. По возвращении в Европу в 1922 г. писатель жил сначала в Германии, после 1924 г. в Париже, где умер в 1927 г.».

В моей статье в журнале «Слово/Word» отмечено, что забвение писателя Семена Юшкевича связано с тем, что он был

эмигрантом с табуированной в советскую эпоху тематикой – евреи*; эротика**; а также с его стилистикой – «тенденциями натурализма и символизма, исключавшими «спокойную бесстрастность» даже в бытописательских сюжетах». Указанные стилистические особенности прозы Семена Соломоновича Юшкевича считались с позиций соцреализма маргинальными в сравнении с реалистической манерой письма, снижающими литературный уровень.

О значении и популярности в дореволюционной России и в русской литературной эмиграции прозаика и драматурга Семена Юшкевича имеется ряд свидетельств, приведенных мною в книге «Из первых уст. Эссе, статьи, интервью» (М.: Водолей, 2015), перечислю их в произвольном порядке:

«в петербургских сборниках товарищества «Знание» в 1903-1905 гг. вместе с Семеном Юшкевичем печатались лучшие русские писатели – А. Чехов («Вишневый сад»), И. Бунин («Чернозем», «Памяти Чехова», стихи), М. Горький («Дачники»), А. Куприн («Поединок»), причем повесть Юшкевича «Евреи» в кн. 2 (СПб., 1904) и «Поединок» Куприна в кн. 6 (СПб., 1905) посвящены А.М. Горькому. Еще одно свидетельство того, что более поздняя репутация писателя не соответствует его значению в культурной жизни дореволюционной России» (стр. 250).

«тексты забытых авторов – от Осипа Рабиновича до Семена Юшкевича – вводили в региональный культурный обиход имена писателей, предшествовавших знаменитой одесской плеяде 1920-х гг. Что было обозначено в отзыве 2001 г. на мою диссертацию профессора Еврейского университета в Иерусалиме Леоны Токер: «…диссертация Б. Верниковой также участвует в процессе восстановления исторического и культурного наследия

* См.: Портнова Нелли. Уроки Семена Юшкевича // Лехаим. Апрель, 2009. № 4 (204) / https://lechaim.ru/ARHIV/204/portnova.htm;

Верникова Белла. Одесский текст: от Осипа Рабиновича к Юшкевичу и Жаботинскому // Дерибасовская – Ришельевская. 2014, № 56, 57; Верникова Белла. Русско-еврейская литература: трактовки и классификации // Лехаим. Октябрь, 2008, № 10 (198) / https://lechaim.ru/ARHIV/198/vernikova.htm

** См.: Маркиш Шимон. Эротизм в русско-еврейской литературе // Иерусалимский журнал. 2004, № 18 / http://www.antho.net/jr/18/markish_russian-jewish_literature.html

в России и Украине. Русско-еврейская литература, созданная в Одессе, получает признание в качестве важной части этого наследия» (стр. 35).

«Семен Юшкевич стал первым русским писателем, представившим на еврейском материале своеобразные начала одесской жизни, ее фарсы и трагедии. В повести Юшкевича 1903 г. «Евреи», изображающей жизнь бедных еврейских кварталов большого и богатого города (город не назван, но узнаваем, – это Одесса), с постоянной нищетой, тяжелым, изматывающим трудом на табачной фабрике, мелкой изнурительной торговлей, угрозой безработицы и голода; где молодые евреи, еще не задавленные непосильным трудом, ищут спасения в проникающих в их мир идеях сионизма или революционной борьбы; за всеми несчастьями еврейской жизни следует кровавое безумие еврейского погрома, еще одной страницы в многовековом мартирологе еврейского народа.

Еврейская жизнь Одессы в ее многообразных бытовых и лексических проявлениях определяет региональный характер прозы Юшкевича, о чем писал Андрей Левинсон в парижском сборнике памяти Семена Юшкевича» (стр. 132-133).

«В некрологе, опубликованном в парижской газете видным писателем русской эмиграции Борисом Константиновичем Зайцевым, также забытым в советское время, подчеркнута органичность таланта Семена Соломоновича Юшкевича, обусловленная его одесским бэкграундом… «Одессой, с ее живым, нервным, говорливым и бурливым народом», и замечательно передано ощущение литературного быта эпохи. «…Юшкевич был органический писатель, в этом его главная сила, он достигает наибольшего тогда, когда живописует художнически – любимых им людей Одессы, когда дает неподражаемый их язык, трепет и нервность, и неправильность этого языка, и их облики, сплошь живые» (стр. 203).

«В сообщении Татьяны Щуровой об одесской газете «Театральные отголоски» (1910, редактор-издатель Бер Шрайбер), в двух номерах которой дан подробный разбор пьесы С. Юшкевича «Комедия брака», приведен отзыв рецензента: «Пьеса вызвала страстные споры, делала полные сборы, то есть была «той типичной новинкой, которая заставляет о себе говорить всех и каждого» (стр. 178).

«Преемственность одесской литературной традиции первых трех десятилетий 20 в. – от Юшкевича к Бабелю – отметил критик Абрам Лежнев в некрологе Семена Юшкевича в газете «Правда» 1927 г. Годом позже эта литературная эпитафия была перепечатана в изданном в Москве тремя томиками романе Юшкевича «Леон Дрей», образце последней продукции частного книгоиздательства в СССР в преддверии монопольной эры Госиздата.

Абрам Лежнев: Умер в Париже Семен Юшкевич. Нынешнему читателю, особенно из молодежи, это имя скажет не очень много. Юшкевич жил в последние годы за пределами СССР как эмигрант и оказался вычеркнутым, выброшенным из литературной жизни Советской страны. ...А между тем в дореволюционное время Юшкевич был одним из видных писателей, каждое произведение которого находило широкий отклик, возбуждало много внимания и споров. Юшкевич был изобразителем еврейской городской бедноты, мещанства, одесской улицы. Он ввел в литературу задолго до Бабеля своеобразный жаргон Одессы (критика упрекала его в порче русского языка). В его творчестве редко слышались яркие революционные ноты, но явственно пробивалась сатирическая струя» (стр. 134).

«некролог Семена Юшкевича за подписью редактора «Последних новостей» Павла Милюкова еще одно подтверждение известности и популярности писателя, в советскую эпоху выброшенного из литературы и забытого на долгие десятилетия: «Семен Юшкевич – настолько известен как беллетрист, создатель особого вполне индивидуального стиля повестей из еврейского быта, неумолимый и бесстрашный реалист, пытливо и с незлобивостью большого ребенка всматривавшийся в проклятые вопросы эмигрантской суетни, – что эти немногие строки не могут ничего прибавить к его характеристике. Пусть они свидетельствуют только о нашей общей любви к этой открытой душе человека прежде всего, а потом уже писателя. «П. Н.» («Последние новости», парижская газета русской эмиграции) гордятся тем, что имели Юшкевича своим сотрудником и хранят о нем верную память. П. Милюков» (стр. 237-238).

«Помнили о Семене Юшкевиче и жившие в Москве писатели-одесситы, о чем пишет мемуарист (Михаил Ардов): «В двадцатых

годах близким приятелем Катаева был Лев Никулин, но потом они поссорились и, хотя оба жили в Лаврушинском переулке, не только не общались, но даже и не здоровались друг с другом. Я бы об этом не стал упоминать, кабы моя память не сохранила забавного двустишия, которое сочинил Лев Вениаминович. Это была эпитафия Катаеву:

Здесь лежит на Новодевичьем
Помесь Бунина с Юшкевичем.*

О приведенной псевдоэпитафии Л. Никулина см. также: Петрова Наталия (д-р филологич. наук, Пермский гос. университет). «Отче наш» – от погрома до холокоста (С. Юшкевич и В. Катаев) // IV-я Международная научная конференция «Одесса и еврейская цивилизация». Од., 2006 (стр. 177-178).

«О Семене Юшкевиче как литературном наставнике вспоминает С.И. Липкин, см. в статье Алены Яворской «Встречи с Семеном Липкиным» в 5-м номере «Мории» (стр. 179).

«В воспоминаниях Вадима Паустовского о времени знакомства его отца с И. Бабелем в Одессе Семен Юшкевич также присутствует. Бабель и Паустовский летом 1921 г. жили с семьями на даче на Большом Фонтане, где разработали устав клуба одесских литераторов, казначеем и почетным председателем «которого почему-то выдвигался Семен Юшкевич, уже успевший эмигрировать», а девиз предлагался такой: «Литераторы, назад к литературе!» (стр. 176).

Дореволюционную популярность писателя подтверждает и экранизация его повести «Леон Дрей», вышедшей в 1911 г. отдельным изданием в Москве. Немой фильм по прозе Семена Юшкевича был поставлен режиссером Евгением Бауэром в 1915 г. под названием «Леон Дрей. Покоритель женских сердец» (Le conquérant du coeur des femmes. Черно-белый, немой, игровой. 60 мин. Кинокомпания А. Ханжонков и К. В главных ролях: Николай Радин, Эмма Бауэр, Борис Борисов, Наталья Лисенко. Оператор Константин Бауэр. Фильм сохранился без надписей).

* Ардов Михаил. Вокруг Ордынки. Портреты. Новые главы // Новый мир. 2000, № 5

В рецензии в киножурнале 1915 г. критик фиксирует литературный статус Семена Юшкевича как «талантливого бытописателя еврейской жизни», характеризует литературную моду тех лет – увлечение проблемой пола, а в качестве достоинств фильмы, как тогда говорили, отмечает юмор картины и то, что режиссеру удалось избежать грубого реализма:

«Талантливый бытописатель еврейской жизни Семен Юшкевич склонен к увлечениям литературной модой. …«Леон Дрей» тоже носит на себе отпечаток увлечения проблемами пола. …Однако ставивший «Леона Дрея» Е.Ф. Бауэр с редким тактом, с безупречным чувством меры разрешил трудную задачу. Дав яркие, талантливо скомбинированные картины, он избежал всех тех резкостей и того грубоватого реализма, который способен оскорблять зрителя. Как яркая иллюстрация сравнительно нового социального явления и превосходное, полное юмора воспроизведение картин еврейского быта, кинопьеса «Леон Дрей» представляет крупный интерес» (ВК. 1915, № 111/95, 22-23).

Владислав Ходасевич, один из авторов сборника памяти Семена Юшкевича «Посмертные произведения» (Париж, 1927), указывая на хлестаковство Леона Дрея, обращает внимание на его общечеловеческую природу:

«Ничтожество, дрянь, пустышка, выскочка, Бог весть откуда пришедший пошляк, развязный и наглый враль… из совершенно другой эпохи, среды, но все же является нам несомненнейший первообраз Леона, российский предок этого еврейского героя, впрочем – как и он сам, глубоко «интернациональный» в своей всечеловеческой или даже нечеловеческой сущности – Иван Алексеевич Хлестаков. …причем в яркости и законченности формулировок ему порой удается Ивана Алексеевича решительно перещеголять… Подобно Хлестакову, Леон враль по природе, по внезапно осеняющему его вдохновению».

Среди читателей предреволюционного десятилетия был в ходу язык прозы Семена Юшкевича, о чем вспоминает Надежда Тэффи в книге о поездке в 1918 г. в Киев, Одессу, Новороссийск и затем в эмиграцию, рассказывая об утвержденном А.И. Деникиным одесском губернаторе Гришине-Алмазове, который «говорил фразами одного персонажа из «Леона Дрея» Юшкевича:

«Сегодня очень холодно. Подчеркиваю: «очень». «Удобно ли вам в этой комнате? Подчеркиваю: «Вам». «Есть у вас книги для чтения? Подчеркиваю: «для».

Актер Николай Радин, исполнитель роли Леона Дрея в фильме Е. Бауэра, был известен по более ранним театральным постановкам пьес Семена Юшкевича в театре Корша. Как сообщается на одном из театральных сайтов, «режиссер Синельников привлек в Театр Корша Николая Мариусовича Радина, ставшего одним из самых блестящих мастеров московской сцены. Радин соединил в своем творчестве глубокий и тонкий психологизм с виртуозной техникой. Его игра отличалась исключительной грацией, блеском диалога, неповторимым обаянием. …Синельников упорно боролся не только за качество спектаклей, но – главное – за серьезное направление репертуара. Гвоздем сезона 1906-1907 годов стала пьеса Е. Чирикова «Евреи», в которой обличалась погромная, черносотенная политика царского правительства. В этот же сезон не сходили со сцены «Дети Ванюшина», шли «В городе» С. Юшкевича, «Бог мести» Шолома Аша. …По поводу ряда современных пьес – Л. Андреева, С. Юшкевича, Ф. Сологуба, М. Арцыбашева, шедших на сценах частных театров, в театральной прессе тех лет велись жесточайшие споры, отражавшие сложные процессы, которые происходили в ту пору в определенных слоях русского общества».

Еще несколько отзывов о постановках пьес Семена Юшкевича в дореволюционных театрах России (выборка сделана с ряда театральных сайтов):

«Театр в «Пассаже». Лучшими из поставленных пьес были «Дети Ванюшина» С.А. Найденова, «Евреи» Е. Чирикова и «Голод» С. Юшкевича. Последние две были сыграны летом 1907 года в Териоках. …«Голод» же вообще ставился впервые, так как репетировавшаяся в 1905 году в Театре В.Ф. Комиссаржевской драма Юшкевича была запрещена цензурой.

…В сезон 1905/06 года… Комиссаржевская предполагала поставить «Мужиков» Е.Н. Чирикова, «Голод» С.С. Юшкевича, «Ткачей» Г. Гауптмана, «Дурных пастырей» О. Мирбо, «Заговор в Генуе» Ф. Шиллера. Все эти пьесы были запрещены цензурой. Вот выдержки из цензорских рапортов: …«Пьеса производит потрясающее впечатление, картины голода и страданий нарисованы

мастерской рукой, без грубых внешних эффектов и тем еще усугубляют сцену протеста против существующего строя, которым движет вся эта драма», – сообщалось о «Голоде». (http://teatr-lib.ru/Library/Culture/95-07.)

…В Московском художественном театре «Miserere» С. Юшкевича. На сцене возникал безрадостный, отчаянный, искривленный быт, где линии жизни и смерти тесно сплетались, где любовная сцена происходила на кладбище, а во время свадьбы стилизованно-застывшие старики-евреи равнодушно взирали на праздничный обряд, чреватый близкой гибелью. …Цензура вновь усилила свои гонения на театр: признаются «неудобными к представлению» пьесы «К звездам» и «Савва» Л. Андреева, «Король» С. Юшкевича, Синод запрещает байроновского «Каина».

…Театр-кабаре «Летучая мышь». В 1912 году… с рассказом С.С. Юшкевича выступил артист Театра Корша Б.С. Борисов.

…Малый театр… перед Южиным встают те же самые (цензурные) трудности, которые в свое время не позволили Ленскому осуществить замыслы постановок пьес Юшкевича и Чирикова.

…В провинциальных театрах шли пьесы Шекспира, Шиллера, Островского, Л. Толстого, Чехова, Горького, инсценировки романов Л. Толстого, Тургенева, Достоевского, произведения Сумбатова-Южина, Потапенко, Гнедича, Шпажинского, Немировича-Данченко, Чирикова, Юшкевича, Найденова, Рышкова, Арцыбашева, Сарду, Зудермана, Ибсена, Стриндберга и многих других авторов.

…В 1908 году возник Петербургский театр М.Т. Строева. Его труппа состояла из молодых актеров, уже в течение пяти лет вместе выступавших в провинции. Театр открылся 1 октября «Королем» Юшкевича. Спектакль имел шумный успех».

Сегодня на интернет-портале Lib.Ru/Классика помещены произведения Семена Юшкевича, среди них и драма «Король», при чтении которой вспоминается литературный портрет писателя, данный Борисом Зайцевым в указанном ранее некрологе:

«Юшкевич, будучи евреем, нередко будто бы евреев задевал в своем писании, давал так называемые «отрицательные типы» («Леон Дрей») и даже, кажется, в еврейских кругах это ему ставили в некий минус. Если стоять на этой точке зрения, то следовало бы нашего Гоголя совсем заклевать – уж кажется, ни одного

порядочного русского на сцене не показал. Конечно, у Юшкевича была сатира (и кстати, он как раз Гоголя очень ценил, и сам весьма тяготел к гротеску) – но подо всем этим, конечно, пламенная, кровная, органическая любовь к своему народу».

Там же Борис Зайцев вспоминает о встречах Семена Юшкевича в годы парижской эмиграции с ним и с Иваном Буниным «в Париже или в Жуан-ле-Пен (где так дружественно и бесконечно приветливо принимал он нас с Буниным этим летом!)».

Забытый (и крайне несправедливо, как писал Шимон Маркиш) писатель Семен Юшкевич возвращается из забытья к современным читателям.

Иерусалим

Евгений Перемышлев

Остролябия, сиречь – феодолит, и антоновское яблоко весной

Памяти С.Б. Джимбинова, знатока литературных символов и эмблем, виртуозного толкователя зарубежной классики, не знавшего иногда вещей самых обыденных, что бывает, если живешь только в пределах культуры.

Покойный Ю.К. Щеглов в комментариях к романам «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», от издания к изданию становившихся обширней, научней и дальше от комментируемого первоисточника, отметил, что появление героя, молодого человека лет около двадцати восьми, в зеленом костюме, с шарфом, но без носков и пальто, знаменует начало романа, завязку, столь необходимую этой литературной форме.

Почему завязка пришлась на пятую по счету главу, он не уточняет, равно и не пишет, что, собственно, завязка определила, и отчего главы, посвященные жизни в уездном городе, который не имеет и полного имени, а прячется за литерой N, каковую иной посчитает за нумер, завязкой не являются, а поскольку завязка оказывается не в начале книги, и вообще остаются на периферии – и сюжета как такового, и данного художественного построения.

Ход мыслей исследователя можно понять. Он занимается не конкретикой, впрочем, используя при случае приметы времени, детали эпохи, в его работах очевиден интерес к величинам универсальным: повествовательным структурам, топосам, «общим местам» (которые было б вернее назвать «места общего пользования», до того места эти истоптаны и оприхожены самыми разными авторами). Чтобы составить реальный комментарий, надо знать и ценить реалии, но XX век не античность, толкуемые романы не Овидиевы «Метаморфозы», исследователю

досконально известные. Потому интуиция заменяет порой знание частностей. Комментатор о многом догадывается, еще больше чувствует и, сознавая неполноту своих познаний в данном вопросе (при стремлении к универсалиям), сомнительность значительной части этих самых подробностей и трудность интерпретации, поскольку не все поддается вербальному описанию, предпочитает многое обходить молчанием.

Взять хотя бы начало главы «Великий комбинатор». Тут что ни слово или оборот, то – не смысл, но эмблема, наглядный и не артикулируемый указатель, демонстрирующий, куда направлен смысл, обращена интенция. Движение веток с листьями, перемещение кроны, бывает, наклон ствола – эмблема ветра, который без каких-либо знаков возможно ощутить и нельзя увидеть въяве.

Первое короткое предложение в десяток с чем-то слов можно поделить на сегменты, каждый из них достоин развернутого истолкования: за полчаса до полудня, при главных точках суток – полдень и полночь, иначе – совсем незадолго до середины дня (когда полдень и часть идиомы, вроде «полдня жизни»); северо-запад, противу юго-западу, постулированному в заглавии сборника Э. Багрицкого и ставшему знаком целой литературной школы; кроме того, и топоним, произведенный супротив Новгороду, таит антитезу, хотя бы и заимствован из лесковских «Соборян»; молодой человек, родившийся в 1899 году, «ровесник века», как выражался Ю. Олеша, разглагольствуя о своем поколении, но думая о себе. Культурный фон локален и узнаваем, и на нем заметней название деревни, со стороны которой вошел в город Старгород молодой человек, должный организовать романную структуру, выстроить ее вокруг себя, для собственного удобства, и обжить. Ведь чмара или, в более привычной огласовке, шмара – проститутка либо сожительница блатаря, а здесь их – целая деревня.

Но это уже не эмблема, указывающая на явления и понятия общеизвестные, а речевой пуант, образец «фольклора Мыльникова переулка», вспоминая мемуарный пассаж Н. Мандельштам. И в таком контексте фигура молодого человека, одетого с небрежностью голодранца, без носков, без денег, квартиры и ключа от квартиры, тем не менее исполненного решимости, насмешливого, деятельного, не унывающего, если дело не задалось, не столько фигура ро-

манная, сколько жизненная. Провинциал, отправившийся искать место под солнцем, выхватывать из рук судьбы кусок поувесистей. Таким был, в частности, В. Катаев, перед тем как отправился покорять столицу: «оборванец с умными живыми глазами».

Хотя, по его утверждению, из Харькова он приехал в замечательной, когда вымерять мерками провинциальными, слегка ношеной шубе, а у вошедшего в город молодого человека не было и пальто, разница невелика. В. Катаев довольно наголодался и нахолодался, он знал, что такое ложиться спать без ужина, не ведая, будешь ли завтракать утром, знал, как мерзнет человек, одетый не по сезону, да вдобавок и с пустым желудком. На дворе вторая половина апреля, после захода солнца холодно, будто зимой, и лужи подернуты тонким льдом. Рука, в которой молодой человек держит астролябию, коченеет, переложив ношу, он сует зазябшую руку в карман пиджака. Организм его юн и силен, рука быстро отходит. Он шагает дальше, время от времени грея стынущую на железе руку в кармане, где нет ничего, только яблоко, случайно туда попавшее. Ночевал на чужом сеновале, вот и прихватил антоновку. Крупные яблоки хозяева повыбрали, завалялась дробная мелочь.

Чтоб избежать недоразумений, тотчас откинем подлую (в давнем словесном значении) выдумку, будто прототипом Бендера стал именно В. Катаев. Тогда почему не любой одессит, вышедший на перрон Брянского вокзала и напряженно прикидывающий – как ему добраться до Чистых прудов, достанет ли припасенных денег на извозчика: московские извозчики, душегубы и кровопийцы, не зря их племя дало Комарова, вытрясут из провинциала распоследнюю копейку вместе с последним самоуважением.

И тут пролегает разница. Таится рознь не в том, что Старгород не Москва, или что у приехавших одесситов деньги на извозчика припрятаны, тогда как у молодого человека в зеленом костюме в талию не имелось ни гроша, рознь в способе передвижения. Кто знает, почему герой идет в город пешком, а не едет, например, по железной дороге?

Оборотистость, применение к обстоятельствам, демонстрируемые впоследствии Бендером, дороже всяких денег. Этот герой придумал бы, как попасть в вагон без билета, а попав, устроился

бы с возможным удобством. Такое вероятно, если нет багажа (или неумехи-спутника), когда руки свободны, движения ничем не скованы. Увы, шмыгнуть в вагон либо демонстративно туда проследовать герой не может. Не кондуктор, так кто-нибудь из пассажиров непременно скажет: ну куда ты прешь со своей железякой? И для чего тащить тяжелый, странный и оттого заметный предмет, должно быть, прихваченный на ходу, вроде чужой антоновки?

Да, ведь ни слова не было сказано, что же такое за вещь – астролябия. Это совсем не то, что принято думать. Глава четвертая, предваряющая главу, где появляется молодой человек с железным прибором, называется «Муза дальних странствий», по стихотворной цитате. Представляются аквамариновые просторы вод, пространства небес и в нить растянувшиеся по небу облака, приметы кругосветного плавания, тогда как здешняя астролябия предназначена для дел сугубо земных. С классической астролябией, планисферной, которая дает возможность определить координаты и время, ориентируясь по Солнцу и звездам, данный инструмент связывает лишь имя. Забавно, описание планисферной астролябии в качестве прикладных упоминает задачи из области астрономии и астрологии, о построениях на местности помянуто мельком, для того имеются другие инструменты с иными названиями.

Это в традиции западной, где, между прочим, для назидания сыну трактат об астролябии, представляющей из себя отсчетный круг – лимб – с визирным устройством – алидадой, создал Д. Чосер, основоположник и английского литературного языка, и английского языка научного. Однако в документе петровской эпохи, писанном местным слогом, упоминается «половинчатой остролябиум», или, по именованию из документа, относящегося к тому же десятилетию, «феодолит». Инструментом этим пользовались не моряки, употребляли его для геодезических работ, в частности, для межевания. Конструкция тоже отличалась: прибор, упомянутый в документе, – это полукруг, который, чтобы производить горизонтальные измерения, необходимо устанавливать на опоре. Но по абсурдной традиции, этот инструмент, другой конструкции и с функциями теодолита, в России продолжали величать астролябией. Зато и рядовой землемер из-за пу-

таницы имен способен был почувствовать себя мореплавателем, по крайней мере открывателем новых земель.

Бендер, впрочем, не мореплаватель, не академик и не слесарь, зачем ему эта тяжеловесная механика? Он, что не раз показал в дальнейшем, свободен в обращении и с более значительными материальными ценностями. Вот и яблоко, не имея за душой ни полушки, отдал беспризорному, а мог бы ничего не давать, цыкнуть зубом или отделаться фразой о ключе от квартиры с деньгами, которой, по уму, следовало бы отлиться не в русском слове, застыть в кованой латыни. Яблоко бы сохранилось до случая более подходящего: антоновка к середине весны такой же объект натурально-символического обмена (этнологи используют термин «потлач»), что и золоченое ситечко, заимствованное у Грицацуевой и отданное Эллочке Щукиной в обмен на стул.

Так почему герой, организующий романную структуру если не по своему образу и подобию, то для собственного удобства, тратя силы, вносит в художественную форму увесистую штуковину? Ответ на этот вопрос отчасти содержит ответ и на вопрос – почему он шествует пешком.

Как заметили М. Одесский и Д. Фельдман, отсутствие у героя носков – явный знак его пребывания в ДОПРе, носки истлели, расползлись. Впору сказать, что герой отряхнул этот прах с неутомимых двадцативосьмилетних ног. Но титулованные и остепененные авторы ничего значительного более не высказали, тем подтвердив максиму баснописца, что каждый должен судить на своем уровне и ни стратой выше, а рассуждения их о преступном ремесле героя сомнительны и расплывчаты.

Романисты, кажется, и сами не очень определились с этой проблемой. Старый шарф на могучей шее Бендера, скорее всего, рудимент, позабытый за разворотом сюжета, и должен был указывать, что этот персонаж – карманник, ширмач. Если уж у него нет пальто, шарф, прикрывающий шею атлета, и совсем ни к чему. Но этот попервоначалу третьестепенный персонаж развил такую кипучую деятельность, выказал такой характер, что вышел в премьеры. Шарф оказался излишним, и в романе больше не упоминается. По карманам Бендер не лазает, марвихером, весьма умелым, с дореволюционным стажем, оказывается

Паниковский, карманными кражами промышляет Балаганов, но он работник без квалификации, за что и платится.

Бендер противозаконных действий избегает не из чистоплюйства или осмотрительности, а согласно убеждению, своду чтимых им разнородных ценностей. Он при случае крадет, хотя старается не красть, с пренебрежением отзывается о брачных аферистах, хотя, если надо, женится и обирает жену, вернее – он и женится для того, чтобы ощипать свою курочку, но заимствование должно представляться справедливым разделом имущества.

Воровской специальности у Бендера нет. Поставив цель, он подбирает средства, и виноват ли, что цель – материальное преуспеяние, а среда, в коей надлежит пребывать, чтобы преуспеяния достигнуть, злонамеренна и темна. Он, говоря высоким слогом, «ровесник века», добавим – своего. Век его создал, воспитал, но вдруг оказалось, что век-то был не по календарю, XIX, а XX век устроен много сложнее предыдущего. Изменились скорости, изменились условия существования. Копить? Делать карьеру? Невозможно. Выжить бы, а если брать, так сразу, когда подвернется случай. Люди с воровской специальностью высокого разбора оказались не у дел. Экспроприаторы были подвергнуты экспроприации, пострадали, как водится, социально незащищенные, существовавшие за счет узаконенных политэкономической наукой экспроприаторов. До революции Паниковской был слепым и жил припеваючи – дом, семья, самовар на столе; революция не помогла ему прозреть, она смела его с пути, вместе с палочкой и синими очками. На его могильном камне только и остается нацарапать – «здесь лежит человек без паспорта».

Бендер не менял ни рода деятельности, ни профессии. И потому что воровскую специальность не меняют, и никогда – в тот период отечественной истории – не смешивают ремесла. И потому что ни специальности, ни ремесла он не имел.

Этот герой, вошедший в сюжет романа со стороны деревни Чмаровки, не проходимец. Он расположился в повествовательной структуре, начал совершать поступки, которых от него не ждали. Он авантюрист, это звонкое слово означает свойство натуры. Авантюризм не является преступлением, если не влечет за собой преступных деяний, и это слово отсутствует в каком бы

то ни было разделе законодательства. Бендер подчеркивает: он чтит уголовный кодекс. Он и впрямь старается балансировать на грани, не выходя за клетки правового шахматного поля. Он извлекает выгоду из обстоятельств, зачастую сам их моделирует, что, опять-таки, не есть правонарушение. Люди – народ пуганый, отчего склонный, при всей своей недоверчивости, идти на компромиссы.

Условие это чисто российское. И прошлое дает тому примеры. Вот фрагмент из книги «Былое и думы», где нарисована вполне бытовая олеографическая картинка: «Землемер ли едет с поручением через вотскую деревню, он непременно в ней останавливается, берет с телеги астролябию, вбивает шест, протягивает цепь. Через час вся деревня в смятении. «Межемерия, межемерия!» – говорят мужики с тем видом, с которым в 12 году говорили: «Француз, француз!». Является староста поклониться с миром. А тот все меряет и записывает. Он его просит не обметить, не обидеть. Землемер требует двадцать, тридцать рублей. Вотяки радехоньки, собирают деньги – и землемер едет до следующей вотской деревни».

Думаю, подробно растолковывать – какой азимут брал молодой человек лет около двадцати восьми с астролябией в руках – теперь нет особой нужды. Сколько он пребывал в ДОПРе, перед тем как шагнуть на страницы романа в зеленом костюме, без носков и пальто, но с шарфом на шее, – тема дискуссионная. Может статься, чуть меньше года – арестован еще по теплу, когда пальто излишне. Может статься, чуть меньше двух – на 1925 год приходились землемерные работы по уточнению крестьянских наделов. То, что опора вбита, и землемерный инструмент прилажен на баксе не осенью, понятно. Осень – пора урожая, мелкий собственник в это время лютеет, становится особенно недоверчив, подсчитывая скорые барыши.

Отбыв срок, герой получил на руки отобранные у него при задержании или аресте ценные вещи: именно астролябию. Палка, на которую он устанавливал инструмент, никакой ценности не представляла и была выброшена тогда же. Астролябию герой, характеризуемый, что указывалось выше, легкостью в отношении и более значительных материальных ценностей, оставил.

Вряд ли он собирался вновь использовать ее в качестве орудия производства. Снова наступать не следует даже на грабли, что говорить об инструменте более сложном. Тем не менее выкинуть хорошо послужившую вещь неловко. Потомок янычар бывает и мягок, и сентиментален. Из такой вот чудной сентиментальности тащит он, шагая пешком (муза дальних странствий плутовского романа иронична), железную штуковину, с которой не пустят в вагон, особливо когда владелец багажа не имеет билета.

Это, а не боязнь попасться на глаза сотрудникам милиции (догадка, выдвинутая М. Одесским и Д. Фельдманом, которые считают, что отсутствие носков будет сразу обнаружено и точно истолковано), заставило героя отринуть блага цивилизации в виде плацкартного вагона, что берут с боя (старик Синицкий мог бы составить ребус, где в качестве посыла был бы лозунг «В борьбе обретешь ты право свое», а в качестве решения – объявлена посадка для пассажиров с плацкартой). Бендер чувствует свою моральную правоту и неподсудность и отправляется на привозной рынок. Там дважды мимо него прошел агент местного губрозыска, однако неимение кое-каких деталей гардероба не стало веской причиной для проверки документов.

На рынке не без труда астролябия была продана. Отдавая покупателю товар, Бендер заметил: сама меряет, было бы что мерить. И это истинная правда. Но слесарь, купивший астролябию за три рубля, был человеком механическим. Рожденный сделать сказку былью, в сказки он не верил.

Анна Михалевская

Все начинается с тишины

Отзыв на литературный перформанс по книге Нацумэ Сосэки «Десять ночей грез»

В середине прошлого века ученый-нейробиолог Джон Лилли, человек-чудак, который утверждал, что общался с дельфинами и вспомнил свое рождение, изобрел камеру сенсорной депривации. Камера полностью блокировала все внешние сигналы к органам восприятия, оставляя человеку лишь его внутренний мир. И тут каждый сталкивался с тем, что имел, – Лилли путешествовал в соседние галактики, а кто-то боролся со страхом, сорвавшимся с цепи ослабленного контроля. Это был честный способ понять, кто ты есть на самом деле.

И такую же возможность дает перформанс «Десять ночей грез». Он начинается с тишины. На экране бегут кадры из фильмов, но через минуту ты их уже не видишь: немое пространство отсекает все лишнее, мир вокруг становится таким же кадром из чьего-то фильма, и ты остаешься наедине с собой. Периферия сознания по инерции отмечает: кто-то кашляет, кто-то возится на стуле, кто-то заглядывает в мобильник – ты понимаешь: соседям так же некомфортно, как и тебе (столкнуться нос к носу со своими мыслями, шутка ли!), но представление идет своим ходом, оно никого не спрашивает и правильно делает!

Наконец звучат первые слова. Ты облегченно вздыхаешь – ну вот, началось. Хотя, конечно, помнишь – все началось гораздо раньше, с тишины. Или со вступительного слова ведущей о музыке сфер? А может, с пустой сцены, которую ты рассматривал перед представлением? Ты путаешься, ты уже ни в чем не уверен… И так на протяжении всего перформанса. Его отличительные черты: внешний минимализм и внутренняя многослойность – неброская одежда актеров, скупое

освещение сцены, финальный уход чтецов в темноту зала, и тем четче ты слышишь вибрирующие от эмоций голоса, тем ярче представляешь эпизоды «Десяти ночей», тем сильнее переживаешь за героев.

Книга Нацумэ Сосэки завораживает опять-таки своей двойственностью. С одной стороны, истории очень реалистичны, в них много бытовых деталей, диалогов, даже курьезных ситуаций, иногда грустных, иногда забавных. Но с другой стороны, это действительно сны, со свойственной снам абсурдной логикой, совмещением несовместимого, провалами между событиями, странным поведением героев. И тем не менее, каждая история оставляет ощущение наполненности. О рассказах хочется думать, ими хочется делиться, обсуждать и просто… слушать. Они настолько естественны, что сродни самой природе. Мы ведь можем смотреть, скажем, на бегущий по камням ручей бесконечно, даже если не знаем, почему он возник именно в этом месте, почему вода текучая, а камни твердые, и что всем этим хотела сказать природа.

Ты слушаешь воду и представляешь самурая, который ищет неуловимое ничто, находит, но не замечает этого; незадачливого паренька, который нахваливает фрукты, но никогда их не пробует, а потом идет за незнакомой красоткой, что отправляет его на свидание с пропастью и свиньями; странного ребенка, от которого нельзя избавиться, пока не вспомнишь, почему он сидит на твоей спине; женщину, которую надо сначала похоронить, а потом ждать ее возвращения сто лет…

Истории закончились, страсти пережиты, актеры ушли со сцены. А тебе не хочется уходить. Ты мечтаешь хоть на миг продлить свидание с этим чудесным миром сна, где все возможно, где ты свободен от внешнего и принадлежишь только себе. Кажется, еще чуть-чуть – и ты поймешь, что такое твое ничто и как научиться ждать сто лет.

Но зал взрывается аплодисментами, и беспощадная реальность захлопывает дверь в твой сон. Хотя, возможно, ты станешь ценить ее больше – потому что теперь сможешь создавать реальность сам, ты же помнишь, как это делается. Все начинается с тишины…

Самое время мне, голосу за кадром, замолчать, растворившись в послезвучии хлопка одной ладони. И я, конечно же, так сделаю. Но сперва поблагодарю участников и создателей перформанса:

переводчицу на русский и чтеца Майю Димерли
переводчицу на украинский и чтеца Анну Костенко
музыканта Милену Недбаеву
куратора и ведущую Юлию Томашевскую-Гарчук
автора «Десяти ночей грез» Нацумэ Сосэки

Спасибо, что помогли услышать!

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

Сергей Есенин и Зинаида Райх

Мне уже доводилось писать о том, что никакая информация о факте, событии, процессе, считающаяся достоверно установленной, не может считаться истиной в последней инстанции. Документ, показания свидетелей и участников, вещественные доказательства могут быть ошибочно или преднамеренно неверно оценены и исследователями, и даже следователями. Как сказал величайший математик современности нобелиат Джон Нэш: «В мире нет ничего, что можно знать наверняка. Это – единственное, что я знаю наверняка». В полной мере это относится к такой деликатной сфере, как романтические отношения. Так, в частности, в большинстве источников, посвященных С. Есенину и героине этого очерка, категорически утверждается, что она была первой женой великого поэта. Однако нетрудно выяснить, что его первым, официально не зарегистрированным браком был союз с Анной Романовной Изрядновой (1891-1946), длившийся несколько месяцев с марта 1913 года. А 21 декабря 1914 года от этого брака родился старший сын поэта, которого окрестили Георгием, а называли Юрой.

Отец никогда не отказывался от сына, встречался с ним, поддерживал материально. А 13 августа 1937 года авиационный специалист Г.С. Есенин был расстрелян по политическому обвинению. Да и достоверность самого факта самоубийства С.А. Есенина доныне многими подвергается сомнению, а ряд экспертиз закрыт от исследователей.

С. А. Есенин в разные годы

«Муза двух творцов», «жена двух гениев»… Зинаиду Райх называли роковой женщиной, прожившей две разные жизни: в одной – бедность и личная драма, в другой достаток, преданная любовь, профессиональный успех. И – страшная, душераздирающая трагедия под занавес…

Википедия сообщает: Зинаида Райх родилась 21 июня (3 июля) 1894 года в селе Ближние Мельницы вблизи Одессы. В различных источниках этот уже давно полноправный район нынешней Одессы называли поселком, предместьем и даже городком. Глава семьи, отец Зинаиды, железнодорожный машинист немецкого происхождения Николай Андреевич Райх (1862-1942, имя при рождении – Август Райх), выходец из Силезии, а мать – уроженка небогатой дворянской семьи Анна Ивановна Викторова (1867-1945). В 59-м выпуске альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» в очерке Александра Галяса, посвященном личности нашей героини, приведены, в частности, результаты скрупулезного исследования автора, обратившегося ко многим источникам, вплоть до дочери Зинаиды Николаевны Татьяны, в поиске места проживания семьи в нашем городе. Будучи в Одессе в 10-летнем

возрасте с матерью и отчимом, она проехала на автомобиле по захолустной улице с низенькими домами, но дом, где родилась мать, ей так и не показали. Позднее А. Галяс отыскал фрагмент из записки по Одесскому охранному отделению от 23 февраля 1905 г., в котором, в частности, указывалось, что «…было назначено на 12 февраля массовое собрание в слесарной мастерской мещанина г. Ростова-на-Дону Николая Андреева Райха, работающего в (тех же) железнодорожных мастерских. Ввиду сего в квартиру Райха был направлен наряд полиции… и… 1905 года февраля 12 дня и. д. помощника пристава Михайловского участка… прибыл в прокатно-велосипедную мастерскую мещанина г. Ростова-на-Дону Николая Андреева Райха, находящуюся в доме Ставро № 19 по Смирновской улице»… Ныне это улица Шота Руставели, но, как свидетельствует автор очерка, дом этот не сохранился.

В 1907 году из-за участия Н.А. Райха в революционных событиях семья была выслана из Одессы и поселилась в Бендерах, где отец устроился слесарем в железнодорожные мастерские. Зинаида поступила в частную женскую гимназию Веры Герасименко, но окончила только 8 классов. Дочь разделяла убеждения отца, одного из первых социал-демократов, члена РСДРП с 1897 г., за что и поплатилась исключением из гимназии по политическим мотивам. Поступила на Высшие женские курсы в Киеве, а с 1913 года стала членом партии социалистов-революционеров (эсеров). А. Галяс отмечает, что Анне Ивановне с трудом удалось выхлопотать свидетельство о среднем образовании для дочери. После этого Зинаида уехала в Петроград, а ее родители переехали в город Орел к старшей сестре матери, Варваре Ивановне Данцигер. В Петрограде Зинаида Райх поступила на Высшие женские историко-литературные и юридические курсы Н.П. Раева, где кроме изучения основных дисциплин брала уроки скульптуры и изучала иностранные языки. После окончания учебы работала секретарем-машинисткой в редакции эсеровской газеты «Дело народа», где она в возрасте двадцати трех лет встретила своего будущего мужа Сергея Есенина, тоже 23-летнего, печатавшегося в этой газете. В 1917-м – год встречи с Есениным – она жила в Петрограде и служила машинисткой в редакции левоэсеровской газеты «Дело народа», была председателем Общества

по распространению пропагандистской литературы. Там же была и художественная библиотека, куда часто заглядывал Сергей Есенин, – книги выдавала эсерка Мина Свирская, и все думали, что Сергей, этот «вербный херувимчик», как называли его тогда, ей симпатизирует. А Зина уже собиралась замуж за его приятеля, начинающего поэта и прозаика Алексея Ганина, представителя так называемого новокрестьянского направления в русской поэзии XX века (в 1925 г. расстрелян ВЧК по обвинению в принадлежности к т. н. «Ордену русских фашистов»).

З.Н. Райх с отцом

Перед помолвкой решили съездить вместе на Соловки и дальше на Север. Подруга не смогла, а Зинаида поехала… Черноволосая красавица прекрасно смотрится на палубе белого парохода. Ганин отошел в сторону, любуясь невестой, он не слышит, о чем говорят Зинаида и Сергей: «Зина, это очень серьезно. Поймите же, я люблю вас… с первого взгляда. Давайте обвенчаемся! Немедленно! Если откажете, покончу с собой… Скоро берег… церковь… Решайтесь! Да или нет?!» – «Да…» По дороге Сергей нарвал полевых цветов. Не помня себя, забыв про Ганина, молодые 30 июля 1917 г. обвенчались в древней каменной церкви Кирика и Иулитты в деревне Толстиково Вологодского уезда. Свидетелями со стороны жениха были: «…Спасской волости, деревни Ивановской крестьянин Павел Павлович Хитров и Устьянской волости, села Устья крестьянин Сергей Михайлович Бараев; со стороны невесты: Архангельской волости, деревни Коншино крестьянин Алексей Алексеевич Ганин и города Вологды купеческий сын Дмитрий Дмитриевич Девятков. Совершали таинство венчания: священник Виктор Певгов с псаломщиком Алексеем Кратировым». Вскоре поэт подарил девушке свою фотографию с надписью: «За то, что девочкой неловкой предстала ты мне на пути моем. Сергей». «Вышли сто, венчаюсь. Зинаида», – такую телеграмму в июле 1917 года получил Николай Райх и отослал деньги

Церковь, где венчались З. Райх и С. Есенин

дочери в Вологду. Это было единственное венчание в бурной короткой жизни поэта.

А. Ганин, кстати, простил друга, и его сборник «Красный час» вышел в 1921 г. с посвящением Есенину: «Другу, что в сердце мед, а на губах золотые пчелы – песни – Сергею Есенину!».

В конце августа 1917 года молодожены приехали в Орел, чтобы отметить скромную свадьбу, познакомиться с родителями и родственниками Зинаиды. В сентябре они вернулись в Петроград, поселились в квартирке на Литейном и зажили вроде бы нормальной семейной жизнью – Есенин даже отговаривался от холостяцких попоек, мол, жену люблю, мы, брат, взрослые люди. Однако «Первая брачная ночь разочаровала Есенина, – пишет А. Мариенгоф («Роман без вранья»), – Зинаида сказала ему, что он у нее первый. И соврала. Этого Есенин никогда не мог простить ей. Не мог по-мужицки, по темной крови, а не по мысли. «Зачем соврала, гадина?». Несмотря на то, что сам Есенин постоянно хвастался «донжуанскими победами», он был страшно ревнив… А когда началась борьба за выживание – время было смутное и голодное, – стал особенно часто хандрить. Возникали конфликты, молодой муж скандалил… «судорога сводила лицо, глаза багровели, руки сжимались в кулаки». Дрался, потом каялся… Какое-то время они живут раздельно. В начале 1918 года, ближе к родам, Зина уехала к родителям в Орел, а Сергей – в Москву, чтобы примкнуть к поэтам-имажинистам. 29 мая 1918 года она родила дочь, которую назвали Татьяной. Заботы о дочери заставили ее задержаться в Орле. В августе она стала работать инспектором Наркомпроса, через месяц стала заведующей театрально-кинематографической секцией Орловского окружного военного комиссариата, а с 1 июня по 1 октября 1919 года была заведующей подотделом искусств в губернском отделе народного образования. Есенин тогда жену не навещал, не звал и не ждал… После отступления из Орла Белой армии А.И. Деникина она взяла

годовалую Танечку и сама приехала к мужу в Москву, в комнату на Богословском, где он жил вместе с Мариенгофом. Сергей особой радости не выказал, но к дочке потянулся всем сердцем. Вскоре он велел жене уехать, сказав, что все чувства прошли, что его вполне устраивает та жизнь, которую он ведет. Зинаида не хотела верить: «Любишь ты меня, Сергун, я это знаю и другого знать не хочу…» И тогда Есенин… подключил Мариенгофа. Вывел его в коридор, нежно обнял за плечи, заглянул в глаза: «А вот чего… не могу я с Зинаидой жить… Скажи ты ей, Толя (уж так прошу, как просить больше нельзя!), что есть у меня другая женщина…».

Около года (по другим источникам – меньше) они прожили вместе, однако затем разрыв принял невыносимый характер, и Зинаида, взяв дочь, отбыла к родителям. Оставив дочь у родителей в Орле, она вновь вернулась к мужу, но вскоре они опять расстались. Через некоторое время поняла, что снова ждет ребенка, подумала, может, это и к лучшему, дети привяжут… По телефону обсудила с мужем имя – договорились, если будет мальчик, то назвать Константином. И опять никаких вестей… 3 февраля 1920 года в Доме матери и ребенка в Москве она родила сына Костю. Потом Зинаида Николаевна, поселившись с малолетними детьми в Москве на Остоженке, в том же Доме матери и ребенка, тяжело заболела – вначале брюшным, а затем и сыпным тифом. Выжила она чудом, угодив на некоторое время – из-за отравления тифозными токсинами – в психиатрическую больницу… Утраченный на время рассудок вернулся к ней. А щенячье любопытство и детская смешливость, еще так недавно очаровавшие Есенина, исчезли навсегда. Зинаида превратилась в трезвого рассудочного человека, прекрасно знающего, что судьба ничего не преподносит даром.

Через год с небольшим, направляясь с тяжело переболевшим сыном в Кисловодск, она встретила на платформе ростовского вокзала Мариенгофа. Узнав, что Есенин ходит где-то рядом, попросила: «Скажите Сереже, что я еду с Костей. Он его не видал. Пусть зайдет взглянет… Если не хочет со мной встречаться, могу выйти из купе». Поэт нехотя, но зашел, посмотрел на сына и сказал: «Фу… Черный… Есенины черные не бывают». Бедная женщина отвернулась к окну, плечи ее вздрагивали, а Есенин повернулся на каблуках и вышел легкой танцующей походкой. А 19 февраля

1921 года в суд города Орла поступило заявление: «Прошу не отказать в Вашем распоряжении моего развода с моей женой Зинаидой Николаевной Есениной-Райх. Наших детей Татьяну трех лет и сына Константина одного года – оставляю для воспитания у своей бывшей жены Зинаиды Николаевны Райх, беря на себя материальное обеспечение их, в чем и подписываюсь. Сергей Есенин». 5 октября 1921 г. их брак был официально расторгнут… Свое обязательство помогать детям Сергей всегда старался выполнять.

Очень скоро на смену тогда еще никому не известной орловской жене придет популярная американская танцовщица Айседора Дункан. Но не так далеко и то время, когда Сергей Есенин будет дежурить возле чужого дома, умирая от тоски по своим детям, стучаться в дверь и жалобно просить, чтобы впустили на одну минуту, только посмотреть… Уснули? Пусть их вынесут… спящих… он хочет их видеть. И Зину… свою жену… известную актрису, супругу Всеволода Мейерхольда.

С марта 1921 года З. Райх преподавала в Орле историю театра и костюма на театральных курсах. Осенью 1921 года эта красивая женщина, внешне похожая, по мнению современников, на умершую в 1919 г. в Одессе кинодиву Веру Холодную, стала студенткой Высших режиссерских мастерских в Москве, где училась вместе с С.М. Эйзенштейном и С.И. Юткевичем. Руководивший этой мастерской 48-летний Всеволод Эмильевич Мейерхольд, с которым Райх познакомилась, работая в Наркомпросе, давно присматривался к Зинаиде Райх. Как-то на одной из вечеринок он обратился к Есенину:

– Знаешь, Сережа, я ведь в твою жену влюблен… Если поженимся, сердиться на меня не будешь?

Поэт шутливо поклонился режиссеру в ноги:

– Возьми ее, сделай милость… По гроб тебе благодарен буду.

И все-таки Сергей недооценил жену: она докажет ему, на что способна… она станет актрисой. Зинаида долго не могла решиться принять предложение учителя, мол, разведена, двое детей, никому не верю… На что известный режиссер просто и внятно ответил: «Я люблю вас, Зиночка. А детей усыновлю». До этого Всеволод прожил четверть века со своей первой женой Ольгой

З.Н. Райх в разные годы. Последнее фото – в роли Софьи в спектакле «Горе от ума» по А.С. Грибоедову

Мут, которую знал с детства, родил с ней трех дочерей. Грозный и требовательный главреж ставит Зинаиду в центр мизансцен и увольняет из театра любимицу публики Марию Бабанову –

В.Э. Мейерхольд и З.Н. Райх

тонкую, гибкую, с хрустальным голосом, а заодно и Эраста Гарина, не угодившего Зиночке. Гневно ревнивый муж расцветшей героини даже взял ее фамилию в качестве второй и подписывался – Мейерхольд-Райх. Родители перебрались из Орла в Москву, у детей есть все необходимое: лучшие доктора, учителя, дорогие игрушки, отдельные комнаты. Вскоре семья переехала в стометровую квартиру на Новинском бульваре. Зинаида становится одной из первых дам Москвы, она бывает на дипломатических и правительственных приемах, принимает в своем доме самых именитых гостей. Всеволод Эмильевич не только усыновил детей Есенина, но и искренне привязался к ним. И они во всем доверяли отчиму, который неизменно был доволен, когда к детям со двора приходили сверстники (в числе которых бывал и совсем юный Зиновий Гердт).

Они вступили в официальный брак в 1922 году. А годы спустя зверскую, чудовищную гибель Всеволода и Зинаиды фаталисты связывали с проклятием его первой жены. Сейчас же Мейерхольд был счастлив, он и не знал, что можно так любить… Есенина это задело, и он сетовал: «Втерся ко мне в семью, изображал непризнанного гения… Жену увел…». Райх, вопреки другим мнениям, казалась режиссеру живым воплощением стихии, разрушительницей и созидательницей, с ней можно делать революционный театр! Он готов был отдать ей все роли – и женские, и мужские, в том числе Гамлета. Тогда Охлопков сказал, что… сыграет Офелию, и даже написал письменную заявку на эту роль, после чего

также вылетел из театра. Много и восторженных, и злых страниц разных изданий посвящено этому периоду жизни нашей героини.

Дебютировала она 19 января 1924 года на сцене Гостеатра имени Мейерхольда в роли Аксюши в спектакле «Лес» по пьесе А.Н. Островского. А в 1930-е годы она стала одной из самых известных актрис в Москве, хотя за тринадцать лет работы в ГОСТиМе она сыграла немногим более десяти ролей. О ней восторженно писали рецензенты в Германии и Франции во время неоднократных зарубежных гастролей театра. Европейские критики сравнивали Райх с великими актрисами прошлого Сарой Бернар и Элеонорой Дузе. А. Галяс приводит примечательный эпизод встречи с четой Мейерхольд-Райх в Берлине – из воспоминаний великого актера Михаила Чехова, эмигрировавшего из СССР в конце 1920-х гг. У Мейерхольда в ту пору были неприятности с властями, у него грозились отобрать театр, и Чехов предлагал ему остаться на Западе. Мейерхольд, по словам Чехова, колебался, но его жена была непреклонной: только домой! Чехов иронизировал по этому поводу, что «советскую власть она, кажется, любила даже больше, чем своего мужа».

Мейерхольд, искренне любя супругу, делал все, чтобы она стала единственной звездой его театра. Зинаида действительно была женщиной редкой красоты. Страсть и нрав сочетались в ней с утонченностью и изяществом. По большинству описаний –

Муж у портрета жены

стройная, высокая, черноглазая и черноволосая, темпераментная, «магнетически привлекательная», с тонкими чертами лица, Райх была яркой и эффектной. А вот другие литературные портреты Зинаиды Райх были далеко не столь восторженными. В «Двенадцати стульях» есть ироничная глава про авангардный «театр Колумба», который возглавляет режиссер Николай Сестрин (на афише – «Ник. Сестрин», подобно «Вс. Мейерхольду») со своей женой «Густой (немецкое имя…), которая никакого отношения к коллективу не имеет». Комментаторы уверены, что прототипами стали Мейерхольд и Райх. Отказывали ей в признании таланта, критиковали внешность. Игорь Ильинский, который так же, как М. Бабанова, Гарин, Охлопков, ушел из театра из-за нее, писал в мемуарах: «Зинаида Николаевна не имела никакой школы и, на мой взгляд, была дилетанткой без каких-либо видимых данных и способностей не только занимать особое положение в театре, но и вообще быть актрисой».

Про Зину некоторые «доброжелатели» говорили, что она передвигается по сцене, «как корова». Еще жестче отзывался о ней Анатолий Мариенгоф: «Райх актрисой не была – ни плохой, ни хорошей. Ее прошлое – советские канцелярии. Щедрая природа одарила ее чувственными губами на лице круглом, как тарелка. Одарила задом величиной с громадный ресторанный поднос при подаче на компанию». По мнению Мариенгофа, именно эта особенность фигуры создала ей славу. Трудно судить, чьи утверждения ближе к истине – кинохроники со спектаклями Мейерхольда не сохранилось. Однако театроведы отмечали

трудолюбие и самоотдачу Зинаиды Райх в работе, полное усвоение принципов мейерхольдовской «биомеханики». Справедливости ради приведу строки, принадлежащие авторитетному эксперту Валерию Фокину, советскому и российскому режиссеру, актеру и педагогу, многолетнему художественному руководителю Академического театра драмы им. А.С. Пушкина (питерской Александринки), народному артисту и лауреату множества госпремий, которому очень хочу верить, хотя бы уже потому, что у него, в отличие от современников, нет причин для субъективной оценки профессиональных и личностных качеств давно ушедшей актрисы: «...все-таки эта женщина была очень своеобразной в том плане, что о ней разные ходили мнения, кто-то ее принимал, кто-то не принимал, кто-то говорил, что она не артистка, кто-то говорил, что артистка замечательная, кто-то говорил, что все только Мейерхольд, а так бы никогда, и так далее. Но не оценивать одного, что она существенным образом повлияла на Всеволода Эмильевича, и что если бы не она, то, может быть, многие какие-то его шедевры, даже и лучшие моменты в его шедеврах, мы просто бы не знали и не увидели, потому что она его вдохновляла, давала ему какую-то новую энергию, начиная с момента их встречи и в дальнейшем... Поэтому я думаю, что роль этой женщины именно в гении Мейерхольда, в его

З. Райх и В. Мейерхольд с детьми

развитии, помимо ее способностей. Она, конечно, была незаурядный человек, это абсолютно ясно. Но вот это огромно, потому что время уходит, начинаешь смотреть уже биографически, исторически, то ты понимаешь, что ее влияние на Мейерхольда и, следовательно, на весь театр – российский, европейский – огромно».

Вернувшись в 1923 году из Америки в Россию после разрыва с Айседорой Дункан больным и измученным (у него начала развиваться эпилепсия), после того как Зинаида стала актрисой самого авангардного театра, красивой и благополучной супругой популярного режиссера, Есенин снова влюбился в свою бывшую жену… вдруг воспылал к сыну и дочери отцовскими чувствами; ему уже не казалось, что «Есенины черными не бывают»… Многие очевидцы подчеркивали, что Есенин любил Зинаиду до гробовой доски. Не зря же он казнил себя, ревновал:

Но ты детей по свету растерял,
Свою жену легко отдал другому,
И без семьи, без дружбы, без причал
Ты с головой ушел в кабацкий омут…

И адресовал бывшей жене множество поздних раскаяний… Именно Зинаида была адресатом знаменитого есенинского «Письма к женщине» (1924):

Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрачивал в скандалах.
Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий…

Простите мне…
Я знаю: вы не та –
Живете вы
С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.
Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.

Хотя, как пишут, поэт теперь редко бывал трезв и с каждым днем опускался все ниже, Зинаида Райх начала опять встречаться с ним в комнате своей подруги-тезки Зинаиды Гейман. Но Гейман не сказала ей, что Мейерхольду все известно, что однажды вечером он брезгливо смотрел в глаза сводница: «Я знаю, что вы помогаете Зинаиде встречаться с Есениным. Прошу, прекратите это: если они снова сойдутся, то она будет несчастна…». Подруга спрятала глаза, пожала плечами, мол, это ревность… фантазии воспаленного воображения… У Мейерхольда были основания для беспокойства. Под влиянием создавшейся ситуации Зинаида даже на сцене перестала контролировать себя. Играя городничиху, так щипала дочку, что та вскрикивала по-настоящему. На приеме в Кремле вдруг разъяренно набросилась на самого Калинина: «Все знают, что ты бабник!». Любой насмешливый взгляд в свою сторону воспринимала в штыки, могла тут же закатить истерику… Поэтому психическое здоровье жены волновало Мейерхольда больше, чем связь с Есениным. Но… на одном из свиданий Райх сказала бывшему мужу, что «параллели не скрещиваются», все, хватит, она не бросит Всеволода…

После смерти поэта Райх подарила Гейман фотографию с надписью: «Тебе, Зинушка, как воспоминание о самом главном и самом страшном в моей жизни – о Сергее…».

Известно, что по поводу обстоятельств гибели поэта – самоубийство? убийство? – доныне не существует окончательного мнения, особенно если учесть отношение режима к его творчеству и способу существования, сомнительного окружения – «друзей-врагов» и т. п. О его смерти, случившейся почти перед самым новым 1926 годом, супруги узнали в тот же день, но поздно вечером. Зинаида с искаженным лицом кинулась в прихожую:

– Я еду к нему!

– Зиночка, подумай…

– Я еду к нему!

– Я еду с тобой…

Всеволод Эмильевич до утра оттирал бившуюся в истерике жену мокрыми полотенцами. Сын ее Константин так вспоминал ту ночь: «Мать лежала в спальне, почти утратив способность реального восприятия… Два раза выбегала к нам, порывисто обнимала и говорила, что мы теперь сироты».

Всеволод Эмильевич поддерживал Зину около гроба Есенина, когда она кричала: «Сказка моя, куда ты уходишь?» – закрыл ее спиной от бывшей свекрови, когда та заявила при людях: «Ты во всем виновата!». Сопровождал повсюду, не спускал глаз – только бы не было срыва, только бы все обошлось…

Шли годы. В 1934 году спектакль «Дама с камелиями», главную роль в котором играла Райх, посмотрел Сталин, и спектакль ему не понравился. Критика тут же обрушилась на Мейерхольда с обвинениями в эстетстве. Зинаида Райх направила письмо Сталину, в котором писала, что он не разбирается в искусстве. Наступало время, когда кругом были одни «враги». В 1938-м появились статьи о «мейерхольдовщине». Под этим подразумевалось тайное пристрастие режиссера к буржуазному искусству. Мейерхольду не дали звания народного артиста СССР, театр закрыли 8 января 1938 года. В мае К.С. Станиславский предложил оставшемуся без работы Мейерхольду должность режиссера в руководимом им самим оперном театре. После наступившей вскоре смерти К.С. Станиславского Мейерхольд стал главным режиссером театра. Мне не встретилась информация о профессиональной деятельности Зинаиды Николаевны в этот период. А город, как и страна, давно уже содрогался по ночам от резкого звука подъезжающих авто-

мобилей – проводились нескончаемые аресты. Всеволод Эмильевич сильно поседел и постарел. Его взяли в Питере 20 июня 1939 года, одновременно в его квартире в Москве был произведен обыск. В протоколе обыска зафиксирована жалоба его жены Зинаиды Райх, протестовавшей против методов одного из агентов НКВД.

В.Э. Мейерхольд в тюрьме НКВД

Зинаида понимает, что мир рухнул, что мужа – единственно верного и настоящего друга жизни – она больше не увидит, но еще не знает, что впереди ночь с 14 на 15 июля 1939 г., которая станет для нее роковой. Убийцам, проникшим в квартиру ночью через балкон, Зинаида Николаевна сопротивлялась отчаянно – она была не по-женски сильна… тело актрисы с многочисленными ножевыми ранами нашли в кабинете. Соседи слышали крики Зинаиды Николаевны, но прийти на помощь побоялись. Домработница Лидия Анисимовна Чарнецкая, которую, как вспоминала внучка Мейерхольда от первого брака Мария Валлентей, утром нашли с разбитой головой на полу у входной двери, ничего никому не рассказывала, была через несколько дней арестована, а после освобождения куда-то исчезла… Почти никого не было и на ее похоронах… За убийство были осуждены два талантливых артиста Большого театра, явно не имевших к нему ни малейшего отношения, ни элементарной мотивации. Сломали судьбу еще двух неугодных режиму людей…

Татьяну и Константина, детей Зинаиды Райх и Сергея Есенина, выселили из квартиры в 48 часов. Там стали жить личный шофер Берии и молодая сотрудница аппарата НКВД.

Всеволода Мейерхольда расстреляли 2 февраля 1940 г. как «шпиона английской и японской разведок», продержав несколько месяцев в тюрьмах и забив до неузнаваемости. Зинаиду похоронили на Ваганьковском кладбище недалеко от могилы Есенина. Через некоторое время на памятнике Райх появилась еще одна

Памятник на Ваганьковском кладбище

Константин Сергеевич Есенин

надпись – «Всеволод Эмильевич Мейерхольд», хотя захоронение Мейерхольда, скорее всего, существует в братской могиле Донского монастыря. На Ваганьковском кладбище – памятник-кенотаф. Сейчас на нем также высечено имя сына Константина Есенина, похороненного в могиле матери в 1986 г.

Вот что удалось узнать о детях Зинаиды Райх и Сергея Есенина:

Есенина Татьяна Сергеевна (1918, Орел – 1992, Ташкент). Писательница, журналистка. Будучи выселенной из последней квартиры родителей в Брюсовом переулке, Татьяна Сергеевна вместе с младшим братом Константином спасла архив Мейерхольда, спрятав его на даче в Балашихе, а в начале войны передала его на хранение С.М. Эйзенштейну. В годы Великой Отечественной войны Татьяна Есенина эвакуировалась с мужем-шахтером В.И. Кутузовым и сыном Владимиром в Узбекистан, где по ходатайству Алексея Толстого получила для семьи маленькую комнату в доме-бараке. Полвека прожила в Ташкенте, работая корреспондентом газеты «Правда Востока»,

Татьяна Сергеевна Есенина
Второе фото – 1970-е годы

научным редактором в издательствах Узбекистана.

Написала книги-повести «Женя – чудо XX века» и «Лампа лунного света», мемуары о С. Есенине, З. Райх и В. Мейерхольде. Дети Татьяны: старший – Владимир Владимирович Кутузов, о котором известно мало. Младший – Сергей Владимирович Есенин (1942-2016) – работал в сфере строительства, альпинизма и геодезии, выступал в прессе и по телевидению с рассказами о потомках поэта. Его дети, внучки Татьяны – Зинаида, преподаватель биологии; Анна, художница. По линии обоих сыновей у Татьяны Есениной также есть правнуки. Константин Сергеевич Есенин (1920, Москва – 1986, Москва), советский спортивный журналист и создатель футбольной статистики, профессиональный футболист. По образованию и основной профессии инженер-строитель. Фронтовик, участник обороны Ленинграда, мл. лейтенант, командир роты, кавалер трех орденов Красной Звезды. Два брака. От первого – дочь Марина. Вместе с сестрой Константин Есенин приложил значительные усилия для сохранения

архивов С. Есенина и В. Мейерхольда, которые после гибели Райх и Мейерхольда и последующего выселения детей поэта из квартиры в Брюсовом переулке он вместе с сестрой Татьяной спрятал на даче в Балашихе, а после передал государству. Перу Константина Есенина принадлежат также опубликованные воспоминания об отце. Татьяна и Константин были инициаторами процесса реабилитации Всеволода Мейерхольда. Письма Татьяны Есениной исследователю творчества Мейерхольда К.Л. Рудницкому являются важным источником для изучения творчества репрессированного режиссера. О Есенине и Райх, об их детях существуют фильмы, доступные в Интернете.

Актрисе Зинаиде Райх, жене и музе, вдохновительнице творчества (не осудите за вполне уместный пафос) двух ярчайших, талантливейших рыцарей мировой культуры Сергея Есенина и Всеволода Мейерхольда, людей трагической судьбы, в общественном мнении не повезло, так как доминирующим осталось суждение, что звездой театра она стала исключительно благодаря внешним данным и удачному замужеству. Но трагичность ее собственной судьбы усугубляется тем, что оно же, это замужество, и привело ее к страшной гибели: наивно думать, что поводом для зверского убийства (еще одна версия следствия) была простая кража…

P. S. В девятом номере сборника научных статей и публикаций Одесского литературного музея «Дом князя Гагарина» приведено исследование группой авторов (В.В. Левченко и др.) публикаций о Есенине в украинской и, в частности, в одесской периодике в 20-40-е годы истекшего века. Авторы справедливо указывают, что несмотря на обилие опубликованной информации о жизни и литературном наследии, до настоящего времени не утихают страсти по поводу того или иного факта его биографии и творчества, его литературной репутации, причем на протяжении многих лет оценки большинства публикаций отражали «преобладание у их авторов эмоций и давления со стороны цензуры, нежели наличие фактологического материала». Ими обнаружена лишь одна статья, посвященная личной жизни поэта, но повествующая о его отношениях с американкой А. Дункан, а не с одесситкой З. Райх. («Дункан-Есенин», газета «Зритель», июль 1922 г.). Отмечая неоднократное посещение Есениным Харькова, они подтверждают тот факт, что он ни-

когда не бывал в нашем городе. В этой связи вспоминаю рассказы моей покойной матери, близко дружившей со своей коллегой Еленой Чеславовной Кондратьевой, одесситкой, врачом-рентгенологом, женщиной редкой красоты. Ее девичья фамилия мне неизвестна. Она была знакома с Сергеем Есениным по Харькову, и он, по ее утверждению, обнаруживал живую заинтересованность ею, граничащую с влюбленностью. Позже она стала женой одного из моих институтских профессоров – анатома Н.С. Кондратьева. Факт их знакомства с поэтом подтверждался ветераном-рентгенологом Я.И. Каминским, хорошо известным одесской общественности. Это сведения, известные не многим.

Евгений Голубовский

Вслед за классиками

Знаете ли вы, что такое роман-буриме? Эту конструкцию в 1927 году придумал М. Кольцов, решив привлечь к написанию коллективного романа цвет литературы. Первую главу написал А. Грин, затем – А. Толстой, К. Федин, М. Зощенко, И. Бабель, В. Инбер… 26 глав – 26 авторов. Этот же эксперимент повторил В. Катаев в 1964 году. В романе-буриме на страницах «Недели» приняли участие В. Аксенов, А. Гладилин, В. Войнович, Л. Славин, Ю. Казаков, Ф. Искандер… 10 глав – 10 авторов.

В студии «Зеленая лампа» при Всемирном клубе одесситов собрались талантливые молодые литераторы. И мы решили написать роман, где сюжет возникает импровизационно. Такой джазовый опыт. Нас поддержала редакция «Вечерней Одессы». И вот каждый четверг, начиная с 4 января, до 29 марта в режиме реального времени писался и печатался роман «Не судите черных овец»: 13 глав – 13 авторов.

Название и первую главу написала Елена Андрейчикова. Она предполагала, что начинает семейные хроники. Но уже в третьей главе Анна Михалевская вводит картину Кандинского, предлагая острый детектив. Евгений Деменок посчитал, что куда интереснее понять круг близких художника в Одессе, судьбу его наследия. Так складывался роман, который завершен, нашел читателей и почитателей.

В ближайшие месяцы коллективный роман-буриме «Не судите черных овец» будет издан отдельной книжкой. А в сентябре на Международном литфестивале в Одессе состоится его презентация.

Хочу поблагодарить всех 12 авторов романа, я был тринадцатым, и редакцию «Вечерки» за участие в экспериментальном проекте. Мне кажется, что экзамен на зрелость сдан.

Владислав Кураш

Трогательная история одной огромной любви

Посвящается моей жене Алене Гордиенко-Кураш

Постмодернизм – это болезненное маргинальное состояние современной культуры, метание между отживающим прошлым и необозначенным будущим, затянувшееся на долгие десятилетия. В большинстве своем – бесплодные хаотические поиски новых революционных форм самовыражения и отражения действительности. Попытка ухода от традиционных общепринятых систем и категорий восприятия и мышления. Попытка создания нового порядка вещей. Попытка переворота и переустройства общественного сознания. Попытка переосмысления моральных устоев и переоценки общечеловеческих и культурных ценностей. Попытка переориентации духовных устремлений человека.

Отцом «минимализма» и соответственно отпочковавшегося от него в начале второго тысячелетия и сформировавшегося как самостоятельное художественное направление «художественного документализма» многие современники считают Эрнеста Хемингуэя.

Как-то он поспорил с Фрэнсисом Скоттом Фицджеральдом, что сможет написать очень короткий рассказ. Хемингуэй выиграл спор и написал рассказ, в котором было всего лишь шесть слов, крохотную трогательную историю жизни одного маленького мальчика: «Продаются детские ботинки. Не ношеные» («For sale: baby shoes, never worn»).

После Хемингуэя в этом направлении пробовали себя многие известные мастера. И Раймонд Карвер, и Чарльз Буковски, и Арам Сароян, и Мэри Робинсон. Список знаменитых имен можно продолжать бесконечно долго.

Говоря о писателях-минималистах, нельзя не вспомнить и о Василиске Гнедове и его «Поэме Конца». Эта «поэма» представляет собой чистый лист бумаги – и ничего больше. Впрочем, утверждать, что поэма бессловесна и бессмысленна, я бы не стал, есть название, в котором и заключена глубокая идея автора.

Хотелось бы сказать пару слов и о романе Владимира Блинова, который состоит из одной фразы: «Не надо! Я сама» – всего лишь четыре слова. И тем не менее Владимир Блинов определяет свое творение как роман, считая его многогранным и поливариантным, открывающим богатейший простор для фантазии читателя.

Будучи писателем-минималистом, в один прекрасный день я тоже захотел написать свою крохотную трогательную историю, такую же многогранную, глубокую и поливариантную, как у Хемингуэя и Блинова. И вот что у меня получилось. Я написал рассказ в шесть слов, в котором была заключена история длиною в жизнь: «Я не хочу жить без тебя». Рассказ я назвал «Трогательная история одной огромной любви».

После этого я понял, что просто обязан сформулировать, хотя бы для себя, некоторые теоретические аспекты своего творчества. Ничего сверхоригинального из этого, конечно же, не получилось, зато появилось четкое осознание того, что я делаю, того, на что убиваю все свое свободное время. Итак:

Минимализм – художественное направление в литературе, базирующееся на минимализации использования в творческом процессе материалов, инструментов и средств художественной выразительности, на минимализации количества используемых слов при передаче максимума информации, на стремлении к упрощенности и единообразию форм. Герои в минималистских произведениях, как правило, безлики и не имеют характерных черт. В минималистических произведениях изображаются только самые необходимые, основные черты и детали. Автор, вместо того чтобы описывать каждую мелочь или подробность, дает только основной контекст, предлагая воображению читателя самому дорисовать историю.

Художественный документализм – художественное направление в литературе, в основу которого положено создание документа, отражающего ту или иную особенность действительности.

Художественный документализм базируется на одиннадцати принципах:

1. Достоверность художественного образа.

2. Лаконизм. Для создания полновесного достоверного художественного образа достаточно минимального набора средств художественной выразительности.

3. Единство типизации и индивидуализации художественного образа.

4. Характер выступает центральным, главенствующим образом художественного произведения.

5. Детализация художественного образа. Каждая деталь важна для создания полновесного достоверного художественного образа.

6. Предметом художественного изображения является человек и окружающий его мир.

7. Идейное содержание является неотъемлемым компонентом художественного произведения.

8. Художественное произведение является системой ценностных ориентаций. Познавательная, воспитательная и эстетическая функции художественного произведения.

9. Пафос художественного произведения. Эмоциональность является стержневым, важнейшим элементом любого художественного образа, любого характера и всего художественного произведения в целом, самым эффективным средством воздействия на читателя.

10. В основе любого художественного произведения лежит художественный вымысел, который является авторским способом отражения действительности.

11. Документализм. Всякое художественное произведение является своеобразным документом, в художественной форме фиксирующим те или иные черты действительности.

Варшава

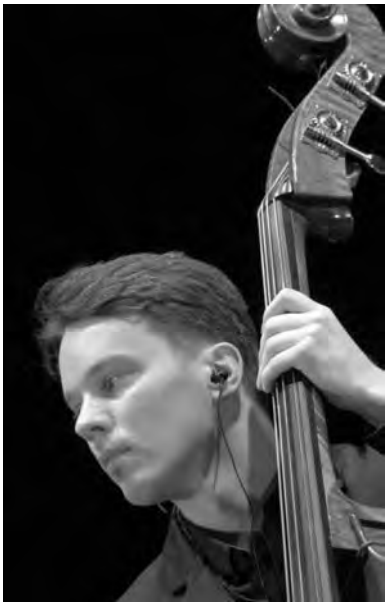
Елена Шевченко

Джаз: времена года

Первые ассоциации с содержанием афиши память подсказывает в связи с шедеврами П.И. Чайковского и Антонио Вивальди, гениями русской классики и итальянского барокко, но при этом интригует стилевое направление в область американской импровизационной музыки XX века, где царит свобода и непредсказуемость творческой фантазии исполнителей. Любопытно, увлекательно!.. А те, кто узнал имена участников джазового трио, немедленно отложили свои дела, чтобы вечер 20 февраля с. г. провести в зале одесской филармонии и стать участником настоящего чуда – исполнения цикла «Времена года» Чайковского в джазовой аранжировке Алексея Петухова.

Классика в джазовой обработке стала уже привычным явлением для современного слушателя. Первые эксперименты с популярными мелодиями Листа, Верди, Паганини, Римского-Кор-

сакова и др. показывал в своих программах новоорлеанский пианист Джелли Ролл Мортон, нью-йоркский оркестр Поля Уайтмена еще в 20-х годах, танцевальные оркестры крупных городов США в 30-х, лидер эры свинга Бенни Гудмен использовал полифонические приемы в своей пьесе «Бах приходит в город». В середине 50-х фуги Баха в джазовой аранжировке исполняли темнокожие музыканты «Модерн Джаз Квартета» и с триумфом представили свои программы на гастролях в Европе в 60-х. В этот период начал свою бахиану французский пианист Жак Лусье и за полвека записал все (!) произведения гения барокко в составе акустического трио.



Максим Кондратьев

Новый стиль – барок-джаз, где соединились академический композиторский материал с джазовыми приемами исполнения, стали развивать французские певцы ансамбля «Свингл Сингерс»: в технике скэт-вокала записывали в студии пьесы не только Баха, но и Генделя, Моцарта, Вивальди, Дебюсси и др. с добавлением контрабаса и ударных.

Музыка П.И. Чайковского также была отмечена особым вниманием джазовых музыкантов по обе стороны океана. В 40-х Дюк Эллингтон сделал аранжировку для биг-бенда и записал сюиту из балета «Щелкунчик», в следующем десятилетии джазовую версию на различных инструментах получила проникновенная тема второй части из 4-й симфонии (соло валторны) и обрела даже свое название – «Moon Love». Тема из медленной части 4-й симфонии «Унылый край, туманный край» стала источником вдохновения одесситов саксофониста Андрея Прозорова

Алексей Петухов

и пианиста Вадима Неселовского на концерте в Одессе в 2005 и сольного исполнения Вадима на международном джазовом фестивале в 2016 в жанре песни с собственным текстом.

Пьесы из цикла «Времена года» в начале XXI века неоднократно исполняли в джазовой аранжировке музыканты московского трио Сергея Жилина, записали два CD и пластинку на виниле.

Одесская трактовка цикла Чайковского рождалась в течение нескольких лет независимо от уже имеющихся проектов. Алексей Петухов вспоминает, что толчком послужила самая популярная пьеса «Подснежник» и первая пьеса «Январь», которую он наигрывал под настроение и заметил, что «тема неожиданно развернулась в красочных гармониях и потребовала (!) особенного импровизационного развития. Звучание показалось интересным, свежим и современным». Спустя некоторое время к музыкальным образам времен года захотелось снова вернуться. Далее Алексей рассказывает:

– Бывая в кругосветных путешествиях, я заметил, что привычные ощущения зимы в странах Латинской Америки или лета в скандинавских фиордах абсолютно меняются. Тогда появилась идея воплотить новые впечатления времен года в новых музыкальных красках, стилях и жанрах на основе известного цикла Чайковского. Работа шла с большими перерывами и завершилась лишь в начале этого года. Постепенно складывались также тембровые краски и необходимость использования дополнительных инструментов у всех партнеров – хотелось показать нечто новое и неожиданное.

На концерте в филармонии это новое и неожиданное захватило внимание слушателей с первых аккордов «Января» и удерживало его до последних звуков коды в «Декабре».

Смелое новаторское прочтение цикла с использованием всего арсенала красок современного джаза, по сути, стало самостоятельной композиторской работой Алексея Петухова, где музыка Чайковского была главным творческим импульсом для широкого развития. В общем потоке импровизационных мыслей, изысканных мелодий и гармоний, переменных размеров и сложных ритмов, полифонических многоголосных сплетений темы Чайковского прослеживались то весьма рельефно и ясно, то завуалированно, то вовсе растворялись в новых музыкальных идеях исполнителей.

Андрей Гончаров

Аранжировки Алексея основывались на красках акустического трио и исполнительском мастерстве его постоянного партнера контрабасиста Максима Кондратьева и молодого талантливого барабанщика Андрея Гончарова. В процессе развития музыкальных пейзажей органично чередовались соло этих инструментов с тембрами электроклавишных, бас-гитары и различных перкуссионных инструментов. Появление новых тембров и жанров определяло и новые акценты в трактовке цикла. Так, после четырех первых пьес акустическое трио сменили тембры клавишных в «Мае» с гармониями негритянского госпела – жанра религиозных песнопений; «Июль» со звуками челесты и шуршанием перкуссии на пианиссимо в медленном темпе стал медитацией на берегу океана; «Август» и «Сентябрь» с развернутыми соло бас-гитары и барабанов в стиле джаз-рок подчеркнули кульминацию всего цикла. По-новому прозвучали «Июнь» – в быстром свинге, и «Февраль» – с солнечными красками самбы Пуэрто-Рико (!),

«Ноябрь» раскачивался переменными размерами и сложными ритмами. На этом фоне «Март», «Апрель» и, конечно, «Октябрь» в силе кул-джаза внесли проникновенные лирические акценты.

И все-таки везде прослушивались мелодии Чайковского – но как неожиданно и самобытно! Музыкальные картины высвечивались красками современного джаза кистью в руках Алексея Петухова.

Немаловажным фактором успеха концерта явилось высокое качество и красочность звука благодаря персональным наушникам-мониторам у всех исполнителей (их используют в студийных условиях), что создало комфорт и возможность контролировать звуковой баланс не сцене.

Последняя пьеса, наиболее близкая к оригиналу, завершилась развернутой кодой, где, как в венке сонетов, промелькнули темы цикла в своих прозрачных стилевых масках, напоминая о прослушанном и прочувствованном в этот вечер. Специалисты и джазовые меломаны наверняка улыбнулись, услышав стремительно пролетевшую тему основателя стиля бибоп Диззи Гиллеспи «Con Alma» – «С душой» – как признание Алексея Петухова сути своего отношения к этому проекту.

Заключительные аккорды «Декабря» утонули в продолжительных овациях, криках «браво!» и фактически поставили восклицательный, точнее – несколько восклицательных знаков в оценке мастерства исполнителей и признания художественного открытия – нового звучания цикла «Времена года» П.И. Чайковского в джазе!

Публикации

300 Семен Липкин
Линованная тетрадь
Публикация Елены Макаровой

311 Алена Яворская
«Судьба морской газеты «Моряк»…»

Семен Липкин

Линованная тетрадь

Осенью 1951 года Липкин в составе археологической экспедиции под руководством известнейшего ученого М. Дьяконова отправился на место раскопок – в Кафирниган. Запись об этом путешествии я обнаружила в школьной 12-страничной тетрадке в линейку.

В книге самого Дьяконова дается подробное описание раскопок – пишет специалист своего дела, но ведь и записи Липкина предельно точны, хотя археология не являлась областью его знаний.

Что же искал Липкин на месте раскопок? Известно, что в конце 40-х – начале 50-х годов он переводил классиков средневековой персидской литературы, – Навои и Фирдоуси. «Шах-Наме» Фирдоуси вышла в свет в 1955 году. В романтике Семена Израилевича не заподозришь, стало быть, что-то ему там было нужно для переводческой работы – или узнать, или понять, или разобраться в том, как и где жили герои Фирдоуси.

Рассказывают, что борьба Рустема и Афросиаба, знаменитых героев «Шах-Наме», происходила в этих местах, и Гиссарский арк якобы был выстроен Афросиабом для защиты от Рустема. Так это или не так, никто доподлинно не знает, однако «духом места» поэмы Фирдоуси была древняя Бактрия. Эта богатейшая страна простиралась от Гиссарского хребта на севере до гор Гиндукуша на юге, от «Железных ворот» на западе до предгорий Памира на востоке. То есть она занимала современные территории Таджикистана и Юго-Восточного Узбекистана, а по другую сторону Аму-Дарьи – территорию Афганистана.

Липкин – наблюдатель. Его записи – как узелки на память. Никаких дорисовок. Практически никакой «художественной образности»: «Главное для археолога – терпенье. Бактрийский язык до сих пор неизвестен, все надписи греческие».

Лишь в редких местах пробивается голос Липкина-поэта: «Луна отражается в реке, нежная линия делит ее наискось, линия живая, движущая, лунные отраженьица, как рыбы, быстро скользят».

Елена Макарова

С.И. Липкин

26.9.

В 10 утра выехал в Микоянабад (б. Кобадиана*). Шофера экспедиции, Ивана Николаевича, накануне избили в «Памире», выбили зубы, забрали часы. Он приехал в Сталинабад из Сталинграда к брату, с которым не виделся 21 год. Брат его плохо принял, они поссорились. В Микоянабад он опаздывает на целые сутки. Только отъехали, произошло что-то с аккумулятором, задержались еще на два часа.

Дорога, начиная с Куйбышевской улицы, наполовину мне известна. В 15 км от кургана Тюбе** сворачивает направо к афганской границе. Здесь проверяют паспорта. Дорога резко ухудшается. Пустыня. Вахш, который несколько раз с нами встречался, встречается в последний раз в 40 км от Микоянабада***. Здесь пьем (?) рассадник. Жалкая чайхана. Купили за 5 р. хороший арбуз. Все шофера непременно останавливаются. Движение слабое, тихое. Складки холмов мягкие – стадо слонов.

* Кобадиан – город в Бактрии (сер. 1-го тыс. до н. э. – первые вв. н. э.), ныне городище Калаи-Мир в поселке имени Насира Хосрова (Таджикистан).

** Курган-Тюбе (тадж. Қурғонтеппа, узб. Qurg'onteppa), город в Юго-Западном Таджикистане, административный центр Хатлонской области. Расположен в 100 км к югу от города Душанбе, в центре богатого оазиса в долине реки Вахш.

*** «Перед глазами разворачивается плодородная долина Вахша, одного из истоков Аму-Дарьи, до сих пор сохраняющего ее древнее название. Многими рукавами разливается здесь огромная река; заросшие тугаями островки разрезают ее течение, а вдалеке открывается покрытый полями и садами восточный берег. И снова машина сворачивает в степь, проходит через водораздел Вахша и Кафирнигана, и вот перед нами приветливый Микоянабад. Мы остановились прямо против крепости Кобадианского бека. Здесь, на усадьбе дорожного участка, гостеприимные хозяева устроили нас на ночлег, и так повелось, что гостеприимством дорожников мы пользовались и все следующие годы». М. Дьяконов. У истоков культуры Таджикистана, Таджикгосиздат, 1956.

Красно-фиолетовый тамариск (таволожник), редкий, легкий, яркий посреди серой пустыни.

В 6 ч. вечера приехали в Микоянабад – районный центр. Лежит на Кафирнигане, в оазисе. Кафирниган доходит до Сталинабада, есть вдоль реки путь более короткий, но проехать нельзя – узкое ущелье.

«Контора» экспедиции – мазанка на дворе дорожников. Несколько грузовиков*. М.М. Дьяконов** и Серг. Борис. Певзнер***.

Копают в двух местах (здесь – Калаи-мир, уже кончили) и в колхозе им. Сталина, в 25 км.**** Отдохнули, поели, поехали. Движения нет, так как все машины идут по противоположному берегу. Темнеет, воздух влажный, а песок, пыль, поднятая

---

* «В тяжело нагруженной машине было семь человек. Среди них был Сергей Борисович Певзнер, сотрудник Кафирниганского отряда со дня его основания». М. Дьяконов. У истоков культуры Таджикистана, Таджикгосиздат, 1956.

** Дьяконов Михаил Михайлович (1907-1954), советский востоковед, историк Ирана, искусства и культуры стран Ближнего и Среднего Востока, археолог, доктор исторических наук (1946), профессор (1949), заслуженный деятель науки Таджикской ССР (1951). Учился (1924-26) в университете в Осло, в 1930 окончил ЛГУ. Работал в Государственном Эрмитаже, Институте истории материальной культуры, ЛГУ, Академии художеств, МГУ. С 1946 сотрудник, а с 1953 руководитель Таджикской (Согдийско-Таджикской) археологической экспедиции. Автор первой сводной работы по древней истории Ирана [«Очерк истории древнего Ирана», 1961 (изд. посмертно)]. Известен также как поэт-переводчик: с персидского языка (Фирдоуси, Гургани, Низами), с норвежского и др. языков.

*** Сергей Борисович Певзнер (1924-2016). Родился в Ленинграде в высокообразованной семье. Окончив школу в 1941 г., он не был призван в армию из-за слабого зрения и остался в блокадном Ленинграде. В 1944 году С.Б. Певзер поступил на арабское отделение Восточного факультета ЛГУ, где изучал арабский язык, историю и культуру Ближнего Востока под руководством академика И.Ю. Крачковского и других видных востоковедов того времени. Еще студентом Сергей Борисович начал работать в Эрмитаже, затем в Государственном музее восточных культур и, наконец, в Институте востоковедения АН СССР. Зрелые годы С.Б. Певзнера как специалиста были связаны с Отделом памятников письменности народов Востока. Научные интересы С.Б. Певзнера – материальная культура средневекового Ближнего Востока и арабо-мусульманские исторические сочинения. С.Б. Певзнер – автор более 70 научных трудов.

**** «Самым северным городищем на правом берегу было Мунчак-тепе. Оно стоит среди богатых хлопковых полей колхоза им. Сталина, напротив головных сооружений древнего магистрального канала. Это городище – по плану квадратное; на каждой стороне стоят остатки пяти башен (всего их шестнадцать)». М. Дьяконов. У истоков культуры Таджикистана, Таджикгосиздат, 1956.

Семен Липкин. Ялта, 3 августа 1950 г.

машиной, низко висят в воздухе, не падают. Хлопковые поля. Из их глубины выходят хлопкоробки в пестрых платьях с мешками хлопка. Ждут вдоль дороги, чтобы хлопок увезли – верблюды, тележки или своя, колхозная машина. Колхоз укрупненный, растянулся на 15 км.

На полпути Кафирниган. Река быстрая, зелено-голубая. Мацинь***** на пароме. Паромщик, старый узбек, причаливает. Луна отражается в реке, нежная линия делит ее наискось, линия живая, движущая, лунные отраженьица, как рыбы, быстро скользят. Когда паром тронулся, и река в этом месте стала течь медленнее, лунная полоса укоротилась, потускнела. А внутри нее – образования и новые дробления. Яркое небо, острый блеск звезд – Козерог, Водолей, Медведица, справа от полумесяца – Марс. За горами

***** Мацинь – город в Голог-Тибетском автономном округе.

справа – Афганистан, за горами слева – Турхано-дарвиновская область (Узбекистан).

Приехали около 9 ч. вечера. Здесь пять человек – 2 студентки из Москвы, аспиранты – Вадим Массон* и Салладин, и научный сотрудник Эрмитажа Е.А. Мончадская**. Спят в чайхане-клубе. Спят на большом биллиардном столе. Мне дали спальный мешок. Пес Муичан.

27.9.

Проснулись в 6 утра. Чай с лепешкой. Темно, звезды, Сириус. В чайхане 2 длинные суфы, ступеньки на сцену, где мы спим. В углу – куча хлопка. На стенах – хлопчатобумажные портреты вождей, Мичурина и Фадеева, карта США и Греции V века до н. э. (клубная!). Ящики, черепушки, полевые сумки.

Археологический пейзаж: широкий оазис между горами, в центре холм крепостцы Мунчак-тепе («бусинка-холм»). Здесь раскопки не вширь, а вглубь. Два раскопа. В одном рядом – комната 8-9 веков и комната 7-го века. Узнают: по монетам, по черепкам, разный кирпич – 34×34 более древний, чем 34×45.

Копают ниже – новая кладка. Хум***. А внизу напротив еще 2 хума, пониже. Куда они относятся? Пол найден, но есть правило: копать дальше, до галечника. Дальше песок: конец. Глубина 4 м 30 см – ниже хлопчатника – другой раскоп – «белая комната», белая штукатурка, белая линия пола. Никогда не находят 5 век, запустение.

---

* Вадим Михайлович Массон (1929-2010) – советский и российский ученый-археолог, доктор исторических наук, профессор, руководитель Института истории материальной культуры РАН (1982-1998). Специалист по археологии Центральной Азии (Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), Среднего и Ближнего Востока эпохи неолита, энеолита, бронзы, раннего железного века и античного периода.

** Елена Александровна Мончадская (р. 1922), специалист по среднеазиатской античности, проработала в Эрмитаже с 1947 по 1977 г. Автор множества книг и статей, таких как «О правителях Бактрии и Согдианы VI-IV веков до н. э.» и пр.

*** Хум – большой глиняный сосуд для захоронения. На территории Таджикистана в разные времена существовали и разные обряды погребения. Почти всегда над могилой возводились курган или склеп, или просто холмик земли, но бывало, что хоронили и в глиняном сосуде.

Рядом с раскопками – хирман[****], две бригады. Под навесом велосипеды. Нагружают машину хлопком.

Ясли – нищие, под навесом.

Утром, когда ехали в темноте, женская фигура в красном платье, освещенная пламенем печи.

Верблюд подошел к раскопу, смотрел долго и внимательно прекрасными глазами.

На пустыре растет люцерна, ее охотно едят ослы. На ослике сидят индийские скворцы.

Кобадиана I – древнебактрийский период, Кобадиана II – греко-бактрийский. Центр греков в Балхии был Балх (афганские французы там ведут раскопки – концессия археологическая).

Теория цивилизации Мейера[*****] (Пифагорейство).

Тарн[******]: греки и бактрийцы = англичане и индусы.

**** Место скопления хлопка во время сбора урожая(сноп). Используется в регионах Средней Азии.

***** Эдуард Мейер (нем. Eduard Meyer; 25 января 1855, Гамбург – 31 августа 1930, Берлин) – известный немецкий специалист по древней истории, египтолог и ориенталист. Один из последних историков, самостоятельно пытавшихся написать универсальную историю древнего мира. Его теория – теория исторического циклизма – круговорота, повторения периодов зарождения, расцвета и упадка или даже гибели человеческих обществ. Циклизм противопоставляется идее прогресса. Встречаясь в античности – например, во Всеобщей истории Полибия, идеи цикличности получили свое развитие в эпоху Возрождения в Италии (Макиавелли, Кампанелла), будучи наиболее развернуты у итальянского мыслителя конца XVII – 1-й половины XVIII в. Дж. Вико. И лишь в последние десятилетия XIX в. теория циклизма окончательно была оформлена как самостоятельная, прежде всего немецким историком Э. Мейером. Согласно ей уже Древний мир имел «свои» древность, средневековье, капитализм и госсоциализм.

****** Сэр Уильям Вудторп Тарн (англ. William Woodthorpe Tarn; 26 февраля 1869 года, Лондон – 7 ноября 1957 года, Инвернесс, Шотландия) – британский историк-эллинист, специалист по эллинизму и Александру Македонскому. Член Британской академии (1928). Наиболее известные работы – «Эллинистическая цивилизация» («Hellenistic Civilisation», 1927; рус. пер.: М., 1949) и «Александр Великий» («Alexander the Great», 1948, в 2 томах).

Согдийский язык ближе всего к ягнобскому* (живут между Сталинабадом и Самаркандом), хорезмийский** – осетинскому.

Засыпать шурф.

Хлопка собирают много, до 70 кг с га, платят по 30 р. за трудодень, а на раскопку самое большее – 25 р. Работают неохотно. Рабочий Абдулиазар, весельчак, активный. Опаздывающих называют «опоздачи».

Главное для археолога – терпенье. Бактрийский язык до сих пор неизвестен, все надписи греческие. Переписка между согдийскими и бактрийскими царьками.

Фрейман собрал архив Диваштича***, но издает его по капле, бережет.

До греков были города, была культура.

Женщины в красных длинных платьях едут на белых осликах.

Караван одногорбых верблюдов с парусиновыми хурджинами. До арабов здесь были только двугорбые.

Восточное гостеприимство. Едут с Мамудовым. Мамудов встречается со стариком и перекидывается с ним словами. Вечером возвращаются – их встречает внучка старика с угощением.

Здесь живут в основном узбеки, потомки кочевников (Конрад****, дурманы*****), пришли из-за гор, из Сурхан-Дарьи.

---

* Согдийский язык – мертвый (позднейшие памятники датируются началом XI века) язык восточноиранской группы иранских языков, на котором говорили в Согдиане в долине реки Зеравшан на территории современных Узбекистана и Таджикистана, а также в многочисленных согдийских колониях вдоль так называемого «Шелкового пути». Относится к восточноиранской ветви языков. Современный ягнобский язык, на котором говорит население долины реки Ягноб в Таджикистане, восходит к диалекту, весьма близкому согдийскому языку.

** Хорезмийский язык – язык населения древнего государства Хорезм в Центральной Азии, в низовьях реки Амударьи.

*** Фрейман Александр Арнольдович [10 (22) августа 1879, Варшава – 19 января 1968, Ленинград], иранист, филолог, член-корреспондент АН СССР (1928). Основатель советской школы сравнительно-исторического иранского языкознания. Труды о памятниках древнеиранской письменности, истории. Деваштич (? – 722) – согдийский афшин (правитель), один из последних правителей Согдиана, правитель Пенджикента. https://www.chayka.org/node/488

**** Конрад Николай Иосифович (1 (13) марта 1891 – 30 сентября 1970) – советский востоковед, академик АН СССР (1958). Председатель редколлегии серии «Литературные памятники» (1962-1970).

***** Дурманы – один из крупных и компактно проживающих узбекских родов. Как указывается в некоторых источниках, дурманы по происхождению являются

Вокруг мунчак-тепе****** – курганы кочевников (чохаров?), знатных и простых, – по краям городища.

«Нашел Золотой Кушан*******».

Не реки разделяют народы, людей, а горы. Амур-Дарья по середине Бактрии.

Вернулись в 5 ч. дня. Но не стали обедать, чтобы рассчитаться с рабочими. Расчет производили Сергей и Вадим. Рабочие всех возрастов, главным образом, молодежь, подростки, есть старики.

монгольскими племенами. Это одна из этнических групп, которая в XV в. участвовала в избрании Абдулхайра ханом узбеков в Дашти Кипчаке, позже поддержала Шейбанихана и вместе с ними поселилась на территории Мавераннахра. Отдельная группа узбеков-дурманов приняла участие в завоевании Балха и Кундуза в составе войск Шейбанихана в афганском Туркестане. Упоминается, что первым узбекским правителем Кундуза был дурман Урусбек. Они старались сохранить свой авторитет и при династии Аштарханидов. В начале XX в. узбеки-дурманы проживали в различных местах – в Балхе (Сев. Афганистан), Зарафшане, верхнем бассейне Сырдарьи и Хорезме, в селах Дурман и Гарау, расположенных в Гиссарской долине в Кургантепинском бекстве (Таджикистан), в селах Дурманпеч и Гиштмазар. Согласно материалам Б.Х. Кармышевой, дурманы делятся на гиссарских и кабадиёнских. Кроме того, они подразделяются на четыре группы: учуруг (делятся на: тибир, салтик, каратана, конур, алатой, жамантой, ахча, ойули), кийаннома (входят киёт, кабла, кутчу, жертебар, тогизалу, оккуйли, гураккозок, нугай, борбой, уста), гурдак и саксон. В 1924 г. в Гиссаре было зарегистрировано 5579 дурманов, в районе Ургенча 1700. Дурманы также проживали разрозненно в населенных пунктах Зарафшанского и Ташкентского оазисов. Например, сейчас на территории Кибрайского района Ташкентской области встречаются такие этнотопонимы, как село Дурман, сад Дурман. Согласно сравнительному анализу Н.Г. Борозны, который проводил специальные научные исследования материальной культуры, хозяйства и этнографических особенностей дурманов, генеонимы дурманов, как и других узбекских родов, похожи на генеонимы казахов и кыргызов. Из этого можно заключить, что на территории Средней Азии дурманы также были и в составе казахов, кыргызов и туркменов, в той или иной степени участвуя в формировании этих народов. Их диалект принадлежит к кипчакскому наречию с употреблением «ж».

****** Оборонительная башня.

******* Монета Кушанского царства (I-III века н. э.), государства на территории современной Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Северной Индии; период расцвета приходится приблизительно на 105-250 годы н. э. Сам факт наличия огромной Кушанской империи был осознан историками не ранее середины XIX века. Сведения, сохранившиеся о Кушанской империи, – эпизодические, разнородные и противоречивые. Хронология и история восстановлены преимущественно по сохранившимся монетам, китайским летописям (в частности «Хоу Хань Шу» – «История Поздней династии Хань»), а также отдельным индийским и греческим свидетельствам.

Парда, лет восемнадцати, все время шумел, острил, мешал, поэтому получил последним. Рабочие сидят на большой суфе, переобуваются. Старик снял тюбетейку вместе с сумой: голова под тюбетейкой светлее.

Обедали часов в 7, все очень устали, вместо итогового заседания было «залегание». Темно, только в глубине чайханы – в окне – яркий лунный свет.

Несколько вступительных слов М. М. Потом Певзнер, очень толково, обстоятельно о раскопках городища. Почему выбрана 16-я башня?

1) Лучше сохранилась.

2) Подальше от арыка, не засыпаешь. Старый его расной* закрыт, посеян хлопок. Кирпичи башни – со знаками, принадлежащими тому роду, кто изготовлял кирпичи: альфа, лямбда, иногда полоски, следы пальцев (неграмотны). В одной кладке кирпичи с разными знаками, у башни – зубец.

Кусок кувшина со знаком верблюда**.

Е. Алекс. Мончадская: ошибки: боязнь копать, желание консервировать, траншейное рытье.

28.9.

Утром в 5 ч. переезд в Микоянабад. М. М. нашел косточку, ключицу. Откуда она? Неизвестно. Значит, не годится, выбросить.

Завал. Материи. Подъемный материал.

По дороге остановились у мазара*** 18-го века. Тряпочки на шесте – дары. 3 чинара – толстые, огромные, им по 200 лет. Тень. Лазим на крышу.

В щели стены – трава. Пес Мунчак на прощание набросился на маму (кухарку), изорвал платье.

---

* Расна – многолетнее растение травянистого типа.

** «При осмотре развалин было найдено несколько интересных вещей. Среди них нас особенно заинтересовал обломок хума с оттиском маленькой печати. На печати был изображен двугорбый верблюд, а между горбами – какой-то значок в виде трилистника». М. Дьяконов. У истоков культуры Таджикистана, Таджикгосиздат, 1956.

*** Могила мусульманского «святого».

Микоянабад. Все вместе: остатки Калаи-Мир, райисполком, почта, базар, ишаки, мотоциклетки, сапожные, чайханы (осетин Яша).

Греческий ученый приводит 2 бактрийские пословицы.

1) Наиболее глубоки те реки, что текут наименее шумно.

2) Трусливая собака лает громче всех.

Осматривали раскопки городища, башен, комнат. М. М. нас снимал.

Чейлытко**** показывал кому-нибудь находку. Тот хочет взять ее в руки. – Эй, нет, не дам.

Сергей Борисович Певзнер заполняет сведения о зарплате. По инструкции АН их должны проверить и подтвердить райисполкомы. Но у райисполкомов инструкция – ничего не подписывать, если не районная организация. Как быть? Зам. пред. райисполкома Брюшнин просто заверяет подпись Певзнера. Полевые. Справка о том, что рабочие жили на раскопках, не дана. Это может влететь М. М. в 7000. М. М. пишет отчет. Мы укладываемся. Завтра в 4 утра подъем, в 5 – отъезд в Сталинабад.

Индийские скворцы говорят, как попугаи, называют сами себя «майна, майна».

Лингвист изучает не сходства языков, а закономерные несходства.

29.9.

Встали утром. Холодно. Звезды. М. М. их объясняет: Орион, Близнецы, Сириус. Очень весел. Все довольны. Устали на раскопках. Едем ущельем. Через 2 часа над холмом показывается солнце. Здесь быстро светает, быстро темнеет. Краски меняются резко.

Неожиданно выбежали 2 собаки (в безлюдье!) со злыми, человеческими глазами. На вершине – пастух.

На выпускном вечере студенты-историки под конец запели:

Бей профессоров – они гадюки,
Нам очки втирают про науки.

**** Краевед-археолог В.Р. Чейлытко.

Машина выезжала из дор. участка в 5 ч. утра. Атаев освещал ей дорогу среди других машин керосиновой лампой. Свет фар. На машине – ящики с черепками, обернутыми бумажками, в ватках, постели, люди. Будто крейсер уходит в плавание. Курганы кочевников вокруг Кобадианы. Курган вождя. Потом здесь жил бек (с 18-го века).

От редакции. Публикация археологических дневников С.И. Липкина совпала с днями, когда будет отмечаться девяностолетие со дня рождения жены Семена Израилевича – замечательного поэта Инны Лиснянской.

Алена Яворская

«Судьба морской газеты «Моряк»...»

По страницам газеты «Моряк» 1921 года

Александр Пушкин одесской главой «Евгения Онегина» выдал Одессе «грамоту на бессмертие». Константин Паустовский главами из «Времени больших ожиданий» сделал то же для одесской газеты «Моряк».

Впрочем, о «Моряке» он писал и задолго до знаменитой повести, и после ее написания.

Первый раз «Моряк упоминается в рассказе, написанном в 1921 году, – «Слава боцмана Миронова»:

«Из окон редакции газеты «Моряк» были видны желтые мачты в порту и вереница стариков, сидевших вдоль набережной с гигантскими бамбуковыми удочками.

С утра собирались в редакцию помощники с пароходов, стоявших с погашенными машинами, матросы, масленщики, портовые служащие, и начиналось густое курение табака и густое вранье. Говорили о фрахтах, восстании на «Жане Барте», рейсах, рыбе и о прочих прекрасных вещах. Редакция превращалась в клуб».

В повести «Черное море» (1935-1936) речь идет уже не о замечательной редакции-клубе, а о том, что можно было прочесть в газете и тех, кто писал для нее:

«В «Моряке» печаталось все, что имело хотя бы отдаленное отношение к морской жизни, – от истории кораблекрушений и революционной хроники заграничных портов до стихов Тристана Корбьера и рассказов Катаева.

В газете было шестьдесят сотрудников – журналистов, капитанов, писателей, масленщиков, корабельных инженеров, лоцманов, матросов, гальюнщиков и поэтов.

В редакции «Моряка»

В ней сотрудничали Бабель и Семен Юшкевич, Катаев и Шенгели, Эдуард Багрицкий и Славин, Семен Гехт и Андрей Соболь».

И один из последних текстов Паустовского о любимой им газете – приветствие газете «Моряк»: «Судьба морской газеты «Моряк» была в такой же степени бурной и интересной, как и жизнь любого из ее читателей – рядового моряка, будь он капитаном или кочегаром, штурманом или матросом. 21 ноября 1966». Эти строки Константин Георгиевич написал за два года до смерти.

Зачастую читатели воспринимают автобиографические книги Паустовского как документальные. Особенно в Одессе, и особенно «Время больших ожиданий».

С одной стороны, Паустовский во время работы над повестью действительно просматривал старые номера «Моряка» или просил об этом своего одесского друга, журналиста «Моряка» Якова Кравцова. С другой – «Время больших ожиданий» не фотографически точное отображение событий, а художественная книга.

О том, что было на самом деле, и что описано Паустовским, не раз писали. Об этом книга Ростислава Александрова (Александра Розенбойма) «Хождение внутри книги», вышедшая в 2013 году.

Писал о знаменитой повести и первый директор Одесского литературного музея Никита Брыгин. Книга «Время веры и больших надежд», чуть ли не по дням описывающая жизнь Паустовского в Одессе, издана крохотным тиражом в 2007, уже после смерти Никиты Алексеевича.

Паустовский с Кравцовым в «Моряке»

С легкой руки Паустовского создалось впечатление, что художественные тексты занимали чуть ли не большую часть воспетой им газеты.

А что же было в действительности, каким он был, «Моряк» 1921 года?

Наверное, рассказ стоит начать с нумерации газеты. Она была последовательной, начиная с первого номера, вышедшего в 1911 году.

«В течение одиннадцатого и двенадцатого годов он смог выйти только 14 раз <…> В течение 1917 и 1918 годов вышло всего 39 номеров газеты. В 1919 году «Моряк» не выходил. В 1920 вышло 9 номеров» («Моряк» № 100, 23 июня).

Поэтому первый «Моряк», вышедший 17 февраля 1921 года, был под номером 49. Выходил он три месяца на той самой цветной – розовой или красной – бумаге для табачных бандеролей. На обычной бумаге газета стала выходить с 20 мая (№ 90).

Паустовский не вполне точно указывает и тех, кто печатался в «Моряке».

Не было в 1921 публикаций С. Юшкевича и С. Гехта, Л. Славин если и публиковался, то либо под псевдонимом, либо вообще без подписи.

Но были рассказы И. Бабеля и В. Катаева, очерк А. Дерибаса, фельетон В. Регинина, стихи В. Нарбута, А. Адалис, В. Катаева, Э. Германа, Э. Багрицкого, Г. Шенгели, самого К. Паустовского, Тристана Корбьера и Жана Ришпена.

В повести изложена трагическая история про единственный – по словам Паустовского – номер «Моряка» с нестандартным лозунгом:

«Иванов предложил перед заголовком, где у всех газет стояли слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», печатать другой лозунг, совершенно морской: «Пролетарии всех морей, соединяйтесь!».

На заголовке газеты был изображен Воронцовский маяк, бросивший четыре луча света. Слова о «пролетариях всех морей» были напечатаны на этих маячных лучах на четырех языках: английском, русском, французском и немецком.

Но этот номер «Моряка» с таким удивительным лозунгом был первым и последним. Иванова вызвали в губком. Он вернулся неестественно бледный и потому красивый и приказал, заикаясь, тотчас же разбить пышное клише с морским лозунгом и заказать новое, с тем же Воронцовским маяком, лучами света, но с правильным лозунгом».

В действительности первый в 1921 (то есть 49) номер газеты вышел под политически грамотным и общепринятым лозунгом. И только с первомайского, 79 номера, на лучах Воронцовского маяка появился лозунг «о пролетариях всей морей».

Итак, № 49. На первой странице возобновленной газеты стихотворение Владимира Нарбута «Гудок стремительный – и в море…».

Гудок стремительный – и в море
Отчаливает пароход.
В каюте, в тесненькой каморе
Мы прокоптились целый год!
По кабакам, по дырам порта –

Шататься надоело нам.
На суше быть?! Какого черта,
Коль парус требует к волнам!
Морского не унять повесу:
Ему ль заказаны пути –
Из Севастополя в Одессу,
Из Сингапура в Джибути.
Под ветром парус, словно вымя,
Все туже, туже, – прет дугой.
И над просторами живыми
И горизонт – совсем другой.
Сияйте, чайки! Вы, дельфины,
Дробите хлябкий антрацит!
Гранитов сладость, горечь хины
Нам край иной предвозвестит.
Отяжелеем мы от груза,
Пропахнем зноем и смолой.
И нас, как Робинзонов Крузо,
Все та ж волна вернет домой.
В порту нас встретят те же краны –
Коленчатые журавли –
И заскрипят. И флаг багряный
Родным повеет от земли.

Здесь же стихи-фельетон знаменитого Боцмана Якова (он же Жгут, Аника Воин, Мартын Задека, Комар, Ядов – в миру Яков Петрович Давыдов, автор гремевшей по всей стране в двадцатые годы песне «Бублички»).

«В «Моряке» было два фельетониста: бойкий одесский поэт Ядов («Боцман Яков») и прозаик Василий Регинин.

Ядов, присев на самый кончик стула в редакции, торопливо и без помарок писал свои смешные песенки. На следующий день эти песенки уже знала вся Одесса, а через месяц-два они иной раз доходили даже и до Москвы.

Ядов был по натуре человеком уступчивым и уязвимым. Жить ему было бы трудно, если бы не любовь к нему из-за его песенок всей портовой и окраинной Одессы. За эту популярность

Яков Ядов

Ядова ценили редакторы газет, директора разных кабаре и эстрадные певцы. Ядов охотно писал для них песенки буквально за гроши.

Внешне он тоже почти не отличался от портовых людей. Он всегда носил линялую синюю робу, ходил без кепки, с махоркой, насыпанной прямо в карманы широченных брюк. Только очень подвижным и грустно-веселым лицом он напоминал пожилого комического актера или, пожалуй, даже клоуна. И голос у него был тонкий, мальчишеский, несколько нарочитый, тоже клоунский.

Его любили, как Сашку-музыканта из «Гамбринуса». Но известность Ядова не выходила за границу «Одессы-мамы», за черту Старопортофранковской улицы», – последняя фраза из журнального варианта повести, затем Паустовский ее снял.

В фельетоне «Что прибыло морем в Одессу (Турецкие Колумбы)» высмеивался набор, привезенный турками для продажи.

<…>
Спешат из Цареграда
Проворные дубки,
Одесса очень рада,
Надежды велики.
Все верою согреты,
Поют на разный лад:
– Везут, везут ахметы
И чай, и шоколад.
Немало также хламу
Из разных там сластей,

Сукна, мадеполаму
И прочих новостей.
Вот лодки у причала,
И выгружен товар.
Одесса ожидала
И получила в дар:
Пять камышовых палок,
Чтобы ходить ровней,
Потом – для зажигалок
Две дюжины камней,
Три баночки шербета,
Отличного на вкус,
И розового цвета
Две связки чудных бус.
<…>

Во «Времени больших ожиданий» Паустовский отнесется к этому намного снисходительнее, и перечень товаров, использованный Ядовым как эпиграф к фельетону, вызовет совершенно иное отношение:

«На следующий день газеты с торжеством сообщили, что в порт прибыли из Турции на двух фелюгах кило камней для зажигалок, стеклянные бусы, позолоченные браслеты и бочонок маслин.

Дело было, конечно, не в кило камней для зажигалок, а в том, что море отныне стало свободным».

В рассказе «Инкубатор капитана Косоходова» (1933) «Моряк» назван «Маяком», а отставной капитан Косоходов – ответственным редактором. Примерно то же Паустовский повторит и во «Времени больших ожиданий»: «Союз моряков назначил ответственным редактором газеты капитана дальнего плавания партийца Походкина».

На самом деле редакторов у газеты было сразу три, и все они были коммунистами. На конференции водников в феврале 1921 говорили и о газете: «Ответственным редактором газеты является коллегия из трех коммунистов. На вопрос, заданный ранее во время прений, почему в коллегию вошли одни

коммунисты, – тов. Кривоходкин объяснил, что «Моряк», являющийся профессионально-производственной и культурно-просветительной газетой, рассчитанной на обслуживание всех нужд и сторон транспорта Черного, Азовского и Каспийского морей, безусловно, должен нести и политическую окраску, поэтому основной задачей коллегии является не допускать помещения в газете статей и воззваний, противоречащих советской власти». (№ 51, 22 февраля).

Из этого же номера можно узнать, на какие деньги издавался «Моряк»: «..оставшиеся после ликвидации политвода деньги перешли в распоряжение Райкомвода, <…> из этих же сумм черпаются средства на издание газеты «Моряк», рассчитанной на ежедневный выход, но недостаток бумаги заставляет временно выпускать газету всего три раза в неделю и притом в количестве только 2000 экземпляров вместо необходимых 15 000».

Здесь же и единственный подписанный автором фельетон Василия Регинина «Бумажная волокита». О Регинине Паустовский вспоминал: «Каким он был в Одессе, таким оставался и в Москве, через много лет после работы в «Моряке»: сухим, элегантным, очень быстрым в движениях, с лицом знаменитого французского киноактера Адольфа Менжу, со своей скороговоркой, шипящим смехом и зоркими и вместе с тем утомленными глазами».

Бумажное море

«Решено повести энергичную борьбу с бумажной волокитой в советских учреждениях» (Изречение на губсъезде)

– Товарищ, я должен написать фельетон в газету Моряк. Но у меня нет бумаги. Как поступить?

– Очень просто… Напишите в соответствующее учреждение, бумагу о том, чтобы вам выдали бумагу…

– На чем?

– Да на бумаге!

– Но для этого прежде всего необходимо иметь бумагу! Иначе как же написать бумагу, чтобы выдали бумагу для написания бумаги о выдаче мне соответствующей бумаги на право получения бумаги?

– Так попробуйте исхлопотать без бумаги бумагу о выдаче вам бумаги на право получения бумаги согласно полученной бумаге…

Василий Регинин

– Но ведь в учреждении требуют, чтобы обязательно прежде всего написать бумагу о необходимости получить бумагу на право получения бумаги, ввиду отсутствия бумаги для написания подлежащей бумаги о выдаче особой бумаги на законное получение бумаги, согласно надписи на бумаге, выданной в ответ на бумагу с ходатайством об отпуске бумаги для написания требуемой бумаги с заявлением о выдаче бумаги…

– Значит, совершенно нельзя обойтись без этого обмена многочисленными бумагами по поводу отсутствующей бумаги…

– Нельзя, ибо в большинстве учреждений недавний еще саботаж сменил бумагомараш!

– Но ведь поэтому, вероятно, и перевелась на Советской Руси бумага…

– Не знаю, я не просматривал бумажного производства по вопросу о производстве бумаги…

– Значит, скоро и канцелярии останутся без бумаги, и – увы! – там нельзя будет получить ни одной бумаги. Как же мы проживем без бумаги, когда на каждом шагу требуется бумага?

– В некоторых канцеляриях наших уже научились обходиться без бумаги…

– Что же это за канцелярии, если там не пишут бумаги?

– Нет, как же, пишут, именно пишут…

– Так ведь нет бумаги. На чем же они пишут?

– А вы не знаете? Приспособились! Вилами по воде пишут!

– В таком случае нужно целый ряд учреждений подчинить водному ведомству?

– Пожалуй… Предложите обменяться по этому вопросу бумагами.

Регинин

П. С. Фельетон в газету Моряк написан мною на клочке бумаги, оторванном от одной бумажки, полученной кем-то в ответ на бумажку о выдаче нескольких миллионов пудов бумаги, необходимых для составления каких-то бумажек в ответ на полученные бумажки…

Эх, вы Сашки-саботажки мои!
Напишите мне бумажки мои…
Выходящие-исходящие,
Исходящие – проходящие,
Проходящие – изводящие!

Р.

Оставим в стороне производственные и политические темы, которыми были заполнены три газетные страницы из четырех. Обратимся к литературной жизни.

Были в «Моряке» разные рубрики. «Письма из кубрика» – письма читателей-водников. «Шканечный журнал» или «На баке» – фельетоны Боцмана Якова и Вахтенного (похоже, того же Ядова). Боцман Яков откликался на горячие новости или письма читателей, фельетон появлялся в той же газете или через несколько номеров.

№ 52 за 24 февраля. В «Письмах из кубрика» отчаянное письмо отца больного ребенка «Неужели иначе нельзя?» с описанием мытарств в попытке вызвать врача: бюллетень неправильно написан, не указана потребность в ушном враче, врач не пришел, не его район, врач может явиться только через три дня.

«…Ребенок метался в жару, и пришлось выискивать жалкие остатки домашнего скарба, продать его и пригласить частного врача за плату, так как врач облкассы тоже не может явиться раньше 3-4 дней, как мне заявили. Умоляю кого следует и кто может оказать давление, чтобы врач был прислан, так как и второй ребенок сегодня заболел, а продать у меня больше нечего, чтобы платить частному врачу за визиты. Член Союза Ратковский».

И рядом же в «Шканечном журнале» фельетон «Не смей болеть!» описывает актуальную и по сей день ситуацию:

Много нынче всякой хвори
Лезет через край,
Много тифа, оспы, кори, –
Словом, выбирай.
Понемногу все болеем,
Тихо, между дел:
Как-никак, а мы имеем
Водный здравотдел.
Он горяч, как папироса,
Лечит не шутя.
Заболело у матроса
Как-то раз дитя.
Ну-с, отец, исполнен прыти,
Лезет сгоряча:
– Ради Господа, пришлите
Вы ко мне врача.
Отвечают в результате:
– Что ж, врачу не лень…
С приложением печати
Нужен бюллетень.
И отец угрюмо пишет,
Бюллетень готов.
А ребенок еле дышит,
Крепко нездоров…
День прошел… Отец в печали…
Но ответ простой:
– В бюллетень вы не вписали

Точку с запятой.
День еще промчался бурный,
И ответ был скор:
– Извините, но дежурный
Доктор – акушер.
А больной ваш не рожает,
Он еще дитя…
Пусть немного пострадает,
Вылечим шутя…
Но больной нетерпеливый
И болезнь глупа…
И папаша сиротливый
Пригласил… попа…
Поп принес свое кадило,
Спел «за упокой»…
В это время очень мило
Заболел другой.
Наш папаша еле дышит,
Ходит, словно тень.
В здравотделе снова пишет
Точный бюллетень.
Вновь взъерошен, как мочала,
Бегает с утра…
Словом, сказочку с начала
Начинать пора.
Здравотдел проворен в деле,
Но вопрос таков:
Много ль в нашем здравотделе
Есть гробовщиков?

Печальна картина, описанная безымянным журналистом 26 февраля:

«Война и революция мало-помалу превратили Одессу в «мертвый город».

Его душа, его порт замер, застыл, обледенел. Тихо, как на кладбище, в одесской гавани, еще недавно полной жизни, нервной, кипучей, судорожной жизни большого международного порта. <…>

Одесский порт, в общем и целом, представляет ныне «мерзость запустения», безжизненное нагромождение камня, железа и дерева. Изредка загудит сирена. И вновь пустота и молчание. Проскочат случайно два-три парусника либо парохода, раз в несколько месяцев». (№ 53, 26 февраля).

Правда, название заметка носит оптимистическое – «Одесса оживает», и предсказывается в ней скорое возрождение порта и города.

В морской газете и псевдонимы морские. Самый знаменитый, разумеется, Боцман Яков или Вахтенный. А кроме него есть Водник, Варяг, Мореходец и Марсовой.

Наиболее ярко Паустовский пишет о двух фельетонах Боцмана Якова, посвящая им отдельные главы – «Рубка мебели» и «Мнимая смерть художника Костанди».

Технический редактор «Моряка» Евгений Иванов действительно лютой зимой 1921 года распорядился разрубить на дрова комод.

«…Тогда Иванов приказал притащить из подвала особняка огромный, как готический собор, буфет из черного дуба и разрубить его на дрова.

<…> Вдохновенный, бледный от гнева, Иванов командовал стремительной рубкой мебели.

Он был разъярен тем, что непосредственный хозяин газеты – Одесский районный комитет водников – не позаботился о топливе для редакции. Иванов шел напропалую и играл ва-банк.

<…> Райкомвод вынес Иванову строгий выговор с требованием, чтобы этот выговор был обязательно опубликован в очередном номере «Моряка».

У нас в «Моряке» работал под псевдонимом Боцман Яков одесский сатирический поэт-фельетонист Ядов.

Иванов заказал Ядову фельетон о рубке мебели, поместил его в очередном номере, а постановление райкомвода напечатал петитом в виде эпиграфа к этому фельетону».

Действительно, 1 марта в 54 номере газеты члены Райкомвода могли любоваться выговором, честно напечатанным в «Шканечном журнале»:

Жертва долга

Слушали: о рубке мебели на топливо
в редакции газеты «Моряк»

Постановили: выразить техническому редактору газеты
порицание путем печати.

(Выписка из протокола объединенного заседания пленума Одесского райкомвода Всер. союза раб. водн. транспорта от 25 февраля с. г.)

Сидел он, жертва Райкомвода,
Главу запрятав между плеч,
И клочья мертвого комода
Бросал в дымящуюся печь.
Шептал: – Я чист, как Пенелопа,
Тебя на смерть сам бросил я.
И пусть на совести Главтопа
Отныне будет смерть твоя.
Ты был рожден для службы барской, –
Но уж такой судьбы подвох,
Что для печати пролетарской
Последний отдаешь ты вздох.
Печать в стране – могучий фактор,
Блюсти ее – мой долг прямой.
Не допущу я как редактор,
Чтоб замерзал сотрудник мой.
И пусть сгорит средь общих песен
Твоя последняя доска,
Зато – да будет интересен
И полон номер «Моряка».
Я не боюсь суда и штрафа,
Пускай гремит сам Совнархоз,
Не пожалею стульев, шкафа,
Коль «Моряку» грозит мороз.
Пусть страшен грохот революций,
Но дорог мой сотрудник мне, –
Коль надо – как Сцевола Муций

Сожгу я руку на огне…
Так он твердил… Но так некстати
Он был сражен и пал в борьбе…
О, бедный друг, грозят в печати
Вдруг порицанием тебе…
О, техноред, не пожалевший
Себя! О, жертва непогод!..
– Смотри! Печально уцелевший,
Взирает на тебя комод!..
Ужели он – второй по счету…
Ужель умрет и сей комод…
– О нет, я потерял охоту, –
Редактор молвил – пусть живет…
И бросил взгляд он быстрым оком
На блеск комода своего…
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

Вахтенный

В 55 номере за 3 марта напечатаны стихи Аделины Адалис, которую называли «музой Черного моря». Кстати, единственная публикация стихов женщины в морской газете – суеверия живучи, знаете ли, даже при партийном руководстве. И что примечательно – авторы-мужчины обязательно писали о море, на худой конец – о маяке или порте. В стихах Адалис единственное, что хоть как-то связано с морской темой, – упоминание скумбрии-макрели.

О странствиях

(Отрывок из поэмы)

Не назову эпохою утрат
Эпоху медленных приобретений,
Не помышляю о ночных вокзалах
В уныньи постоялого двора.

Наполнив маслом маленькую плошку
Украшенную копотью и желчью,
Хозяйка ущемляет фитилек,
И рады все от сумрачной затеи.
Еще недавно в гордости пустой
Я скумбрию макрелью называла,
Кишмиш изюмом, а изюм коринкой,
И о Коринфе думала притом.
Теперь не то. За ужином случайным
Склоняю слух к мужицким причитаньям
И радуюсь надломленному хлебу.
И удивляюсь крепости отвара
Ячменного, не помня о вине.
За трудные ночевки в колымаге,
За тягостные скрипы и ознобы,
За скромный пламень горькой папиросы,
За брань возниц, за звездные щедроты,
Благодарю виновников разумных
Народных бед, лишений и надежд…
Тугая школа – нынешние годы
Для слабых душ. Кровавою похлебкой
Нас закаляют. Ключевую воду
Не разрешают разбавлять вином.
Горелый хлеб помалу получая,
Мы привыкаем изучать любовно
И проверять его жестокий вкус.
Суровый нрав настойчивых вождей
Для нас пример. И в очередях долгих
За скудной пищей, в медленной работе,
В спокойном лицезрении лишений
Мы постигаем трудную науку –
Повиноваться и повелевать.

В № 56 за 5 марта впервые публикуют стихи Багрицкого – «Здесь гулок шаг… В пакгаузах пустых…».

Первая страница № 58 за 10 марта посвящена памяти Т. Шевченко.

Читатели «Моряка» интересуются не только морскими темами и фельетонами. В газете появляется рубрика «Культура и искусство».

Впрочем, и помимо этой рубрики моряки переживают, например, о судьбе реквизированного рояля: «…напрасно было бы думать, что прекрасный инструмент находится без употребления. Он очень пришелся кстати как складочное место для кирпичей и всякого рода мусора. А может быть, это новое средство предохранения инструмента от порчи? <…> Не лучше ли было бы дать этому роялю простоять еще полгода в чистой квартире, хотя бы и для «семейного пользования» пролетариев» (№ 58, 10 марта).

Аделина Адалис

Что поражает – большое количество заметок о жизни русской эмиграции, в основном в разделе «Культура и искусство». Причем заметки не разоблачают гневно белых эмигрантов, а гордо сообщают об успехах бывших соотечественников:

«Русское искусство в Париже. «Московские известия» сообщают – в большинстве парижских концертов исполняется только русская музыка Бородина, Римского-Корсакова, Стравинского. Русские писатели также выступают на сцену. Куприн, Бунин, Юшкевич, Ал. Толстой, Мережковский читают свои произведения с эстрады наряду с лекциями Родичева и других «бывших

депутатов». Выставки полны произведениями русских художников – Бенуа, Судейкина, Бакста. В целом ряде художественных магазинов Парижа продаются работы исключительно русских художников. Русский балет вызывает бурные восторги французов» (№ 60, 15 марта).

«О выставке художника Нилуса. В Вене имеет большой успех небольшая выставка картин одесского художника П.А. Нилуса. В первую же неделю на выставке было продано на 200 000 крон картин художника. Австрийская печать отзывается о выставке с большой похвалой.

Национальные выставки. В Париже открылся в течение этого лета целый ряд национальных выставок. <…>

15 июня была открыта выставка русского искусства. Она совпала с сезоном русских балетов и с временем выхода в свет новых прекрасных художественных изданий. На выставке много новых работ Бакста, Судейкина, Яковлева, Шухаева, Григорьева, Сорина и других. На выставке будут также и картины, пропитанные духом XV-XVII веков, воссоздающие быт и пейзаж Древней Руси Д.Р. Гелецкого, Н.К. Рериха (15 полотен) и других художников» (№ 123, 7 сентября).

Забавные наблюдения – уже год как есть советская власть, но слово «Бог» зачастую пишется с большой буквы, уже активно борются с религией, но опродкомгуб выдает пасхальные пайки:

«В связи с приближением Пасхи Наркомпрод сделал распоряжение всем опродкомгубам Украины немедленно приступить к заготовке особого пасхального продуктового фонда. В этот фонд должны входить пшеничная мука и различные копчености» (№ 64, 26 марта). В 1921 Пасха совпала с праздником 1 Мая, но пайки были именно пасхальные, а не первомайские.

В конце марта в Одессе разразился скандал – газета «Известия» «заживо» похоронила художника Костанди. В журнальном варианте повести Паустовский ярко описал реакцию «покойного»:

«…днем в редакцию «Известий» ворвался разъяренный Костанди. Он долго не мог выговорить ни слова: от негодования он лишился дара речи и последних сил. Но сил ему, правда, хватило на то, чтобы в течение получаса молча бить своей тяжелой суч-

коватой палкой по комплектам старых газет, сваленных на стол в кабинете редактора.

Костанди был родом грек и отличался вспыльчивостью.

Говорили, что от избиения старых комплектов поднялась такая пыль, что она реяла вместе со старой бумагой в редакции до самого вечера».

В следующих изданиях этот текст был снят по просьбе дочерей художника, недовольных описанием вспыльчивого старца.

А вот фельетон Боцмана Якова «Чудо в решете» одесситы, имеющие счастье держать в руках «Моряк», прочли 29 марта в № 65:

Кириак Костанди

Известия Одесск. губисполкома заживо напечатали некролог здравствующего художника К.

Быть может, очень скучно
Или грустя слегка,
Но все ж благополучно
Живет художник К.
Простор давая чувству,
Талантом весь согрет,
Любимому искусству
Он служит много лет.
И жил он, поживая,
Как все живем мы… Но
Загадка роковая
Висит над ним давно.
Без боли и без муки

Шутя нарушил он
Все правила науки
И божеский закон.
Узнал он эту тайну,
Взглянувши вечерком
В лежащую газету
Случайно за чайком.
Дрожит газетный нумер
У бедного в руках:
Ведь он не жив, а умер,
Ведь он лишь жалкий прах.
Белей, чем белый полог,
Послав укор судьбе,
Читает он некролог,
Некролог… о себе…
А хроникер-безбожник
Разит из уголка:
– Почил навек художник,
Талантливейший К.
Покойник… Ах, разбойник!..
Какой, увы, скандал…
Хотя он и покойник,
Но сам того не знал.
Теперь несчастный хочет
Исправить сей урон –
И, бедный, сам хлопочет
По части похорон.
С вспотевшими боками
Без устали ведет
Он торг с гробовщиками
И сам попа зовет.
Тяжка работа эта,
Но надобно кончать:
Не может же газета
Неправду написать!?
Насчет сего в Одессе,
Поверьте, благодать!..

И кто тут жив – лишь прессе
Дано всю правду знать.
Смотри в газетный нумер,
И если что – смирись!..
Коль сказано – ты умер,
Скорее в гроб ложись.

Почему посчастливилось держать в руках? Тираж был маленьким, вопреки утверждениям Паустовского, газету не продавали, а выдавали – по две на судно или на ячейку. В каждом номере было сообщение: «В связи с недостатком бумаги газета печатается в крайне ограниченном количестве, поэтому экспедицией отпуска газет отдельным лицам вовсе не производит и таковые должны обращаться в экспедицию Райкультвода (Одесса, Гоголя, 5)». Но кому в Одессе это мешало? И особо интересные номера доставали правдами и неправдами как моряки, так и сухопутные жители Одессы.

Смело можно утверждать, что Боцман Яков пользовался такой же популярностью среди моряков Черного, Азовского и Каспийского морей, как тремя годами позже Зубило (Юрий Олеша) среди железнодорожников, читавших газету «Гудок». Впрочем, были у Боцмана Якова и критики, в том числе и всесильная тогда РКИ (Рабоче-крестьянская инспекция). Вот как отозвался начальник РКИ по Чермонтрану и Водмилиции на фельетон «Мина Рабкрина и рана Чермонтрана»: «Отдавая должное остроумию автора этого фельетона, я все ж должен заявить протест против неправильного изложения в ней фактов, тем более изложенных в такой демагогической манере».

Еще один герой «Времени больших ожиданий», «Черного моря» и одноименного рассказа – боцман Миронов, отличавшийся феноменальной памятью, – заслуживает отдельного разговора. Но все же хоть немного о нем – небольшая заметка «Где русский флот»:

«Прибывший из Нью-Йорка моряк т. Миронов, проплававший свыше 2-х лет на американских судах в водах Тихого и Атлантического океана, сообщил редакции имеющиеся у него сведения о русских судах за границей. «Садко» и «Юпитер».

Это два бывш. ропитовских парохода т. Миронов видел в порту Розарио (Южная Америка). <…> В Южной Америке они грузят хлеб для Англии. Плавают они под старым русским флагом. Русская команда почти вся осталась в Аргентине. В настоящее время команды на них смешанные». (№ 92, 2 июня).

У Паустовского:

– Пишите! Пароход «Великий князь Алексей Николаевич». Принадлежал РОПиТу. Продан фирме «Мессажери Маритим» во Францию. Переименован в «Тулузу». Приписан к порту Марсель. Регулярно ходит под французским флагом из Марселя в Геную и на Корсику. Котлы почищены. Ремонт французы сделали, конечно, слабый. Команда французская, хлипкая, но старший помощник прежний, Григорий Павлович Мостовенко.

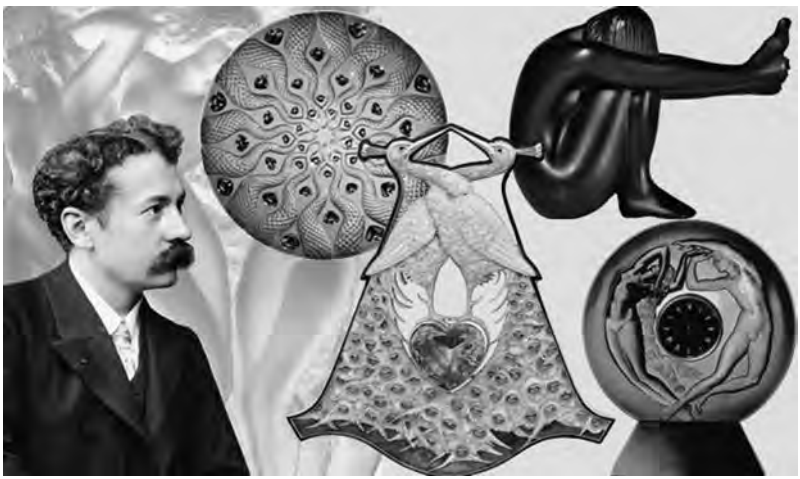
Продолжение следует

Сокровища из сокровищницы

334 Татьяна Щурова
«Поэтические изгибы драгоценностей»

Татьяна Щурова

«Поэтические изгибы драгоценностей»



В отдел искусств нашей национальной книжной сокровищницы можно зайти не только по поводу своих научных разысканий. Порой посетители просят показать что-то «для души», увидев стеллажи, на которых уживаются издания разных веков. В таком случае, безусловно, может порадовать, например, подборка литературы о творчестве Рене-Жюля Лалика (1860-1945), крупнейшего французского ювелира, художника и скульптора по стеклу, одного из признанных лидеров арнуво (или стиля модерн).

К сожалению, ни в русском, ни в украинском переводах нет подробной биографии Лалика, поэтому сведения о нем и его творчестве черпаются из альбомов и публикаций в старой и новой периодике. Перед вами появляется удивительный пример целеустремленного талантливого человека в сочетании с дальновидным бизнесменом. Рождая необыкновенные поэтические образы в ювелирном искусстве, он трезво поэтапно разрабатывал план своего восхождения «на художественный Олимп». И судьба благоволила ему, видя такое усердие. Она ставила на его пути необходимых для роста молодого художника людей, помогавших Лалику обрести опыт и получить фундаментальные знания.

Но парень был, конечно, талантлив от рождения. Он удостаивается первой премии в Париже за свои рисунки уже в 12 лет. А потом знакомится с известным французским ювелиром Луи Ококом и посещает Школу декоративного искусства. Молодой художник

стремится познать иную школу рисунка и отправляется на два года в Англию, где посещает Лондонскую школу искусств. Здесь он познакомился с Уильямом Моррисом, одним из основателей нового направления в искусстве, и это знакомство также пошло «в копилку» опыта Рене Лалика.

Вернувшись в Париж, художник уже делал эскизы для крупных ювелиров Франции (Картье, Бушер), и очень скоро его имя приобрело необычайную популярность. В середине 1880-х гг. Лалик купил ювелирную мастерскую с полным оборудованием, в которой работали опытные мастера. Это стало началом осуществления его собственных творческих замыслов. Художник считал, что не бриллианты определяют степень роскошности, а фантазия и филигранное исполнение каждого изделия. Он легко и изящно комбинировал золото разных цветов и бриллианты со стеклом, серебром, медью, сталью и алюминием. Всех восхищало, как он сочетал эмаль со слоновой костью, рогом, янтарем. Лалик ошеломлял своих поклонниц удивительными гребнями, вырезанными из рога в форме

цветов, бабочек, экзотических птиц. Художник порой скрупулезно воспроизводил натуру, порой уходил в мир фантазии, создавая, например, необычайно притягательные образы стилизованных дам-бабочек. Критики справедливо считали, что художник из выбранного материала «всегда мог извлечь поэтическое очарование».

Особую популярность работы Лалика приобрели после того, как в начале 1890-х гг. он получил заказ от Сары Бернар, известной своим пристрастием к крупным броским украшениям. Есть предположение, что именно она познакомила художника с Калустом Гюльбенкяном, нефтяным магнатом, который стал его восторженным почитателем и заказчиком и помог мастеру воплотить в жизнь многие из его замыслов. В наши дни лучшую коллекцию работ Рене Лалика можно увидеть в Лиссабоне благодаря Фонду Гюльбенкяна. Есть его шедевры и во многих музеях мира.

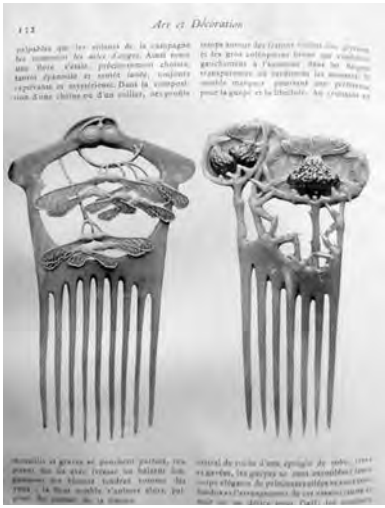
Лалик никогда не останавливался на достигнутом. Добившись колоссального успеха в ювелирном деле, он охладел к нему. Его уже занимала

PL.57
ART ET DECORATION
REVUE MENSUELLE D ART MODERNE
Mucha
LIBRAIRIE CENTRALE DES BEAUX-ARTS
13 RUE LAFAYETTE PARIS.

новая страсть – стекло. Он стал сотрудничать со знаменитым парфюмером Франсуа Коти, а потом с фирмой «Нина Риччи», Марселем Роша и др. Парфюмерные флаконы Lalique очень ценятся коллекционерами и в наши дни.

Затем наступило новое увлечение художника – разработка и изготовление хрустальных статуэток для автомобильных радиаторов. Их называли «автонимфами», и эти статуэтки также стали визитной карточкой мастера. Постепенно Лалик посвятил себя полностью работе со стеклом, он до конца жизни выполнял эскизы к моделям из художественного стекла. Его дети Сюзанна и Марк принимали участие в устройстве отцовских выставок и занимались делами фабрики. Нужно сказать, фирма Lalique существует по сей день, имеет представительства во многих странах мира.

Если вы захотите посмотреть работы Рене Лалика, мы предоставим вашему вниманию альбом «Lalique», изданный в Лондоне в 2005 году. Автор текста Тони Мортимер, журналист и опытный эксперт по антиквариату. Есть также



страницы, посвященные художнику, в книгах Нэнси Файсон «Величайшие сокровища мира» (1996) и Габриеле Фар-Беккер «Искусство модерна» (2000). Особый «аромат времени», конечно, несут страницы журнала «Art et Decoration» начала XX века, французского издания номер один о прикладном искусстве и дизайне интерьеров, оперативно подхватывающего самые оригинальные тенденции современного искусства. Конечно, этот журнал печатал материалы о творчестве Рене Лалика, здесь же даны превосходные иллюстрации его работ.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Путешествие

344 **Феликс Кохрихт**
В Мюнхен – za pivòm!

Феликс Кохрихт

В Мюнхен – za pivòm!

Мюнхенская ратуша на Мариенплатц

Недавно удивился: я полагал, что в публикациях под рубрикой «Путешествие» рассказал нашим читателям все, что знаю о Мюнхене. Поделился увиденным в хранилищах мирового искусства – в трех пинакотеках, пережитым на спектаклях знаменитого оперного фестиваля, зазывал вас в гулкие просторы храмов чистого барокко, приглашал на прогулку по дворцовым паркам, на трибуны Олимпийского стадиона, восхищался новыми моделями автогиганта BMW, любовался с вами предгорьями Альп, да и вершинами тоже.

Столица федеральной земли Баварии – один из самых привлекательных, манких городов не только Германии, Европы, но и мира. Полагаю это как одессит, знающий толк в сравнениях, пусть и не всегда объективных, но безусловно справедливых.

Казалось бы, нет для нас с Татьяной здесь неожиданностей – хоть выигрывай в конкурсе газеты «Зюддойче цайтунг» на звание лучшего зарубежного знатока Мюнхена. И тут я заметил среди жемчужин нашей пусть и не большой, но тяжеленькой коллекции бавар-

Жемчужный уголок «Августинера»

Скоро Новый год

HB
MÜNCHEN

ских пивных кружек, добытых разными способами, включая и покупку, самую маленькую – крохотную, на которой, прищурившись для зоркости, увидел изображение фигурки миниатюрного монаха – скорее монашка в черном плаще и красных ботиночках. В одной руке он держит пивную кружечку, а другую воздел ввысь.

Перед заходом в «Августинер». По центру Татьяна, слева и справа – Елена и Алексей Ботвиновы

Сама по себе эта композиция знакома нам, и даже примелькалась. Мюнхенский монашек – старинный герб города, он повсюду: на ратуше, на путеводителях, на шпилях старинных зданий, на трамваях – но там фигурка в черном одеянии держит в руке молитвенник, а наша – пивную кружечку, и смотрит отнюдь не смиренно, а задорно, словно призывая чокнуться с ним сосудом побольше. Заинтересовавшись столь легкомысленной трактовкой городского символа, я полез – хотел для важности написать «в исторические хроники», но, признаюсь – в Интернет, и узнал, что еще в незапамятные времена мюнхенские пивовары поместили покровителя города на бутылки, бочки, кружки и, что поразительно, ни власти, ни горожане не видят в этом кощунства… Более того, оказывается, это уже не монашек, а юная монашка, и зовут ее «Münchner Kindl» – мюнхенская девушка. Но она видится мне скорее лукавой барышней.

И тут я вспомнил, что, бывая в ресторациях и трактирах столицы Баварии, видел бутылки с изображением лихой монашки, но вот пива этого не пил. И это не мудрено, учитывая, что в этом благословенном краю с кристальной чистоты источниками воды, со склонами, на которых под альпийским солнцем растут хмель, солод, пшеница, ячмень, которые и составляют в совокупности смак, стиль и смысл четырех тысяч разновидностей пива «всего» сорока основных сортов.

Как человек, ценящий не столько разнообразие, сколько традицию, я выбрал для услады всего несколько из них. Объяснять, почему именно эти… Пожалуй, повторю вслед за Козьмой Прутковым, который кратко и емко ответил на подобный вопрос о сыре: «Я вкус в нем нахожу!».

Ах, мой милый «Augustiner»!

Чтобы разделить справедливый пафос моего любимого литературного героя, мы с вами прежде всего отправимся в самый центр Мюнхена, где между Штахусом и Мариенплатц находится ресторация «Zum Augustiner» – «У Августинера». И снова мы убеждаемся, что основными фигурами в создании традиций баварского пивоварения были монахи. На сей раз – из обители Святого Августина, вовсе не героя легкомысленной песенки «Ах, мой милый Августин, Августин!», а одного из тех, кто был тверд духом и непреклонен в достижении цели.

Насельники этой обители в конце XIII века начали варить пиво – для души и пропитания, ибо в Баварии уверены, что пиво – жидкий хлеб. С 1328 года здесь работает и ресторация, которая вот уже почти 700 лет считается одной из самых притягательных как для местных жителей, так и для многочисленных гостей города, среди которых посчастливилось быть и нам. В каждый приезд мы идем прямо с вокзала в это старинное здание и заказываем по кружке «Августинера». Я – большую пильца, Таня – среднюю светлого…

У всех марок пива «Августинер» – особый характер и вкус. Секрет в древнем рецепте, который и нынче держится в тайне. Здесь используется только вода из собственного артезианского колодца, а пиво, как и столетия назад, выдерживается в дубовых бочках и лишь потом разливается по бутылкам. Настоящие ценители пьют его только vom Fass – из бочки…

В здании несколько этажей, которые, как правило, заполнены посетителями. Есть на первом несколько уголков, пользующихся особым спросом у почитателей романтической старины, – она в аксессуарах, в декоре ниш, в картинах и светильниках…

Кухня здесь отменная и разнообразная, но мы предпочитаем сложным и, откровенно говоря, дорогим блюдам традиционные колбаски и сосиски с гарниром из картофельного салата и тушеной капусты – собственно говоря, именно этими харчами питались монахи-августинцы – основатели заведения.

Баварский завтрак

Есть у нас и обычай – заглянуть в ресторацию воскресным утром, часам к 10, когда сюда потихоньку собираются адепты одной из мюнхенских традиций – баварского завтрака… Порция состоит из пары особых – белых – сосисок, толстеньких и нежных на вкус, которые незадолго до этого повар уложил в специальную фарфоровую миску, залил кипятком (не варил!) минут на двадцать, украсил блюдо веточкой петрушки и передал официанту. И вот они на нашем столе у окна, за которым течет людской поток – туристы стремятся успеть на Мариенплатц, где ровно в 11 часов на площадке башни, венчающей здание ратуши, начнется действо. Под звон курантов один за другим медленно выедут куклы, представляющие героев старинной придворной мелодрамы…

Эта церемония – одна из самых популярных в столице Баварии и собирает зрителей со всего света. По ее окончании многие идут в «Августинер» – выпить пива и подкрепиться. Залы постепенно наполняются разноголосым народом, но мы уже почти закончили свой баварский завтрак. К белым сосискам нам подали «Breze» – заварные калачи с крупинками соли на румяных боках – и пиво. Оно обязательно входит в этот ритуал. Причем принято пить его из специальных бокалов и, как правило, светлое.

Считаю нужным заметить, что, к сожалению, белые сосиски, купленные даже в дорогих мюнхенских магазинах и приготовленные дома, не передают изысканного вкуса, который сопутствует им в трапезе за столом «Августинера»…

«HB»: Mass – для масс!

…Итак, мы позавтракали в самом респектабельном, стильном и, как считают здесь, самом старом пивном ресторане. Впереди целый день – можно сходить в Старую Пинакотеку, тем более что в воскресенье здесь, как и в Новой, и Новейшей, вход бесплатный. Насладившись высоким искусством, обязательно отведайте в музейном кафе фирменные торт и кофе, отдохните в гостинице, а часов в восемь вечера встретимся с вами на небольшой площади Платцль, где располагается самая знаменитая в мире пивная – «Hofbräuhaus». «Там собирается компания большая…» Вот уже 502 года здесь варят пиво, а с 1589-го под брендом «HB» – с того дня как по королевскому указу стали именоваться «придворной пивной». К концу XIX века сформировался нынешний комплекс: пивной ресторан на первом этаже, банкетные – на втором и третьем, пивной сад.

Сейчас мы откроем дверь – и окажемся с вами в небольшом коридоре, где нужно обязательно сфотографироваться у висящего на стене днища старой пивной бочки, – и тогда мы обязательно найдем места в переполненном зале. Так оно и случилось, к удивлению ошарашенных новичков. То же самое происходило с нами и в первый заход в «HB». Казалось, что нет ни одного свободного стола, ни одной свободной скамейки. Мы уже собирались уходить, как из глубины зала нам помахал рукой неизвестный мужчина, и мы двинулись к нему, сталкиваясь по пути со снующими официантами. В это время соседи приветливого мужика стали передвигаться по скамейкам, сжимая ряды, и вот уже освободились места для нас. А дальше – улыбки, приветственные кивки, и каждый вернулся к своей подружке и своей кружке. Здесь всегда рады помочь пришедшим, но не принято сразу же становиться собутыльниками, вернее, сокружниками. Все зависит от естественного хода вещей. Завяжется ли между вами знакомство, будет ли

оно иметь продолжение – неизвестно, а вот чего точно не будет, то панибратства, а тем более разборок, грубости, конфликтов.

Уверен, вы встретите здесь такой же прием и сразу почувствуете себя среди своих. А они, свои, такие разные… Баварские франты в коротких кожаных штанцах из рекламы шоколада «Милка», пожилые пары, многодетные «разноцветные» семьи… Как и повсюду в Мюнхене, здесь много японцев, особенно молодых японок, сразу же погружающихся в изучение меню. Вот им приносят огромные кружки с пивом, и они ловко ухватывают их тонкими, но сильными руками, и в несколько глотков выпивают по литру, изумляя дюжих новозеландцев… Даю историческую справку: еще лет двести назад согласно королевскому указу в специальных кружках, именуемых Mass, должно было находиться точно 1.069 мл пива, и за этим строго следили специальные контролеры. Но нынче в массе «всего лишь» 1000 мл, но прибавьте-ка к ним и вес массивной кружки…

Я обычно заказываю два масса – себе и Тане, предполагая, что отопьет своих граммов триста и отодвинет кружку в мою

У «НВ» всегда многолюдно

сторону. А я за это призову снующую по залу барышню в нарядном передничке и куплю у нее для Тани огромный крендель, раз в десять превышающий размером тот бреце, что мы утром ели за завтраком в «Августинере».

А тем временем на сцене обосновались музыканты: старательно расставили пюпитры, как бы собираясь играть по нотам, оглядели зал и вжарили марш, под который мужчинам тут же захотелось маршировать с массами в руках, а женщинам – танцевать. Но не под марш же Радецкого. На радость им тут же последовала полька, и несколько пар принялись отплясывать ее на крохотном пятачке перед сценой, чем сразу же перекрыли дорогу официанту с подносом, загруженным жареными свиными рульками – фирменным блюдом. Подскочивший администратор мгновенно разрулил ситуацию в пользу танцоров – и в этом еще одна фишка «НВ», в его общении с клиентами заведения.

А через минуту-другую зал аплодировал хорошеньким баварским девчатам, отмечавшим какой-то свой праздник: они

Почетные и потомственные посетители «Королевской пивоварни» за своим столом

ловко скинули обувь и, вскочив на стол, принялись подпевать аккордеонисту, исполнявшему здешний шлягер, а наши соседи, и мы за ними, старались хлопать в ладоши, попадая в такт.

Недаром девиз мюнхенских пивоварен гласит: «Утром здесь варится пиво, а вечером – хорошее настроение!».

Оркестр состоит из музыкантов, чьи деды-прадеды создавали фирменный стиль музыки, звучащей в «Королевской пивоварне». Простые незамысловатые мелодии, привычные ритмы, но звучание инструментов, манеру игры не забудешь…

Не только пиво, но и звучащая здесь музыка – народная, а не стилизованная попса, с давних лет привлекала сюда великих и знаменитых композиторов и музыкантов. Вольфганг Амадей Моцарт написал в одном из этих залов оперу, а спустя столетия здесь играл и пел Луи Армстронг…

Однажды нам довелось поужинать за одним из особых столов (Stammtisch), отведенных для почетных гостей и для тех, кто годами приходит сюда, продолжая семейную традицию. Их пивные кружки – стеклянные и керамические, украшенные гербами

Оркестр вжарил марш

и монограммами, – хранятся в высоких старинных шкафах. Случается, что здесь есть свободные места, и их занимают обычные посетители – по приглашению хозяев. И в этом еще одно свидетельство демократичности и гостеприимства, характерных для придворной пивоварни баварских королей.

Вечер, о котором мы вам рассказали, был особенным: мы пришли под старинные своды в последний день пребывания в Мюнхене, чтобы встретить здесь 2018-й Старый Новый год. Мы не стали рассказывать соседям по столу – баварцам, японкам, новозеландцам – об этом обычае. Само сочетание «Старый Новый год» погрузило бы их в недоумение. Но праздник все же состоялся: были и бравурный марш, совпавший с нашим новогодним тостом, и третий кряду масс с добрым «Hofbräu Dunkel» (мюнхенским темным). А очередная фотография у старой пивной бочки вселила в нас уверенность в то, что обязательно еще не раз позавтракаем в «Августинере» и поужинаем придворной пивоварне.

P. S. Вы побывали с нами в двух культовых мюнхенских пивных локациях, а сколько их всего: ресторанов, пивных, подвалов-келлеров, баров, пивных садов, привокзальных трактиров, дегустационных в пивоварнях – пожалуй, не знает и скрупулезная немецкая статистическая служба. А мы – тем более.

В Мюнхенском аэропорту мы купили бутылку с монашкой на этикетке и впервые попробовали «Münchner Kindl». Превосходное пиво. Впрочем, в Баварии иного не бывает.

Фото автора и Татьяны Вербицкой

Ах, Одесса

354 Михаил Гаузнер
Мои старики и прототип Остапа

364 Михайло Гершкович
Одеські сонети

367 Григорий Шухин
В Аркадии, на улице Тенистой…

Михаил Гаузнер

Мои старики и прототип Остапа

Дед Давид и бабушка Софья были одними из самых близких и любимых мною людей. Рядом с ними прошли все мое детство, юность и первые молодые годы жизни – мы всегда, даже в эвакуации, жили вместе, до самого их ухода в мир иной.

На одной из прекрасно сохранившихся фотографий того времени – молодой человек в двубортном сюртуке с двумя рядами пуговиц; средняя расстегнута, что позволяет вставить внутрь кисть руки, от которой видна только белая манжета. Твердый стоячий воротничок охвачен темным шейным платком, выступающая часть которого закреплена заколкой со светлым камнем. Красивое выразительное лицо с правильными чертами, зачесанные назад гладкие темные волосы, густые черные брови и такого же цвета большие усы.

Мой будущий дед смотрит прямо на меня. Он легко узнаваем, хотя в моей памяти волосы у него совершенно белые, усы неопределенного цвета, прокуренные, а брови – такие же черные и густые.

Чудом сохранилась одна из открыток, которую он послал своей невесте. Каллиграфическим почерком, с чередованием нажимов и тонких, чуть ли не волосяных линий написано:

«Сарре Соломоновне M-lle Хасилевой!
Милая Сонюша! Крайне сожалею, что я лишенъ удовольствія лично поздравить тебя с днемъ рождения. А потому мысленно желаю Тебе истиннаго счастия и долголетия.
Любящий тебя Давид.
Приветствую всехъ. 14.IV.1903 г.»

Они прожили вместе около 60 лет, трогательно и с достоинством относясь друг к другу. Я бережно храню настольные часы – наш подарок им к золотой свадьбе. К светлому деревянному корпусу прикреплена наискосок медная хромированная пластинка с загнутым уголком. Выгравированные желтые буквы за эти годы потускнели, но надпись легко читается: «Дорогим юбилярам от потомков двух поколений. 1903-1953».

Дедушка перед свадьбой. 1903 год

После свадьбы дед и бабушка поселились в г. Могилеве-Подольском, где дед успешно держал мануфактурный магазин. В начале двадцатых годов они с детьми, как-то уцелев в смутное время Гражданской войны и похоронив младшую дочь, перебрались в Одессу.

Здесь деду пришлось забыть, что в прошлой жизни он был серьезным и успешным коммерсантом, и начать работать слесарем – приходилось выживать и приспосабливаться к реальным условиям жизни.

Однажды в конце 20-х годов к деду обратился от имени его старых знакомых приехавший в Одессу молодой человек по имени Григорий Пильдиш. Впоследствии и дед, и отец говорили, что тот вполне мог бы стать одним из прототипов Остапа Бендера. Впервые появился он утром, когда дед уже ушел на работу, а отец собирался на занятия в техникум. Поинтересовавшись, где отец учится, Григорий сказал, что для начала ему это, пожалуй, подойдет.

В техникуме удалось получить домашний адрес директора. Явившись в его квартиру, когда директор завтракал, Григорий заявил, что готов разделить с ним трапезу, а потом обсудить вопросы, которые явно заинтересуют директора. В тот же день после занятий мой изумленный отец узнал, что Гриша зачислен студентом – это в середине

Бабушка перед свадьбой. 1903 год

учебного года и, скорее всего, без необходимых документов. Чем взял Гриша директора, осталось неизвестным.

Когда в техникуме состоялось общее собрание, Гриша выступил с пламенной речью и настолько покорил аудиторию, что тут же был избран председателем учкома. Он совершенно не отягощал себя посещением занятий и полностью сосредоточился на общественной деятельности. Неизвестно, чем она закончилась бы и для студентов, и для преподавателей (а ведь в те годы именно студенты решали, оставлять ли преподавателей на работе), но вскоре Гриша перестал появляться и в техникуме, и в семье деда. Вероятно, у него появились другие интересы.

Через некоторое время отец встретил на Дерибасовской Гришу, ведущего под руки двух расфуфыренных девиц. Увидев отца, он радостно воскликнул: «Яня!» – и широко раскинул руки для объятия. Девицы при этом разлетелись в разные стороны, и об их существовании Гриша больше не вспоминал. Он пригласил отца и его друзей в «Гамбринус» (тот, старый, на Преображенской, где играл когда-то Сашка-музыкант), не желая слушать их робкие попытки отговориться отсутствием времени, а в действительности – денег. По дороге Гриша сообщил, что организовал и возглавил профсоюз трубочистов, предъявив в качестве доказательства массивный золотой портсигар с выгравированной надписью «Дорогому председателю от благодарных трубочистов». Друзья отца смотрели на него и слушали, разинув рты.

В «Гамбринусе» Гриша щедро делал заказы на всю компанию, пока не закончились деньги. После этого он предложил отцу

и еще одному из участников гулянки ненадолго отлучиться с ним «по делу».

Была уже ночь. Они вошли в парадное какого-то дома. Гриша оставил их на междуэтажной площадке, поднялся и позвонил в дверь одной из квартир.

После нескольких настойчивых звонков дверь открылась, и отец услышал примерно такой тихий разговор: «Григорий Ефимович, это вы? Что случилось? Ведь уже ночь!» – «Ситуация не терпит отлагательств. Завтра финотдел нагрянет к вам с проверкой. *Есть мнение* все конфисковать, дело закрыть, а вас посадить. Если утром не *решить вопрос* (ну, вы понимаете), то потом я уже ничего не смогу сделать». – «Григорий Ефимович, вы мой благодетель. Сколько нужно дать?». Дальше следовали реплики типа: «Ну, не знаю, не знаю… Вы сами должны понимать… Может быть, и хватит, но не гарантирую… Решайте сами…». Потом за дверью зазвучал встревоженный женский голос, и нэпман громким шепотом сказал: «Розочка, солнышко, это наш спаситель Григорий Ефимович. Быстренько принеси деньги. Какое счастье, что у нас есть такой человек!».

Когда Гриша с довольным видом спустился к своим спутникам, отец осторожно спросил: «Значит, ты сейчас работаешь в финотделе?». Гриша рассмеялся: «Яня, не забивай себе голову глупостями. Я похож на счетовода? Пошли, будем продолжать».

Из его веселых розыгрышей отец запомнил спор о чае. Гриша поспорил на приличную сумму, что выпьет подряд десять стаканов чаю с лимоном. Ударили по рукам. Попросив у буфетчика пустой чайный стакан и несколько лимонов, Гриша выбрал из них один, плотно входивший в стакан так, что над ним почти не оставалось свободного места. Потом налил до верха стакана чай и выпил, сделав так десять раз. В ответ на возмущение поспоривших невозмутимо сказал: «Разве я нарушил условие спора? Десять стаканов чаю с лимоном выпиты? Выпиты!». Формально он был прав.

Время от времени Гриша неожиданно появлялся в квартире деда, шокируя его и бабушку необычными историями из своей жизни. Однажды он рассказал, что стал уполномоченным по подписке на газеты одного из крупных московских издательств. Из его недоговорок было ясно, что значительная часть полученных денег (если не все) оседает в Гришиных карманах. Дед и бабушка

пытались предостеречь («Ведь могут быть неприятности!»), но он, улыбаясь, отмахивался: «Не берите в голову, сейчас такое время».

Наконец, Гриша сообщил, что «одесский климат стал ему вреден», и он уезжает. На вопрос деда «Куда?» он ответил запомнившейся отцу фразой: «Давид Иосифович, дорогой, на мой век дураков хватит». Потом деда вызывали в «органы» и спрашивали о возможном местопребывании его знакомого, о чем дед действительно не знал. Говорили, что Гриша объявлен во всесоюзный розыск.

Через несколько лет общий знакомый рассказал деду, что встретил Гришу в небольшом городке типа Умани, где тот работал… заместителем начальника уголовного розыска! (Естественно, под другой фамилией.) Разве этот человек своей оборотистостью, авантюризмом, актерскими способностями и умением убеждать не похож на «великого комбинатора»?

В начале 30-х началась кампания по конфискации у «нетрудовых элементов» золота и драгоценностей, с горьким юмором названная одесситами «золотухой». Деду вспомнили его буржуазное прошлое (по-видимому, кто-то «настучал»). Пришли с обыском, перевернули все вверх дном; естественно, ничего не нашли, но деда арестовали и пообещали держать в тюрьме до тех пор, пока он не сдаст драгоценности, накопленные нетрудовым путем и так необходимые советскому государству.

Моя мама, незадолго до этого вошедшая в семью отца, пошла к следователю и предложила себя в качестве заложницы вместо свекра, больного «грудной жабой» (так тогда называли стенокардию, которой действительно страдал дед). Она будет сидеть, а в квартире пусть ищут как хотят, хоть полы вскрывают – она уверена, что ценностей нет. Наверное, на следователя произвела впечатление молодая, очень красивая и решительная женщина. Он поверил, что дед «не тянет» на подпольного миллионера, и через какое-то время выпустил из тюрьмы.

Но судьбе было угодно предпринять еще одну попытку сделать деда миллионером. За пару лет до войны его неожиданно вызвали в НКВД, которое одесские острословы по аналогии с Госстрахом называли «Госужасом». Вполне понятно, что и у деда эта организация вызывала такие же ассоциации. Он провел не одну

беспокойную ночь, теряясь в догадках о причине интереса к нему и предполагая самые неприятные последствия.

Однако опасения оказались напрасными. Деду объявили, что во Франции умер его дальний родственник – миллионер, не имевший наследников, который завещал разыскать в бывшей России своих родственников и передать им его состояние: завод, виллу, солидный счет в банке. Нашли нескольких Гаузнеров и среди них – деда. Других однофамильцев в Одессе не обнаружили, нет их и сейчас.

В то время наличие родственников за границей было чревато большими неприятностями. Естественно, дед стал отказываться и от родства, и от наследства. Ему популярно и доходчиво объяснили, что этого делать не следует, но после того, как валюта поступит в нашу страну, он сможет передать деньги детскому дому или на другие нужды государства. Пришлось деду писать и оформлять официальные бумаги, заверять их, оплачивать пошлину, гербовые марки и т. д. При этом он продолжал бояться – жизненный опыт подтверждал, что для этого есть достаточно оснований.

Оформление затянулось, потом началась война, и «компетентным органам» стало не до деда, а ему – не до наследственных дел. Но через пару лет после войны про деда вспомнили, нашли его в Свердловске, где он вместе с моим отцом работал на военном заводе, и все повторилось – дед пытался отказываться, его убеждали, он снова оформлял, заверял, платил.

Судьбе было угодно, чтобы отца наконец перевели из Свердловска в Одессу. Дед очень надеялся, что при переезде в другую республику «органы» его потеряют, и на этом дело об иностранном наследстве закончится. Но он недооценивал эти структуры – через пару лет его опять нашли, и все пошло по третьему кругу. Тянулась эта история довольно долго. Наконец в один прекрасный день сконфуженный дед пришел из НКВД домой, и на его лице была смесь облегчения с разочарованием. Он объявил, что наследство получено, и предложил угадать его величину. Предположения высказывались самые разные – от откровенно фантастических до вполне скромных, но догадаться не удалось никому.

Оказалось, что за годы войны и послевоенной разрухи во Франции наследство превратилось в ничто – завод и вилла были разрушены, деньги на счетах девальвировались в десятки

раз. Короче говоря, суммарные затраты деда на трехразовое оформление заграничного наследства значительно превысили пришедшую на долю деда какую-то смешную сумму, полученную из Франции. Во всяком случае, передать ее на детский дом уже никто не предлагал. С тех пор многие, знавшие об этой истории, долго подтрунивали над дедом, называя его «миллионером».

Так что мне не удалось стать потомком богатого человека. Может быть, это и к лучшему.

После возвращения из эвакуации в Одессу деду вновь пришлось заняться слесарным делом, хотя ему к тому времени исполнилось 68 лет, и работать было уже нелегко. По своему характеру и из-за развившегося ухудшения слуха он был немногословен. Очень любил читать. Раз в неделю, в пятницу, приносил из библиотеки (почему-то в авоське – были такие плетенные из ниток корзинки) несколько книг. Руки его пахли не полностью отмывшимся на работе керосином. Отфыркиваясь, дед умывался у раковины на кухне, на полу образовывалась лужа (ванной он пользовался только по выходным, и переубедить его не удавалось), обедал, ложился на свою кушетку и допоздна читал.

В общих разговорах дед обычно участия не принимал, а если встревал, то коротко и афористично. Когда однажды при нем пожалели общего знакомого, которому изменяет красавица жена, дед оторвался от чтения очередной книги и невозмутимо сказал: «В хорошем деле неплохо иметь и пятьдесят процентов».

Все, что бабушка готовила, дед ел с удовольствием, после чего говорил: «Спасибо, Сонюша», – и целовал ей руку. Но были два продукта, которые дед никогда не употреблял и незаметно отодвигал от себя, если они оказывались рядом с ним за общим столом, – горчица и голландский сыр. Однажды я пристал к нему и стал настойчиво спрашивать, чем вызвана такая неприязнь. Дед лаконично ответил: «Я удивляюсь твоему вопросу. Ее – за вид, его – за запах».

Я очень любил разговаривать с ним «за жизнь». Юности свойственно желание поскорее завершить теперешний этап и приступить к следующему, более интересному. Однажды я эмоционально излил ему очередное свое нетерпение: «Скорей бы уже…». Он усадил меня рядом и сказал: «Мишенька, не надо спешить жить. Жизнь – это дорога через гору. Сначала карабкаешься вверх,

и хочется поскорее преодолеть подъем. Постепенно путь становится более пологим, а затем – ровным, ты уже не спешишь и думаешь, что это надолго. Незаметно начинается уклон, которого ты вначале не замечаешь. Потом уклон увеличивается, ты невольно все больше и больше ускоряешь шаг. Пытаешься притормозить – не получается, ноги сами несут тебя вниз. А потом – обрыв… Так что не спеши, радуйся жизни».

Дедушка в 1948 году

Дед слесарил до 77 лет. Иногда по дороге в институт я обгонял его, тяжело опирающегося на палку, и слышал, как трудно он дышит. В ответ на наши настойчивые уговоры оставить работу он неизменно отвечал: «Я работаю с 15 лет. Если перестану работать – умру». Я не мог этого понять и рисовал ему непривычные радужные перспективы отдыха с большим количеством свободного времени. Под давлением всех членов семьи он наконец вышел на пенсию, в хорошую погоду ежедневно ходил в Городской сад и проводил там время в компании таких же «пикейных жилетов». Но так прожил дед всего год с небольшим. Тогда я впервые задумался о правильности стремления к размеренному, не наполненному привычным смыслом пенсионному существованию.

Все члены нашей семьи работали, а бабушка, как говорили тогда, «вела дом». Она была спокойной, выдержанной. Не помню, чтобы когда-нибудь повысила голос, проявила раздражение или недружелюбие. Людей видела, как говорят, насквозь. Бывало, ко мне приходил новый знакомый, с которым бабушка, впустив его, успевала обменяться только несколькими незначительными фразами. После его ухода она давала этому человеку характеристику настолько близкую к истине, что я поражался.

Каждая вещь была у нее на предназначенном месте, все делалось четко, рационально, неторопливо. Иногда она по чьему-то адресу позволяла себе высказывание «беспорядок в жизни» – это была максимально возможная для нее степень осуждения.

Спешка и суетливость были для нее неприемлемыми. Однажды мы с женой торопились в театр. Я примчался с работы, быстро умылся и переоделся, на еду уже времени не оставалось, и мы побежали, рискуя опоздать. На следующий день бабушка расспросила нас о спектакле, задала несколько точных вопросов, а потом сказала: «Честно говоря, не понимаю, как вы смогли воспринимать спектакль, переведя дух уже в зрительном зале. Мы с дедом посещали театр довольно редко, но этот день строился по-особому. Дедушка приходил домой на обед и больше на работу не возвращался, отдыхал. Выходили из дома задолго до начала спектакля (а жили они на Ланжероновской, в полутора кварталах от театра), брали извозчика и медленно ехали по Пушкинской до вокзала и обратно. Смотрели на людей, на витрины, потом не спеша гуляли по фойе театра, раскланивались со знакомыми. Понимаете, ребята, мы настраивались на восприятие спектакля, на получение удовольствия. А как вы, прибежав запыхавшись, не переключившись… не понимаю».

Действительно, ей многое в нашей жизни было непонятным, но она, как правило, не позволяла себе вмешиваться и тем более – навязывать свое мнение. Услышав мою непрошеную и по молодости чересчур настойчивую попытку переубедить кого-то из знакомых, она потом сказала мне наедине: «Не пытайся надеть свою голову на шею другого человека – она ему не подойдет, а ты можешь остаться без головы». Преувеличение, но как образно!

Обычно бабушка готовила простые блюда, но по праздничным дням на столе обязательно появлялись традиционные кушанья – фаршированная рыба, цимес, кисло-сладкое жаркое, куриная шейка. Коронным блюдом бабушки были вертуты из так называемого вытяжного теста, кусочек которого величиной чуть больше крупного абрикоса она умудрялась двумя руками растягивать на своем очень большом старинном обеденном столе так, что через него был виден свет лампы (я специально экспериментировал). Когда лист теста занимал всю поверхность стола, в него

многократно заворачивались (отсюда название пирога) разные начинки: мясо, творог с изюмом, яблоки, крутые яйца с зеленым луком. Эту «колбаску» длиной в ширину стола (метра полтора) бабушка, не разрезая, укладывала соприкасающимися витками на противень и пекла. В ней было не менее 10-12 тончайших слоев теста, вкус – необыкновенный.

Даже в те времена, когда еще были живы старые хозяйки, сохранившие традиции одесской кухни, это бабушкино произведение было единственным в своем роде. Если теперь в витрине магазина я вижу под названием «вертута» пирог из теста, в пару толстых слоев которого что-то небрежно завернуто, я сразу вспоминаю бабушку и ее кулинарный шедевр.

Когда бабушке исполнилось 82 года, мы отметили ее последний день рождения. Деда и большинства ее сверстников уже не было в живых, но более молодые родственники и наши друзья собрались, чтобы ее поздравить. Я отчетливо помню, как она вышла к гостям: облегающее черное платье в белый горошек, белый отложной воротник, гладкие волосы стянуты сзади, прямая спина, прекрасная осанка.

Села во главе стола, улыбалась, благожелательно и живо реагировала на тосты в ее честь. Потом попросила меня налить в рюмочку ее любимый вермут, встала и спокойно сказала: «Дорогие, я очень благодарна вам за пожелания, особенно потому, что это уже в последний раз». Все замерли, а я не выдержал: «Бабушка, да что ты такое говоришь?». Она невозмутимо ответила: «Мишенька! Моя мама, тетя, старший брат жили не более 83 лет. Видимо, мы, Хаселевы, живем только до этого возраста». Это было в конце апреля, а в сентябре она умерла, проболев недолго.

Чем старше я становлюсь, тем чаще вспоминаю их добрые лица и заботливые поступки, неторопливую речь, образные сравнения и мудрые высказывания. Наверное, это и есть преемственность поколений…

Михайло Гершкович

Одеські сонети

Пролог

«Забив цвяшок» мені поет-колега:
«Ти за Одесу напиши сонет,
Зроби такий віршовий пірует,
Примнож число одеських оберегів».

Не вдамся тут до творчих я стратегій:
Не цілячись на «сонячний кларнет»,
Складу помалу не один сонет,
Хоч це не легше, ніж складати «лего».

Чи не в догоду це комусь зроблю,
Але рядки належно заримую
І чотирнадцять їх в сонет вкладу я.

Доводить, що Одесу я люблю,
Не варто: засміють лише до глуму,
І в цьому теж тонкий славетний гумор.

Зухвалі хвилі

Зухвалі хвилі б'ють в одеські моли
Не менш вразливо, ніж тому сто літ.

Й так само крики чайок – мов привіт
Від кораблів, що десь за видноколом.

Життя в Одесі не буває кволим,
Тут серце завше проситься в політ,
Одеський гумор – справді дивний плід,
Й такий деінде скуштувать – ніколи.

Зелені вулиці гостей привітно ждуть,
До моря неодмінно доведуть
Крізь посмішки, принади і красоти.

Яскраве сонце крізь акацій тінь
Розкриє неба срібну голубінь
І прожене з думок тяжкі турботи.

Білі брості надії

Старих акацій запашне цвітіння
Живе з дитинства спогадом в мені,
Як і юначі полохливі дні,
Коли в Одесі буйне білопіння.

Ще дні такі, що не жадаєш тіні,
Духмяні ночі – наче уві сні,
І мріємо, як рано навесні…
Роки ідуть. А дні такі – незмінні.

Одеси символ – цвіт акацій білий,
Повітря й простір – так неждано милі,
А біла брость надіями зорить.

І набігають спогади про море,
Одеський гумор, світлий і прозорий…
І мить таку не можна пропустить.

Краса над морем

Ім’ям Шевченка парк освячений,
В Одесі люблений всіма.
Приїжджим – вражень просто тьма,
Місцевим – чимсь своїми означений.

Краса над морем – це означення
Весь простір парку обійма.
Куточку жодного нема,
Який для нас не мав би значення.

Алеї, вежа, стадіон,
І обеліск, і спуск на Ланжерон,
Зелений театр… – усе суттєво.

І серце проситься в політ,
І назавжди лишиться слід
На стежці пам’яті життєвій.

Григорий Шухин

В Аркадии, на улице Тенистой…

Старик и птицы

Старик со спиннингом улову –
рыбешке мелкой – даже рад.
Не для себя – для рыболова,
чтоб прокормить триумвират.

Он каждый день сидит у моря,
мусоля пальцами крючки,
а за спиной о чем-то спорят
пернатых новый вид – сачки.

Две белых цапельки и ворон
с удилища не сводят глаз,
как за указкой дирижера
оркестр, хор, а также джаз.

И только к деду как прилипли,
и не охотятся, а ждут,
ведут себя они, как хиппи,
что не приемлют честный труд.

Людей, собак они боятся,
уйдя на несколько шагов,
спешат вернуться и дождаться
подачки с видом смельчаков.

Старик наш справедливо делит
улов среди голодных птиц…
О, если б ворон с цапельками пели,
их благодарности бы не было границ.

Еще раз про любовь к кошачьим

У Бродского в доме жил кот Миссисипи,
дом с другом – надежней, чем порт!
Устройство кота, как клапан и ниппель,
снимало давление с хрупких аорт.
Ведь с детства курящий Иосиф,
неся поэтический крест,
дышал, как участвовал в кроссе…
С котом Миссисипи сердечник воскрес!

Поэт чуть седой и кот бело-рыжий
(похожей так стала их масть)
любили к Марии держаться поближе –
хозяйка, кормилица, власть.
Жена и последняя муза поэта
звала их на кухню: – Быстрее, коты!
Вегетарианцев сегодня диета,
чтоб помыслы были чисты.

Созданием стройным сражен Вознесенский,
свою египтянку назвал он – Кус-Кус.
На дачах московских, скажу по-житейски,
для кошек большие деревья искус.
На верхнюю ветку ползут, каменея,
а слезть не умея, рыдают весь день.
И труса в дрожащем животном жалея,
оставил Андрюша от дерева пень.

Героя-кота в сапоги и кафтан наряжали,
на цепь золотую сажал котофея Поэт,
былины слагали, легенды и пасторали,
сонеты писали, и не однажды – памфлет.
Редчайшие кошки – «ангоры»,
«сенгоры», «саванны» –
загадкой своей эталон красоты создадут…
Пегасу крылатому все непонятно и странно –
коты на помойках и в книжках красивых живут.

Дюма и Булгакову, мудрому старому Хэму
коты намурлыкали фабулы книг!
Про трех мушкетеров, про подвиг рыбацкий поэму,
и образ кота Бегемота под музыку эту возник.

На Тенистой

Жанночке и Нолику

Ваш комфортабельный шалаш
в Аркадии на улице Тенистой
не брали мы на абордаж
в сезон осенний бархатистый.

Ключи от дома – вы, друзья –
нам дали в память нашей школы.
Такая доброты у вас стезя
и нрав свободный и веселый.

В тени больших особняков,
лозы и груш, набрякших урожаем,
ваш дом стоит особняком…
Хоть скромен, но неподражаем.

Пешком до моря налегке
пути минут всего пятнадцать.

И благодарность вся в строке:
– Нет толчеи трамвайной, братцы!

Здесь розы желтой фимиам,
арбуз, разрезанный на доли,
напомнил убежавшим нам
наш старый дом в тени секвойи.

Кто посадил – тому и честь!
Орех высокий и плечистый
по крыше бьет, прицелясь в жесть,
орехом спелым бескорыстно.

Осенний праздничный салют
плодов, всех красок фейерверки…
Спасибо, други, за уют,
за слово сказанное «вэлкам».

Бат-Ям

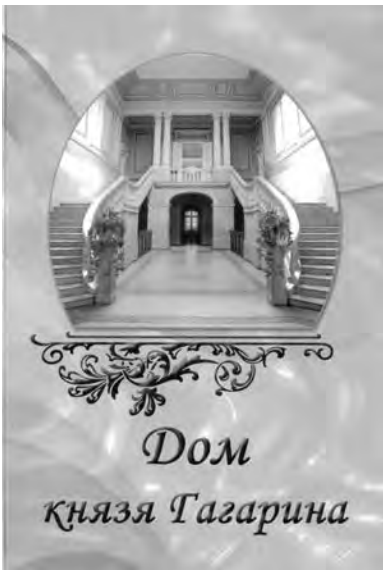
Издано...

372 **Евгений Голубовский**
Книжный развал

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе



Дом князя Гагарина
Выпуск 8
Одесса, 2017

Очередной сборник научных статей и публикаций Одесского литературного музея посвящен 40-летию создания музея. Тематика, как всегда, разнообразна, как и литературная жизнь Одессы за 220 лет. Среди героев статей и публикаций Тарас Шевченко, Юзеф Крашевский, Михаил Жук, Алексей Крученых, Илья Ильф и Евгений Петров, Борис Нечерда.

Меценатом издания стал почетный гражданин Одессы и Одесской области, член президентского совета Всемирного клуба одесситов Сергей Гриневецкий.

Все статьи познавательны, содержательны, насыщены материалом, впервые публикующимся. Можно было бы писать о каждой статье. Но я выбрал одну публикацию, показавшуюся мне созвучной нашим сегодняшним делам. Это статья М. Кисловой

«Юбилейный выпуск газеты «Одесские новости». Отталкиваясь от экспоната музея, а в музее представлено юбилейное приложение к газете «Одесские новости» с автографом Корнея Чуковского, автор рассказывает обо всех редакторах газеты, ее талантливых журналистах.

Нам особо интересна эта публикация, так как «Всемирные одесские новости», выпускаемые клубом, попытались взять всемирность и культурную насыщенность именно у этой газеты.

Евгений Ушан
Чудаки
Одесса, издательство КП ОГТ, 2018

Евгений Ушан – поэт, известный в двух ипостасях. Он пишет замечательные детские стихи – в прошлом году за них он получил премию на конкурсе имени Корнея Чуковского, и взрослые, иронические стихи. Эта книга «Чудаки» – сборник его иронической поэзии. А в ближайшее время с иллюстрациями Натальи Лозы выйдет и книга стихов для детей.

Мне запомнился Евгений Ушан еще со времен литсудии Юрия Михайлика «Круг». Потом на ряд лет он выпал из поля зрения, как рассказывает сам – не писал. Но, вновь появившись на литстудии «Зеленая лампа», начал радовать студийцев молодыми ироничными стихами.

В этом альманахе в разделе «Поэзия» Ушан представлен. Поэтому читатель и сам сможет убедиться, что город, давший литературе Сашу Черного, продолжает растить высокую ироническую поэзию.

Алесандр Бирштейн
Времена города
Одесса, Экология, 2018

Серия небольших изящно изданных книжек Александра Бирштейна растет. И это прекрасно. Нет, это не времена года, это именно времена города, причем любимого и автором и его читателями, – это книга об Одессе и одесситах.

Чтобы вы услышали голос автора, ощутили его тональность, покажу, как он начинает свою книгу.

«Одесса похожа на ветер. Она меняется довольно часто.

Одесса похожа на женщину. Она зависит от настроения.

В Одессу приезжают с надеждой и уезжают разочарованными или очень счастливыми. Как повезет.

Кого встретишь…

Куда попадешь…

И только одесситы, как атланты с улицы Гоголя, тащат этот мир на себе…»

Скажете – поэзия. И будете правы. Бирштейн не только прозаик, но и поэт. Поэтому его проза о любимом городе всегда поэтична.

Эти короткие новеллы не обязательно читать в один присест и подряд. Я бы советовал начать знакомиться с временами города, начиная со «Времени снов».

Издано в Киеве

Анна Михалевская
Междверье
Киев, Друкарский двор Олега Федорова, 2017

Эта книга рассказов – первый шаг автора в большую литературу. Уже написан роман. Надеюсь, что он будет издан в этом году. К книге «Междверье» я написал предисловие, пару абзацев из которого здесь приведу.

«Так кто автор? Психолог. По образованию. По складу ума – писатель со сложившимся кругом тем, проблем, ощущений.

Никаких «одессизмов», но одновременно это очень одесская проза. Как я это объясняю сам себе?

Книга называется «Междверье». Помните, Петр Первый прорубил для России окно в Европу? А Екатерина Вторая, основав Одессу, открыла дверь в Средиземноморье – и смешались здесь итальянцы и греки, французы и поляки, евреи и русские, языки и темпераменты, характеры и религии. Гремучая смесь, рождавшая гениев и злодеев.

Дверь открыта. Просто ли в нее войти? Просто ли преодолеть междверье? Анна Михалевская знает, как много в каждом из нас комплексов. И она убеждена: лечить человека, лечить общество можно любовью. Нужно любовью».

Читайте эту книгу. Читайте новую плеяду молодых одесских прозаиков.

Анна Стреминская
Марфа и Мария. Стихи
Киев, Писатель в интернет-пространстве, 2018

Эта книга попала в руки автора 21 марта, во Всемирный день поэзии и одновременно – в день ее рождения. Тогда же была презентация книги на очередной встрече студии «Зеленая лампа». И это не совпадения, это знаки того, что у книги будет счастливая судьба, она найдет своего читателя. Оформил сборник стихов отец Анны Стреминской художник Игорь Божко.

И вновь о преемственности. Анна начинала в студии Юрия Михайлика. Писала все эти годы. Так что нынешняя книга – четвертая в ее поэтическом багаже. Ее привлекает философская лирика. Об этом говорит и название книги, последовавшее за одноименным стихотворением. Можно ли совместить в себе Марфу, которая «заботится и суетится о многом», и Марию, которая избрала «благую часть, которая не отнимется от нее»?

Обращение к библейским текстам, к судьбам великих поэтов всегда было присуще Анне Стреминской. И тут немаловажную роль сыграл Литературный музей, где она работает многие годы.

В последнее время Стреминская пробует себя в прозе, так что мы можем ждать и неожиданного продолжения литературной судьбы.

Издано в Харькове

Нацумэ Сосэки
Десять ночей грез
Харьков, Фолио, 2017

Впервые в Украине в одной книге на трех языках вышла книга классика японской литературы. Инициатор издания – переводчик с японского на русский Майя Димерли. Переводчик с русского на украинский – Анна Костенко. Мне кажется, что в этом творческом тандеме авторы удивительно гармоничны.

Это книга-подарок, это книга-праздник. Она и вышла в последние дни 2017 года, когда торжественно завершался год Японии в Украине. Праздником сделало книгу ее оформление, продуманное Майей Димерли до мелочей, нашедшей художника, воплотившего ее замысел, Глеба Кадеева, и дизайнера книги Ирину Даньшину.

И несколько слов о самой сути «Десяти ночей грез». Сюрреализм как понятие и как явление возник в январе 1917 года во Франции. А Нацумэ Сосэки умер в декабре 1916 года в Японии. Но тем не менее Сосэки можно считать сюрреалистом до сюрреализма. Умение сочетать точность в деталях со сновиденческим абсурдом поразительно. Прелесть книги в ее доброте, мудрости и… тишине. Она учит, не поучая, заставляет задуматься не назидательно, открывает душу Японии нежно и ненавязчиво.

В книге есть текст на японском языке. Увы, я не принадлежу к тем, кто может его прочесть. Я прочел два перевода. И каждый – как блестящее литературное произведение. И это заслуга молодых одесских прозаиков Майи Димерли и Анны Костенко, талантливых не только в своих произведениях, но и в переводе, где нужно раствориться в авторе.

Издано в США

Григорий Куперштейн
Одесские ребята
2017

История музыкальной Одессы необъятна. Самое время приступить к созданию Одесской музыкальной энциклопедии. А каких Одесса знала певцов… Достаточно вспомнить Платона Цесевича, Антонину Нежданову и Ольгу Благовидову. Пианисты, скрипачи, джазисты, даже скрипичные мастера – к примеру, непревзойденный одесский Страдивари Лев Добрянский, погибший в нашем городе в дни оккупации в 1941 году…

Какая-то доля этого замысла осуществлена. Не в Одессе, а в Соединенных Штатах Америки, где выпускник школы имени Столярского, а затем и Одесской консерватории, работающий сейчас в группе первых скрипок Балтиморского оркестра Григорий Куперштейн написал и издал за свой счет книгу с веселым названием «Одесские ребята».

А по сути, это главы из истории скрипичной Одессы – от Владимира Пахмана до Буси Гольдштейна.

Книга легко написана. Это не академическое сочинение. И тем больше у нее будет читателей.

В этом году Игорь Покровский проводит очередной скрипичный фестиваль. Как уместно было бы всем участвующим скрипачам вручить эту книгу. А многочисленные слушатели могли бы ее купить и окунуться в мир скрипичных страстей, потрясавших наш город сотню лет.

Содержание

От редакции 3

Михаил Жванецкий
Я не хочу быть стариком 5

Юрий Михайлик
Из новых стихов 8

История, краеведение

Олег Губарь
Путеводитель по пушкинской Одессе 10

Сергей Котелко
История здания на Княжеской улице, 1 40

Анатолий Горбатюк
Лаокоон и его приключения в Одессе 63

Борис Бурда
Романтический чемоданщик 78

Татьяна Гоголина
Отдел имени Л.Д. Тимоновой 93

Галина Педаховская
На берегу прошлого 103

Памяти Валентины Голубовской
Феликс Кохрихт
Летит, летит по небу клин усталый... 119
Валентина Голубовская
Журавлиный День Победы 120

Одесский календарь

Леонид Авербух
Жизнь, подобная легенде 124

Проза

Феликс Кохрихт
Каждый роман, как первый... 130

Владимир Каткевич
Кто хороший специалист? 132

Евгений Деменок
Высшая лига 136

Наташа Северин
Каприсы 148

Елена Лебедева
Сказки с иллюстрациями 152

Александр Чоклин
Пропащая, единственная, непостижимая, такая короткая жизнь 157

Анна Коренева
Три рассказа 160

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук
Отмычка Соломона 164

192 слова

Анатолий Горбатюк
Вот так встреча!.. 176

Сергей Осташко
О программе «Время» и брежневской конституции 177

Виктория Коритнянская
Ангелочек 178

Алексей Гладков
Гонки 179

Евгений Перемышлев
Стул деревянный одомашненный 181

Наиль Муратов
Не убивайте любовь 182

Антон Семенюк
Аппетит 183

Эрлен Бейлис
Кофе с молоком 184

Поэзия

Евгений Ушан
Иронические стихи 186

Игорь Потоцкий
Из разных тетрадей 191

Наталья Казанкина
Счастье это тишина 196

Вера Калмыкова
Прощай, риторика 200

Леонид Якубовский
Краткий поцелуй 206

Первые шаги

Одесское «Море талантов» 212

Искусство – жизнь – искусство

Александр Мардань – Виктор Ерофеев
«Вся культура – это борьба с энтропией...» 222

Валентин Максименко
Чайковский, Одесса, автографы 239

Галя Маркелова
То, чему нужно учиться всю свою жизнь 245

Белла Верникова
Пришедший из забытья писатель и драматург Семен Юшкевич 250

Евгений Перемышлев
Остролябия, сиречь – феодолит, и антоновское яблоко весной 259

Анна Михалевская
Все начинается с тишины 267

Леонид Авербух
Одесские музы поэтов 270

Евгений Голубовский
Вслед за классиками 290

Владислав Кураш
Трогательная история одной огромной любви 291

Елена Шевченко
Джаз: времена года 294

Публикации

Семен Липкин
Линованная тетрадь 300
Публикация Елены Макаровой

Алена Яворская
«Судьба морской газеты «Моряк»...» 311

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
«Поэтические изгибы драгоценностей» 334

Путешествие

Феликс Кохрихт
В Мюнхен – za pivòm! 344

Ах, Одесса

Михаил Гаузнер
Мои старики и прототип Остапа 354

Михайло Гершкович
Одеські сонети 364

Григорий Шухин
В Аркадии, на улице Тенистой 367

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал 372

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах
Книга 73

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac
Book 73

Издается с 2000 года

Координатор проекта «Одесская библиотека» Иван Липтуга

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 17.04.2018
Бумага офсетная PAMO SUPER 80 г/м

Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Заказ № .... Тираж 500 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Плутон»
65023 Украина Одесса, Нежинская, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42

Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Регистрационное свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010
а/я 299, 65001 Украина Одесса
Тел.: +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ПОДПИСНОЙ КУПОН-ЗАЯВКА

Настоящим подтверждаю свое намерение оформить подписку:

Фамилия:	
Имя:	
Отчество:	
Адрес доставки:	
Телефон:	
E-mail:	

Стоимость подписки*	12 месяцев	4 выпуска	200,00 грн.

** В стоимость подписки не включаются затраты на доставку изданий.*

Оплата:

❑ безналичный расчет ❑ наличными

❑ кредитная карта ❑ необходим договор

Оплату согласно выставленного счета гарантирую

Дата _____ Подпись _____

Отправьте подписной купон-заявку почтой или факсом по адресу:
Украина, 65001, г. Одесса, а/я 229,
Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»

PLASKE
ПЛАСКЕ

Факс: +380 (48) 7-385-375; 7-287-221;
тел. редакции: +380 (48) 7-385-385, 7-288-288;
0-800-300-30-80 (бесплатно со стационарных телефонов)